ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год 10

Хороших мастеров своего дела будет выпускать техническое училище металлистов № 6. Оно готовит образованных, квалифицированных рабочих, знающих законы физики и механики, умеющих читать сложные чертежи и производить сложные расчёты.

Вы видите на снимке вчерашних школьников, этой весной окончивших десятилетку. Они приняты в училище и через два года станут чертёжниками-конструкторами, контрольными мастерами, токарями-универсалами, фрезеровщиками, сборщиками точных приборов.

Старший мастер Василий Васильевич Баранкин знакомит учащихся с оборудованием механического цеха.

Фото М. Кухтарёва.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 10 октябрь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Отважное сердце

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

Алексей Югов **Рисунки Петра Павлинова.**

Глава шестая

Отгремели свадебные торжества во Владимире. Призатих княжеский терем... Невский торопился с отъездом в Новгород. Неотложные государственные дела призывали его. Что-то опять замышляют на русских рубежах и немецкие и шведские рыцари!..

Но прежде чем тронуться в дальний путь, нужно здесь, во Владимире, помочь брату Андрею свершить многие дела.

Александр Ярославич далеко за полночь засиделся в своём рабочем покое за свитками и донесениями со всех сторон Руси. Есть донесения и из самой татарской Орды: и там у Александра сидят свои надёжные разведчики из числа враждебных Батыю татар...

...На перстневом, безымянном пальце Александра сияет голубым пламенем крупный драгоценный камень. Шелестят свитки пергамента и мягкой бересты с нацарапанными на ней письменами. В двух больших подсвечниках, справа и слева от огромного, чуть с наклоном письменного стола, покрытого красным сукном, горят шестерики восковых свечей. Они горят ярко и спокойно. Пламя не шелохнётся. За этим нарочно неусыпно следит тихо ступающий по ковру мальчик. Он светловолос, коротко острижен, но с чёлкой. На нём песочного цвета кафтан, ошитый золотой тесьмой, сафьяновые красивые сапожки. В руках у отрока так называемые «съёмцы» — ножницы-щипцы, чтобы снимать нагар со свечей. Время от времени он ими и орудует, бережно и бесшумно.

Вот он стоит в тени (чтобы не мешать князю Александру), прислонился спиной к выступу изразцовой печи и бдительно смотрит за пламенем всех двенадцати свечей. Вот как будто фитилёк одной из свеч, нагорев, пошёл книзу чёрной закорючкой. У мальчика расширяются глаза. Он сперва застывает, как бы впадает в охотничью стойку. Ещё мгновение — и, став на цыпочки, закусив от напряжения губу, он начинает красться к нагоревшей свече...

Невский, хотя и погружён в свой труд, взглядывает на мальчугана, усмехается и покачивает головой. Затем вновь принимается за работу. Под рукою у Александра лежат две тупо заостренные нетолстые палочки: одна свинцовая, а другая костяная. Свинцовой палочкой князь делает значки и отметины на пергаменте — на выбеленной телячьей коже. А костяной палочкой он пишет на кусках размягчённой бересты, выдавливая ею буквы.

Труд окончен. Александр Ярославич откидывается на спинку дубового кресла и смотрит устало на тяжёлую темнокрасного сукна завесу окон. Посреди неё начали уже обозначаться переплёты скрытых за нею оконниц. Светает. Александр Ярославич нахмурился.

Мальчик случайно заметил это, и рука его, уже занесённая над чёрным крючком нагара, так и застыла над свечкой: он испугался, что своей работой обеспокоил князя.

— Ничего, ничего, Настасьин, — успокаивает его Александр, мешая в голосе притворную строгость с шуткой, дабы ободрить своего маленького свечника. Тот понимает это, улыбается и старательно снимает щипцами новую головку нагара.

— Поди-ка сюда! — приказывает ему князь.

Мальчуган так, со щипцами в руке, и подходит.

— Ещё, ещё подойди, — говорит Невский, видя его несмелость.

Гринька подступает поближе.

Невский созерцает его с большим удовлетворением.

— Да какой же ты у меня красивый, нарядный сделался, Настасьин! — говорит князь. — Всех девушек поведёшь за собой.

Шутка Ярославича приводит Гриньку в большое смущение.

Александр кладёт свою сильную руку на его худенькое плечо и старается ободрить.

— Ну, млад месяц, как дела? — спрашивает князь. — Давненько мы с тобой не беседовали!.. Нравится тебе у меня, Настасьин?

— Ндравится, — отвечает Гринька и весело смотрит на князя.

Тут Невский решительно не знает, как ему продолжать дальнейший разговор: он что-то смущён. Кашлянул, слегка нахмурился и продолжал так:

— Пойми, млад месяц... Вот я покидаю Владимир: надо к новгородцам моим ехать опять... Думал о тебе: кто ты у меня? Не то мечник, не то свечник! — пошутил он. — Надо тебя на доброе дело поставить, и чтоб ты от него весь век свой сыт-питанен был!.. Так-то я думаю... А?

Гринька молчит.

Тогда Невский говорит уже более определённо и решительно:

— Вот что, Григорий, ты на коне ездить любишь?

Тот радостно кивает головой.

— Я так и думал. Радуйся: скоро поездишь вволю. На новую службу тебя ставлю.

У мальчика колесом грудь. «Вот оно, счастье-то, пришло! — думает он.— Везде с Невским самим буду ездить!..» И в воображении своём Гринька уже сжимает рукоять меча и кроит от плеча до седла врагов русской земли, летя на коне на выручку Невскому. «Спасибо тебе, Настасьин! — благостным, могучим голосом скажет ему тут же, на поле битвы, Александр Ярославич.— Когда бы не ты, млад месяц, одолели бы меня нынче поганые...»

Так мечтается мальчугану.

Но вот слышится настоящий голос Невского:

— Я уж поговорил о тебе с князем Андреем. Он берёт тебя к себе. Будешь служить по сокольничьему пути: целыми днями будешь на коне!.. Ну, служи князю своему верно, рачительно, как мне начинал служить!..

Голос Невского дрогнул. Он и не думал, что ему так жаль будет расставаться с этим белобрысым мальчонкой...

Белизна пошла по лицу Гриньки. Он заплакал...

Больше всего на свете Невский боялся

Александр Ярославич далеко за полночь засиделся в своём рабочем покое.

слёз — ребячьих и женских. Он растерялся.

— Вот те на!.. — вырвалось у него. — Настасьин?.. Ты чего же, не рад?

Мальчик, разбрызгивая слёзы, резко мотает головой.

— Да ведь и свой конь у тебя будет. Толково будешь служить, — то князь Андрей Ярославич сокольничим тебя сделает!..

Гринька приоткрывает один глаз — исподтишка вглядывается в лицо Невского.

— Я с тобой хочу!.. — протяжно гудит он сквозь слёзы и на всякий случай приготовляется зареветь.

Невский отмахивается от него:

— Да куда ж я тебя возьму с собою? В Новгород путь дальний, тяжкий. А ты мал ещё. Да и как тебя от матери увозить?

Увещания не действуют на Гриньку.

— Большой я,— упорно и насупясь возражает Настасьин. — А мать умерла в голодный год. Я у дяди жил. А он меня к Чернобаю отдаст. А нет, — так в куски пошлёт!..

— Это где ж — Куски? Деревня, что ли? — спрашивает Александр.

Даже сквозь слёзы Гриньку рассмешило такое неведение князя.

— Да нет, пошлёт куски собирать — милостыню просить, — объясняет он.

— Вот что, — говорит Невский. — Но ведь я же тебя ко князю Андрею...

— Убегу я! — решительно заявляет Гринька.— Не хочу я ко князю Андрею.

— Ну, это даже невежливо, — пытается ещё раз убедить упрямца Александр. — Ведь князь Андрей Ярославич — родной брат мне!

— Мало что! А я от тебя никуда не пойду! — уже решительно, повидимому, заметив, что сопротивление князя слабеет, говорит Настасьин.

— Только смотри, Григорий, — с притворной строгостью предупреждает Невский, — у меня в Новгороде люто! Не то что здесь у вас, во Владимире. Чуть что сгрубишь на улице какому-нибудь новгородцу, он сейчас тебя в мешок с камнями — и прямо в Волхов.

— А и пущай! — выкрикнул с какой-то даже отчаянностью в голосе Гринька. — А зато там, в Новгороде, воли татарам не дают! Не то что здесь!

И, сказав это, Гринька Настасьин опустил длинные ресницы, и голосишко у него перехватило.

Невский вздрогнул. Выпрямился. Брови его сошлись. Он бросил испытующий взгляд на мальчика, встал и большими шагами прошёлся по комнате.

Когда же в душе его отбушевала потаённая, подавленная гроза, поднятая бесхитростными словами деревенского мальчика, Александр Ярославич остановился возле Настасьина и, слегка касаясь левой рукой его покрасневшего уха, ворчливо-отцовски сказал:

— Вот ты каков, Настасьин! Своим умом дошёл?

— А чего тут доходить, когда сам видел! Татарин здесь не то что в избу, а и ко князю в хоромы влез, и ему никто ничего!

Князь попытался свести всё к шутке:

— Ну, а ты чего ж смотрел, телохранитель?!

Мальчик принял этот шутливый попрёк за правду. Глаза его сверкнули.

— А что бы я посмел, когда ты сам этого татарина к себе в застолье позвал?! — запальчиво воскликнул Гринька. — А пусть бы только он сам к тебе сунулся, я бы так его пластанул!..

И, вскинув голову, словно молодой петушок, изготовившийся к драке, Гринька Настасьин стиснул рукоять воображаемой секиры.

«А, пожалуй, и впрямь добрый воин станет, как подрастёт!» — подумалось в этот миг Александру.

— Ну, что ж, — молвил он с гордой благосклонностью, — молодец! Когда бы весь народ так судил...

— А народ весь так и судит!

— Ого! — изумился Александр Ярославич. — А как же это он судит, народ?

— Не смею я сказать... ругают тебя в народе... — Гринька увёл глаза в сторону и покраснел.

Ярославич приподнял его подбородок и глянул в глаза:

— Что ж ты оробел? Князю твоему знать надлежит — говори!.. Какой же это народ?

— А всякий народ, — отвечал, осмелев, Настасьин. — И который у нас на селе. И который в городе. И кто по мосту проезжал. Так говорят: «Им, князьям да боярам, что! Они от татар откупятся. Вот, — говорят, — один только из князей путный и есть — князь Невский, Александр Ярославич, он и шведов на Неве разбил и немцев на озере, а вот с татарами чачкается, кумысничает с ними, дань в татары возит!..»

Невский не смог сдержать глухого, по-

давленного стона. Стон этот был похож на отдалённый рёв льва, который рванулся из-под рухнувшей на него тяжёлой глыбы. Что из того, что обрушилась эта глыба от лёгкого касания ласточкина крыла? Что из того, что в слове отрока, в слове почти ребёнка прозвучало сейчас это страшное и оскорбительное суждение народа?!

Александр, тихо ступая по ковру, подошёл к Настасьину и остановился.

— Вот что, Григорий,— сурово произнёс он.— Довольно про то! И никогда,— слышишь ты,— никогда не смей заговаривать со мной про такое!.. Нашествие Батыево?..— вырвался у Невского горестный возглас.— Да разве тебе понять, что творилось тогда на русской земле?! Одни ли татары вторглись!.. То была вся Азия на коне!.. Да что я с тобой говорю об этом! Мал ты ещё, но только одно велю тебе помнить: немало твой князь утёр кровавого поту за землю русскую!..

— Вот доктор Абрагам просит тебя в помощники. Согласен?

Глава седьмая

Тяжкие думы не дают уснуть Александру. Вот уж пропели петухи. Не спится. Невский тихонько окликнул Настасьина, приказал ему зажечь свечи и позвать княжеского лекаря — доктора Абрагама.

Облачённый в бархатный просторный халат с поясом, Александр Ярославич сидел в кресле за своим рабочим столом в ожидании лейб-медика.

«Худо. Уж не захворать ли я вздумал? — почти вслух размышлял он. — Сие не во-время будет, ох, как не во-время!»

Вошёл доктор Абрагам — высокий худощавый старец лет семидесяти. У него было красивое, тонкое лицо, удлинённое узкой и длинной, словно клинок кинжала, белой бородой. Седые белые кудри его прикрыты были чёрной шапочкой.

Это был один из придворных врачей ещё при отце Невского — Ярославе Всеволодиче. Некогда князь Ярослав спас его из рук разъярённых литовцев, намеревавшихся утопить старого лекаря, как колдуна. И с тех пор Абрагам жил при дворе Ярослава Всеволодича — то во Владимире, то в Новгороде. Он был учён и сведущ во врачебном искусстве.

— Снотворного чего-нибудь дай мне!— сумрачно сказал Александр, едва только лекарь сел в предложенное ему кресло.

— Какого же снотворного прикажешь, государь?

Невский в недоумении посмотрел на него:

— Тебе ли, о доктор Абрагам, спрашивать меня об этом?

— Прости, государь! Я хотел лишь узнать: на короткое время ты хочешь забыться или же хотел бы погрузиться в сонный покой надолго?

— Мужу покой — только смерть! — су-

рово отвечал Невский. Его уже начали раздражать эти мудрёные разговоры многоучёного доктора. — Выспаться хочу. Путь предстоит дальний!

Старик склонил голову.

Однако придворный лекарь не мог сразу отстать от своей стариковской дотошности.

— Видишь ли, государь, — сказал он, — если мы, медики, хотим, чтобы человек уснул обычным сном, то надлежит искрошить с помощью резала корень валерианы...

Но ему не пришлось договорить. Звонкий мальчишеский голос из погружённого в тень угла палаты вдруг перебил его.

— А у нас вот, — сказал голос, — деданька мой, мамкин отец, когда кто не спит и придёт к нему за лекарством,— он мяун-корень заварит и тем поить велит...

И князь и доктор — оба были поражены, услыхав этот голосок, столь внезапно вступивший в их беседу.

Потом Невский громко рассмеялся и молвил:

— Ах, ты!.. Ну как же, однако, ты напугал меня, Настасьин!.. А ну-ка ты, лекарь, подойди сюда...

Григорий Настасьин, потупясь, выступил из своего угла и остановился перед Александром.

— Стань сюда, поближе... вот так, — сказал Ярославич и, крепко ухватив Гриньку за складки просторной одежды, переставил его, словно шахматного конька, между собою и лекарем.

Озорные искорки сверкнули в глазах старого Абрагама.

— А ну, друг мой, — обратился он к мальчику, — повтори, как твой дед именовал эту траву, что даёт сон?

— Мяун,—не смущаясь, ответил Гринька. — Потому что от неё кошки мяукают.

Князь и доктор расхохотались. Затем старый врач важно произнёс:

— Да, ты правильно сказал. Но от Плиния мы, врачи, привыкли именовать это растение валериана, ибо она, как гласит глагол «валере», подлинно оздоровляет человека. Она даёт здоровый сон!

— А я много трав знаю! — похвастался обрадованный Гринька.—И кореньев! Дедушка уж когда и одного посылал... Бывало, скажет: «Гринька, беги-кось, ты помоложе меня: у Марьи парнишечка руку порезал...» А чего тут бежать? Эта кашка тут же возле избы растёт. И порезником зовут её... Скоро кровь останавливает!..

— А ещё какие целебные травы ты знаешь, отрок? — вопрошал старый доктор.

Гринька, не робея, назвал ему ещё до десятка трав и кореньев. И всякий раз старик от его ответов всё более и более веселел.

— А ещё и вредные растут травы, ядовитые! — воскликнул в заключение Настасьин. — У-у! Ребятишки думают, это пучки, сорвут — и в рот. А это сикавка, свистуля! От неё помереть можно! И помирают!

Тут он живо описал доктору Абрагаму ядовитое растение пестрый болиголов. Старик не мог скрыть ужаса на своём лице.

— О-о! — воскликнул он, обращаясь к Невскому. — Вот, государь, этим как раз растением, о котором в такой простоте говорит этот мальчик, отравлен был некогда в Афинах величайший мудрец древности...

— Сократ? — произнёс Невский.

— Да, государь...

Наступило молчание. Оно длилось несколько мгновений. Затем Абрагам снова пришёл в необычайное оживление и воскликнул:

— Этот чудесный отрок — поистине дар небес для меня, государь! О, если бы только... Но, я не смею, государь...

— Что? Говори, доктор Абрагам.

— У меня была давняя мечта — узнать, какие целебные травы известны русским простолюдинам. Ведь вот даже знаменитый Гален пишет, что он многие травы и коренья узнал от старых женщин из простого народа... Когда бы ты соизволил, государь...

Старик не договорил и посмотрел на Гриньку. Невский догадался о его желании. Тут они перешли с доктором на немецкую речь. Настасьин с тревогой и любопытством вслушивался. Понимал, понимал он, что это говорят о нём!

А если бы ему понятен был язык, на котором беседовали сейчас князь и лекарь, то он бы узнал, что старик выпрашивает его, Гриньку, к себе в ученики и что Невский согласен.

— Григорий, — обратился к Настасьину Александр, — вот доктор Абрагам просит тебя в помощники. Будешь помогать ему в травах. А потом сам станешь врачом. Согласен?..

Гринька от неожиданности растерялся.

— Я с тобой хочу!.. — сказал мальчуган. И слёзы показались у него на глазах.

Невский поспешил утешить его:

— Полно, глупый! Ведь доктор Абрагам при мне, ну, стало быть, и ты будешь при мне!.. Ладно. Ступай, спи. Утре нам путь предстоит дальний!..

Глава восьмая

Тысячевёрстный длительный путь между Владимиром-на-Клязьме и Новгородом совершали в те времена частью по рекам Тверце и Мсте, а частью — конями. И немало было на том пути привалов, днёвок, ночёвок!

Чёрная осенняя ночь... В буреломном, трущобном, берложьем бору пылает исполинский костёр. Вокруг костра — путевая дружина Невского. Могучие парни и мужики.

Сверкают сложенные позади каждого воина кольчужные рубахи; островерхие, гладкие, как лёд, шлемы, копья, мечи, сабли...

Костёр гудит и ревёт. С багровыми от нестерпимого жара лицами воины — и бородатые и безусые — то и дело блаженно покрякивают, стонут, а всё-таки тянут ладони к костру. Другие же оборотились к бушующему пламени спиною, задрали рубахи по самый затылок и калят могучие голые спины. Когда же иному из богатырей уж вовсе невтерпёж станет, он, взревев, кидается в сырой, прохладный мрак бора и там понемногу остывает.

От костра в сторону отгребена малиновая россыпь пышущих жаром угольев. Над нею, на стальных вертелах, жарятся целиком два барана, сочась и румянея.

Тут же, в трёх изрядных котлах, что подвешены железными крючками на треногах, клокочет жидкая пшённая каша-кулеш.

В буреломном, трущобном бору пылает исполинский костёр. Вокруг костра — путевая дружина Невского.

Гринька Настасьин сидит среди воинов у костра. Думал ли он когда, что доживёт до такого счастья! Вот он сидит у костра, а рядом с ним, локоть к локтю, совсем как простой человек, сидит русобородый богатырь — начальник всей путевой дружины Невского. И зовут этого витязя Гаврило Олексич! Да ведь это он самый, что в битве на Неве богатырствовал и навеки себя прославил в народе. О нём и сам Александр Ярославич рассказывал Гриньке...

Олексич и Гринька дружат. Богатырь сделал ему деревянный меч, как настоящий!..

— Ничего, Григорий, — сказал ему Олексич, — пока деревянный; вырас-

Александр Ярославич поднял меч свой, крикнул: «Вздымайте знамя! Вперёд, за отечество!»

тешь — так настоящим пластать будешь... Может, и на татарах свой меч испытать придётся!

...О чём только не переговорят у костра, каких только бывальщин и небылиц не наслушается Гринька! Иной раз даже ему, малолетку, смешно: уж такую небывальщину сложит кто-нибудь из воинов! И ничего, эти бородатые богатыри верят. Ещё и обсуждать примутся!

— Да-а!.. — раздумчиво говорит один из дружинников. — На свете всякие чудеса бывают. Вот у нас на Кидекше как раз в воскресенье весь народ своими глазами мог видеть: облако на лугу близ деревни упало... И что же? Сделался из него кисель!..

Помолчали. Кто-то проглотил слюнки. Кто-то вздохнул.

— Всё может быть, всё может быть! — произнёс в раздумье старый воин.

— Да-а... — вырвалось от всей души у другого.

— Почаще бы нам, хрестьянам, да по всем бы по деревням такие облака падали!..

— Ну, а что толку? — возразил кто-то с горькой насмешкой. — Всё равно, покуда наш брат, хрестьянин, ложку из-за голенища вынет, князья-бояре весь кисель расхватают.

Послышался общий хохот:

— Это уж так!..

— Это истинно! Работному люду ничего не достанется!

И сам собою разговор свернулся на надвигающийся голод.

— Да-а! Ещё урожай обмолотить не успели православные, а купцы уже по восьми кун за одну кадь ржи берут! Как дальше жить будем?

Эти последние слова произнёс дородный дружинник — светлобородый силач, пышущий здоровьем. Несоответствие его внешности со словами о голоде вызвало у некоторых невольную шутку:

— Гляди, Иван, как бы ты от голоду не отощал вовсе: уж и так одни кости да кожа!

Воины засмеялись.

Однако дородный воин отнюдь не смутился этим и скоро заставил замолчать насмешников.

— Правильно, — спокойно возразил он. — Я-то не жалуюсь: сыт-питанен. Мы, дружины, на княжеских хлебах живём, — нам и горя мало! Ну, а старики твои, Митрий, или там сёстры, братья, суседи?! А?! Замолк, нечего тебе сказать! А вот мне об этих днях из нашей деревни весть прислали: пишут, что сильно голодают в нашей округе. Уж траву-лебеду стали к мучке-то примешивать. Ребятишки пухнут от голоду. Старики мрут...

Его поддержали:

— Что говорить! Худо простому люду живётся под боярами и под татарами! А хуже нет голода!

Разговор пошёл горестный, тяжёлый.

Но как раз в это время воинам поспел

ужин, и все принялись сперва за горячий кулеш, а потом — за баранину.

Гаврила Олексич положил на большую лепёшку, как на блюдо, сочнорумяный большой кусок жаркого и подал Гриньке.

— Кушай, кушай, отрок! — ласково сказал он, погладив его по голове. — Уж больно ты худ, набирайся сил, кушай!..

Сам он тоже взял добрый кус барашка, сел рядом с Гринькой под сосну и принялся есть с той отрадной для глаза мужественной жадностью, с какой вкушает свою заслуженную трапезу пахарь и воин.

— Ешь! — ещё раз сказал он мальчику. — Хочешь воином быть добрым, — ешь побольше! От еды сила! — наставительно пояснил он и ласково подмигнул Гриньке.

Увидав своего витязя-друга в таком светлом расположении духа, Гринька вполголоса сказал ему:

— Дяденька Гаврило, а потом расскажи мне про Невску битву.

Олексич хмыкнул и усмехнулся:

— Да ведь уж который раз я тебе про неё рассказывал. Поди уж, затвердил всё наизусть. Ну, ладно, отужинаем — там видно будет!

Такой ответ означал согласие. Сердце Гриньки трепетало от радостного ожидания, хотя и впрямь уже который раз носился он мысленным взором над Невским побоищем, слушая рассказы своего друга!

Едва только задружил Гринька Настасьин с Гаврилой Олексичем и едва только узнал от людей, что это тот самый Олексич, так покою не стало витязю от настойчивых просьб мальчика: расскажи да расскажи, как били шведских рыцарей на Неве.

Сперва богатырь больше отшучивался. И всё-то выходило у него до чрезвычайности просто, будто и рассказывать не о чем.

— А что ж тут такого? — добродушно отвечал он Гриньке. — Знамо, что побили их крепко. Уложили их там, на болото, немало, рыцарей этих. А и сам ихний герцог Биргер насилу утёк от Ярославича: живо коня заворотил! А всё-таки Александр Ярославич большую ему отметину положил копьём на лицо — до веку не износить!

И, сказав это, Гаврило Олексич вдруг ожесточился и суровым голосом произнёс:

— Да и как их было не бить? Пошто вы в чужую землю пришли кровь человеческую проливать? Пошто у нас, у Новгорода Великого, водный путь хотите отнять?! Зачем море закрываете? Задушить, стало быть, хотите? Русский народ сам кровопролития не затевает, это уж нет! Ну, а если незваны гости к нам ломятся,— тут руке нашей от сохи до меча дотянуться недолго! Я ра́тай [1], я и ратник!

Он замолк. Но тут снова и снова Гринька в нетерпении принимается теребить Олексича за рукав:

— Дядя Гаврило, а расскажи, как ты на шведский корабль по доскам взъехал, ну, расскажи!

— На коне взъехал. И што тут рассказывать!

Гринька не унимался:

— Нет, а как чуть королевича шведского не захватил?

— А вот же не захватил! — мрачновато ответствовал Олексич. Но тут, видно, неудержимые поднялись в его памяти воспоминания, и, уступая им, неразговорчивый богатырь рассмеялся и добавил: — Худоногий он был у них, королевич-то. Вроде как расслабленный. Привезли они его с собой из-за моря нарочно: на новгородский престол сажать. Ишь ты ведь! — воскликнул в негодовании Олексич, как будто всё это сейчас происходило, а не десять лет тому назад. Рассказ его продолжался: — Ну, пришли мы, сам знаешь, на реку Неву, устье Ижоры, речка такая впала в Неву. Ино там они и вылезли, шведы, из кораблей на сушу. Видимо их невидимо! Девять тысяч кованой рати. Девять тысяч!.. — повторил Олексич, потрясая рукой. — Ну, а нас-то всех вместе — и с ладожанами и карелой — и до тысячи не дотягивало! Ну, да ведь где же Александру Ярославичу было воинов собирать! Кто с ним был, с теми и ударил... Грянули мы на них внезапно. Они думали: мы рекой Волховом поплывём, а мы прямиком через леса, через болота — прямо на устье Ижоры. Возов с собой не брали. Александр Ярославич нам даже и щитов не велел с собою брать: «Меч верней щита!»

Подошли мы к их стану, солнышко взошло уж высоко. Ну, вот этак... — Олексич показал рукою. — Словом, бойцу с коня копьём достать... Но уж всё ихнее войско на ногах, гудит!.. Трубы поют, сурны, в медные тарелки бьют, в бубны великие колотят! Мы смотрим. А из бору ещё не выходим... Но вот Александр Ярославич расставил нас всех — и дружину свою и полк весь: кому откуда ударить. Сам он

[1] Ра́тай — пахарь.

на белом коне боевом... Вот, вижу, поднял он меч свой... Слышу, крикнул: «Вздымайте знамя!» — и враз опускает меч: «Вперёд, за отечество!» Ну, тут уж и ринулись мы все из тёмного бору! Бурей!

Олексич зажмурился: должно быть, так, с закрытыми глазами, ещё явственнее подымались в его душе образы великой битвы, ещё слышнее становились ратные крики, ржание коней, шум и звон давно минувшей сечи...

Гринька слушал, не смея дыхание перевести, боясь пошевелиться. И только тогда, когда нестерпимо длинным показалось ему молчание друга, мальчуган охрипшим от волнения голосом спросил:

— А отчего у них трубы трубили?

— А! Трубы-то? — отвечал, как бы очнувшись, Гаврило Олексич. — А это, видишь ли, паренёк, как раз королевич ихний на берегу обход войску делал. Сановники с ним, свита, сам герцог. Рыцари вокруг него — как за стальной стеной идёт! А мне с коня-то всё видать, как на ладони... И со мной молодцов немало новгородских. Дружина добрая подобралась! Молодцы — не выдавцы! Все мы из одной братчины были — кожевники, чеботари!.. Костя Луготинич, Юрага, Намест, Гнездило... Как железным утюгом раскалённым в сугроб, так и мы в гущу в самую этих шведов вломились. Даром, что кованая рать зовутся, в панцыри закованы с головы до ног; и шеломы-то у них не людские, а как ведёрко глухое, железное на голове, а против рта решётка. Поди-ка, дойми такого! А ничего: секира прорубит! Ломим прямо на королевича... Тут дворяне его переполошились, хотят на руки его вскинуть — да и на корабль. А он им не даётся: зазорно ему. Однако испугался... Герцога, видать, нету уже при нём. Вот уж он, герцог, на вороном коне мчится наперерез Ярославичу. Тоже в панцыре весь. Только решётка на лице откинута, усы, как рога, в стороны топорщатся... Нет-нет, да и осадит коня, да и зычно этак крикнет по-своему, по-латински, воинам своим... И те заорут ему вослед... Опамятовались: бьются крепко.

Но, однако, одолеваем мы их, ломим. Грудим их к воде, к воде! Нам Ярославича нашего отовсюду видать: островерхий шлем золочёный на нём сверкает на солнце, кольчуга, красный плащ на ветру реет; меч, как молния, блистает, разит! Вот видим: привстал наш богатырь на стременах, вздынул обемà руками меч свой, опустил — и валится шведский рыцарь под конское копыто! А Ярославич наш уж на другого всадника наринул, глядишь — и этому смерть!.. Бьётся. Сечёт мечом нещадно. Конём топчет. Но всю как есть битву своим орлиным оком облетает. Видит всё. И знаем: каждого из нас видит. Злой смертью погибнуть не даст: видит, кому уж тесно станет от врагов, одолевают — туда и бросит помощь. Правит боем! А голос у него, знаешь сам, как серебряная труба боевая! Ведь стоит кругом стон, гул; щиты — в щепки, шлемы — вдребезги; обе рати орут; раненых коней ржание; трубы трубят, бубны бьют... А князь наш кинет свой клич боевой — и мы его везде слышим!.. Мимо нас, новгородцев, промчится и во весь свой голос: «За господина Великий Новгород! За святую Софию!»... И мы ему отзовёмся. И того пуще ломим!..

На кораблях у шведов, на ладьях, на лодках невесть что началось! Заторопились, паруса поднимают. А ветра нету: не море ведь! Вздуется пузом парус, да тут же и опадёт, заполощет... Крику, шуму, ругани! А толку нет никакого: отплыть не могут. Шестами в дно стали упираться, вёслами гребут — ни с места! Лодки перегрузили, те опрокинулись. Тонет народ, барахтается в Неве. А в панцыре много ли поплаваешь?

А наш народ знаешь ведь какой: ему, когда распалится в битве, что огонь, что вода! Миша был такой, тоже новгородец... Ну, этот из боярских детей: с ним дружина своя пришла... И богатырь был, богатырь... Нынче уж такого редко встретишь! Так вот этот Миша с дружиной прямо в Неву кинулся, где бродом по грудь, а где вплавь, и давай топором корабли и ладьи рубить. Три корабля утопил. Сильно похвалил его Александр Ярославич!

...Дальше вскользь упомянул Гаврило Олексич, как увидал он: волокут под руки шведского королевича по сходне на корабль, — и ринулся на коне вслед за ним. Но опоздал: шведы успели втащить королевича, а когда Олексич въезжал на сходни, враги столкнули сходни в воду. Упал вместе с конем и Олексич. Однако выплыл и вновь кинулся в битву...

— Э-эх! — воскликнул тут с горечью сожаления рассказчик.— Ну, за малым я не настиг его! Ну да ведь с разгону-то не вдруг проломишься, хотя бы и на коне. Уж больно густо их, шведов, было вокруг него. Люди ведь с оружием не шелуха, не

Дружина вломилась в самую гущу шведов.

мякина!.. — добавил он как бы в оправдание...

Рассказал он Гриньке и о том, как юный воин Савва пробился к самому шатру герцога Биргера, уничтожил охрану, а затем подрубил позолоченный столб, на котором держался весь шатёр. Шатёр с шумом рухнул на глазах всего войска. И это послужило знаком к повальному бегству шведов...

Рассказал он и о гибели другого юноши — Ратмира.

— Дяденька Гаврило! А ты видел, как его зарубили? — спросил Настасьин.

Олексич тяжело вздохнул. Понурился. Сурово смахнул слезу.

— Видал... — ответил он сумрачно. — Сильно он шёл среди врагов. Бежали они перед ним! А только нога у него поскользнулась — упал... Тут они его и прикончили. Да!—добавил он, гордо вскидывая голову. — Хоть совсем ещё мальчишечко был — годков семнадцати, не боле, — а воистину витязь! Любил его Ярославич. Плакал над ним!

Так закончил свой рассказ о гибели Ратмира Гаврило Олексич. И вновь погрузился в думу, как бы созерцая давно минувшую битву...

— И вот, как сейчас, вижу: кончили мы кровавую свою жатву. Отшумело побоище... И вот подымается на стременах Александр Ярославич наш, снял перед войском шлем свой и этак, с головой непокрытой, возгласил во все стороны, ко всем бойцам. «Спасибо вам, русские витязи! — кликнул. — Спасибо вам, доблестными явили себя все: и новгородцы, и владимирцы, и суздальцы, и дружинник, и ополченец!.. Слава вам! — говорит. — Постояли за господина Великий Новгород. Постояли и за всю русскую землю!.. Слава и вечная память тем, кто жизнь свою сложил в этой сечи за отечество! Из века в век не забудет их народ русский!..» Вот как он сказал, Ярославич... Да!..— убеждённо заключил Гаврило Олексич. — Заслужил он своё прозванье от народа — Невской!..

Произнеся эти слова, Гаврило Олексич

вдруг сурово свёл брови. На лице его изобразилась душевная борьба. Казалось, он раздумывает, можно ли перед мальчишкой, перед отроком, сказать то, о чём он сейчас подумал... Наконец он решился.

— Да! — сказал он жёстко и горестно.— Невской зовём. Всех врагов победитель!.. Мы же за ним и в огонь и в воду пошли бы... Так пошто же он перед татарами голову клонит?!

Эти слова Олексича долго были для Гриньки словно заноза в сердце.

Глава девятая

Ночной ужин воинов в самом разгаре. Лесной костёр гудит и ревёт. Спать никому не хочется. Затевают борьбу. Тянутся на палке. Хохот. Шутки. Смотришь, поодаль, в степенном кружке, какой-то бородач говорит сказку...

Вот подымается с земли молодой могучий дружинник. Потягивается после сытного ужина и говорит:

— Эх, мёду бы крепкого, стоялого ковшик мне поднести!

В ответ ему слышатся шутливые возгласы.

— А эвон в ручеёчке мёд для тебя журчит. Медведь тебе поднесёт: он здесь хозяин, в этакой глухомани!.. — слышится чей-то совет.

Тот, кто пожелал мёду, ничуть не обижается на эти шутки. Напротив, он подхватывает их. Вот подошёл к большому деревянному бочонку-лагуну с длинным носком. Лагун полон ключевой, студёной воды. Парень, красуясь своей силой, одной рукой поднимает лагун в уровень рта и принимается пить из носка, закинув голову. Он пьёт долго. Утолив жажду, он расправляет плечи и стучит кулаком в богатырскую грудь.

— Ого-го-го! — весело орёт он на весь бор. — Ну, давай мне теперь десяток татаринов, всех голыми руками раздеру!.. Даже и меча не выну...

— Храбёр больно!— ехидно осадил его другой воин. — Которые побольше тебя в русской земле — князья-государи, да и то перед татарами голову клонят!..

— Ну, да то ведь князья!

— Им попы велят!.. Попы в церквах за татарского хана молятся! — послышались голоса, исполненные горестной издёвки.

Молодой воин, что похвалился управиться с десятью татарами, гордо вздёрнул голову, презрительно хмыкнул и сказал:

— То правильно! Старшаки наши, князья, все врозь. Оттого и гибель земле. Дерутся меж собой. Народ губят. А когда бы да за одно сердце все поднялись, тогда бы Батый этот самый хрипанул бы одного разу, да и пар из него вон!

— Дожидайся, как же! — послышался тот же язвительный голос, что осадил парня. — Станут тебе князья против татарина за едино сердце! Им бы только в покое да в холе пожить. Уж все города под татарскую дань подклонили!.. Больше всех наш Александр Ярославич старается. Что ни год, — всё в Орду с данью ездит, ханам подарки возит. Татар богатит, а своего народа не жалко!

При этих словах, сказанных громко и открыто, у Настасьина кусок застрял в горле. От горькой обиды за князя слёзы навернулись на глаза. Гринька с жалобным ожиданием глянул на Гаврилу Олексича: чего же он-то на них не прикрикнет, не устыдит их, не заступится за Александра Ярославича?!

Олексич сидел неподвижно. Он, правда, нахмурился, однако в разговор не вмешался.

За князя Александра заступился один старый воин богатырского вида с большой седой бородой, распахнутой на оба плеча.

— Полноте вам, ребята! — укоризненно и вразумляюще произнёс он. — Вы батыева приходу не помните: маленьки в ту пору были. А я воевал с ним!.. Так я вам вот что скажу. Александр Ярославич мудро строит: с татарами — мир! Крови крестьянской жалеет!.. Куда же нам сейчас с этакой силой схватиться, что вы!.. Когда бы одни татары, а то ведь они сорок племён, сорок народов с собой привели! Помню, где хан Батый прошёл со своими ордами конными, там и лесочков зелёных не стало: всё, как есть, татарские кони сожрали. Где, бывало, берёзовый лесок стоял-красовался, там после орды словно бы голые прутья из веника торчат понатыканы!.. На одного на нашего десять татаринов наваливалось!.. Да что говорить:ужели воитель такой победоносный — Александр наш Ярославич — да не знает, когда нам подняться на татар? Знает! Погодите, придёт наш час: ударим мы на Орду...

Молодые воины горьким смехом ответили на эти вразумляющие слова.

— Дождёмся, когда наши косточки в могиле истлеют!.. — сказал один.

— Дань в Орду возить — оно куда спокойнее!..

— Дорогу туда князь затвердил: ему виднее! — выкрикнул третий.

И тогда, как стрела, прыгнувшая с тугой тетивы, вскочил Гринька. Он швырнул наземь кусок жаркого и лепёшку, данную ему Олексичем. Голос мальчика зазвенел.

— Стыдно вам! — гневно выкрикнул он сквозь слёзы. — Да разве мало Александр Ярославич поту кровавого утёр за землю русскую?! Эх, вы!

Голос ему перехватило. Он махнул рукой и кинулся прочь от костра — в глухую тьму бора...

Глава десятая

Кумыс — издревле священный напиток татар-монголов. По закону Чингисхана, тот, кто пролил кумыс на землю, подлежал смертной казни.

— Повтори, повтори, собака, если не отсохнул твой мерзкий язык! — неистово кричал Чаган, пиная в голову упавшего перед ним ничком купца-мостовщика Чернобая. — Что сделали эти русские с кумысом?!

Но где ж тому было повторить! Предатель-купчина и так трясся в холодном поту, простёршись у ног Чагана.

А известие, с которым тайно пробрался Акиндин в ставку хана-царевича, было и впрямь страшным для любого татарина: тот самый кумыс, который, следуя своему обещанию, Чаган целыми ундырями посылал во дворец великого князя владимирского для княгини Дубравки, Андрей Ярославич приказывал выливать в помойку. Этот безумец ещё и похвалялся, что даже щенков своих он не хочет поганить татарским кобыльим молоком!..

— Ундырь крови своей и своих родичей отдаст мне этот жалкий князь владимирский за каждый ундырь осквернённого им кумыса! — в ярости кричал Чаган.

На самом же деле коварный татарин только этого и хотел: горячий и неосторожный Андрей сам кинулся в расставленную для него западню.

В ту же ночь хан Чаган вызвал к себе главных военачальников татарских орд, кочевавших на рубежах Владимирского княжества — хана Укитью, Алабугу и Неврюя,— и трёхсоттысячная армия конных дьяволов, алчущих добычи и русской крови, ринулась на Владимирщину!

Случилось то, чего так страшился Александр.

Однако неверно было бы полагать, что лишь одно осквернение кумыса привело к нашествию Неврюя. Нет! Уж с полгода как от лазутчиков татарских, доносчиков и шпионов, среди которых главным был купец Акиндин Чернобай, Батыю, Берке и Чагану стало известно, что князь Андрей копит в тайне войско — готовится восстать и перебить татар на русской земле. Но вероломнейшие и хитрейшие из политиков

Татарская орда, алчущая добычи, ринулась на Владимирщину.

тогдашнего мира, ордынские ханы показывали вид, будто им ничего не известно.

Напрасно Невский наедине отговаривал брата от преждевременного восстания, напрасно грозил ему, раскрывал перед его взором страшную картину неминуемой кровавой резни, если только Андрей подымется против Орды,— всё, всё было напрасно!..

Осквернение Андреем кумыса было только предлогом для татар, это было то, чего втайне хотелось Берке и Чагану!

Теперь даже Батый не посмел бы остановить кровавую кару. Да и его потрясло святотатственное — на глазах у всех — поругание священного напитка монголов!

Со всеми ополченцами и дружиной, да ещё с тем небольшим отрядом, что прислал ему третий брат — Ярослав, — Андрей упредил татарское войско на реке Клязьме и не дал Неврюю совершить переправу там, где замыслил старый полководец Батыя.

Упорной и кровавой была эта битва на Клязьме. Но против тридцати тысяч русских ополченцев двинуто было триста тысяч татарской конницы, закалённой в сражениях.

Крепко билось русское войско. Ещё был под рукой у князя Андрея свежий засадный полк. Но всё тот же предатель-купец Чернобай провёл тайным бродом татарское войско на окружение засадного русского полка. И этот полк был окружён и уничтожен, даже и не будучи введён в битву.

Это ускорило несчастную судьбу сражения.

Поражение князя Андрея было полное. Князь Андрей и Дубравка бежали сперва в Новгород, а оттуда — в Швецию.

Татары ринулись губить землю. Хан Неврюй приказал: в тех селениях, откуда хоть один ополченец пришёл ко князю Андрею, вырезать не только всех мужчин, но и всех мальчиков, «кто успел дорасти до оси тележной»...

Однако не минул своей кары от руки народа татарский шпион Чернобай.

Тёмной осенней ночью купчину выволокли на берег Клязьмы и, привязав на шею жерновок, утопили.

— Давай-ка ещё пошарь броду для татар для своих! — прозвучал над предателем приговор безвестных народных мстителей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Прошло десять лет. Много воды утекло, а ещё больше крови. Русский пахарь да горожанин-строитель своим богатырским трудом успели избыть чудовищное опустошение нового татарского нашествия. Не избыли только ига татарского — тяжкого, истязующего, кровавого.

Но уже тот, кто стоял сейчас во главе всей Северной и Восточной Руси — человек могучий, бесстрашный, с глубоким умом и беззаветной любовью к родине,— Александр Невский, решил, что бьёт час, что пора наконец «шатануть Орду»!

После бегства брата Андрея в Швецию Невский получил в Орде ханский ярлык на великое княжение Владимирское. В Новгороде он посадил князем своего юного сына, почти мальчика. А по существу, и в Новгороде княжил сам Александр.

Невзирая на ордынское иго, Невский всё больше и больше стягивал Русь воедино, объединял её вокруг Владимира Суздальского. «От сего князя Александра пошло великое княжение Московское!» — говорит летопись.

Александр был тогда в полном расцвете своих богатырских сил: ему исполнилось сорок два года...

...Как никогда, в высшей степени благоприятно для всенародного восстания против Орды слагалась внешняя политическая обстановка. В Германии после смерти императора Фридриха Второго Гогенштауфена не прекращалась кровавая смута: немецкие князья дрались за императорскую корону. Немецкий рыцарский орден прекратил свои нападения на Русь. Междуцарствие, смута обессилили и Датское королевство. Со Швецией же у Александра был подписан длительный мир. Невский заключил союз и с королем Норвегии Гаконом Старым.

Миндовг Литовский, многократно разбитый Даниилом и Александром, запросил мира и породнился с Даниилом Галицким: стали сватами.

С Грузией, где князь Джакели готовил восстание против татар, у Александра тоже был тайный союз, и решено было подняться против татар одновременно.

Но всего радостнее Невскому было то, что наконец-то пошёл развал и в самой

Орде! Между потомками Чингисхана — ханом Поволжского улуса Берке и ханом персидской орды Хулагу — кипела вражда, готовая вот-вот разразиться кровопролитием. Надо было готовить силы русского народа к внезапному удару на врагов.

На протяжении целого ряда лет Невский создавал по всему северу Руси под прикрытием непроходимых лесов и болот отборные тайные дружины. Потому-то Александр и находился беспрестанно в пути между Новгородом и Владимиром.

По замыслам Невского, тайные дружины его должны были только начать восстание против татар, а там поднялся бы и весь народ.

Было несколько таких гнездовий: на озёрах Онежском, Белом, Кубенском и Лаче; на реках Мологе, Онеге, на Сити, Сухоне, на Двине и на реке Юг.

В городе Великий Устюг у Александра было нечто вроде потаённого воеводства. Не зря сажал по северным рекам тайные свои дружины Александр: реки-то были главными дорогами древней Руси! Князь рассчитывал, что когда ударит набат восстания по городам и сёлам Владимирщины, то по этим рекам легче всего, быстрее всего его отряды спустятся к Суздалю и Владимиру и подымут народ.

А ещё больше силы скопил он в Новгороде, вне досягаемости Орды.

Русский народ клокотал! И это клокотание народного гнева чуял своим сердцем Александр...

Глава вторая

— Да, Настасьин, пора, друг, пора! Время пришло ударить на ханов! — говорил Невский своему юному спутнику, слегка натягивая поводья и переводя коня на шаг. То же сделал и его спутник.

Лесная тропа становилась всё теснее и теснее, так что стремя одного из всадников время от времени позвякивало о стремя другого.

Прежнего Гриньку Настасьина было бы трудно узнать сейчас тому, кто видывал его мальчонкой на мосту через Клязьму. До чего возмужал и похорошел парень! Это был статный, красивый юноша. Нежный пушок первоусья оттенял его уста, гордые и мужественные. Только вот румянец на крепких яблоках щёк был уж очень прозрачноалый, больше девичий...

Они поехали рядом, конь о конь. Юноша с трепетом сердца слушал князя. Уж давно не бывал Ярославич столь радостен, светел, давно не наслаждался Настасьин высоким полётом его прозорливого ума, исполненного отваги!

— Да, Настасьин! — говорил Александр. — Наконец-то и у них в Орде началось то же самое, что и нас погубило: брат брату ножик между рёбер сажает! Сколько лет, бываючи у Батыя и у этого гнуса, у Берке, я жадно — ох, как жадно! — всматривался: где бы ту расщелину отыскать, в которую бы хороший лом заложить, дабы этим ломом расшатать, развалить скорей державное их строение, кочевое их, дикое царство! И вот он пришёл, этот час! Скоро, на днях, хан Берке двинет все полки свои на братца своего, на Хулагу. А тот уже послов мне засылал: помощи просит на волжского братца. Что ж, помогу. Не умедлю. Пускай не сомневается!..— И Александр Ярославич многозначительно засмеялся.— Татарином татарина бить! — добавил он.

От Настасьина не было у него тайн.

Рассмеялся и Григорий. Грудь его задышала глубоко, он гордо расправил плечи.

— Но только и свою, русскую руку дай же мне приложить, государь! — полушутливо взмолился он к Ярославичу.— Ещё на того, на Чагана, рука у меня горела!

— Ну, уж то-то был ты богатырь — Илья Муромец — в ту пору! Как сейчас, тебя помню тогдашнего. Ох, время, время!

Невский погрузился в раздумье.

Некоторое время ехали молча. Еловый лес — сырой, тёмный, с космами зелёного мха на деревьях — был, как погреб...

Слышалось посапывание лошадей. Глухой топот копыт. Позвякивание сбруи...

И снова заговорил Невский:

— Нет, Гриша, твоя битва не мечевая! Твоя битва — со смертью. Ты врач, целитель. Такого где мне сыскать? Нет, я уж тебя поберегу!

Он лукаво прищурился на юношу и не без намёка проговорил, подражая ребячьему голосу:

— Я с тобой хочу!

...Александр с Настасьиным и четверо телохранителей ехали гуськом — один вслед другому. Вдруг откуда-то с дерева с шумом низринулась метко брошенная петля, и в следующее мгновение один из воинов, сорванный ею с седла, уже лежал навзничь.

Тут и Александр узнал предводителя лесных жителей.

В лесу раздался разбойничий посвист. Настасьин выхватил меч. Охрана мигом нацелилась стрелами в чью-то ногу в лапте, видневшуюся на суку.

Лишь один Ярославич остался спокоен. Он даже и руку не оторвал от повода. Он только взглядом рассерженного хозяина повёл по деревьям, и вот громоподобный голос его, заглушавший бурю битв и шум новгородского веча, зычно прокатился по бору:

— Эй! Кто там озорует? Полно!

На миг всё смолкло. А затем могучий седой бородач в помятом татарском шлеме вышел на дорогу. Сильной рукой, обнажённой по локоть, он схватил под уздцы княжеского коня.

— Но-но!.. — предостерегающе зыкнул на него Александр.

Тот выпустил повод, вгляделся в лицо всадника и хотел упасть на колени. Невский удержал его.

— Осударь? Олександр Ярославич? Прости! — проговорил старик.

— Не надо, не называй меня так. Зови Александр Фёдорович. Будто боярин я.

— Понял, осударь...— И тотчас же исправился: — Понял, Александр Фёдорович.

Тут и Александр узнал предводителя лесных жителей.

— Да это никак Мирон? Мирон Фёдорович? — воскликнул он изумлённо.

Мирон отвечал с какой-то торжественной скорбью:

— И звали и величали — и Мирон и Фёдорович! А ныне Гасилой кличут. Теперь стал Гасило, как принялся татар проклятых вот этим самым гасить! У нас попросту, по-хрестьянски, это орудие гасилом зовут.

На правой руке Мирона висел на сыромятном ремне тяжёлый, с шипами железный шар.

— Кистень,— сказал Невский,— вещь в бою добрая! Но я ведь тебя пахарем добрым в давние годы знавал. Видно, большая же беда над тобою стряслась, коли с земли, с пашни тебя сорвала?

— Ох, князь, и не говори! — глухо и словно бы сквозь рыдание вырвалось у старика.

Глава третья

Невского поразило, что в лесном стане народных мстителей — «гасиловцев», как сами себя они называли,— не было никаких землянок, а были крепкие, с двухскатной крышей, из брёвен рубленные настоящие избы.

Мирон-Гасило объяснил это князю очень просто:

— Да ведь не любит русский народ землянки эти! К чистоте привык: и чтобы ему светёлка чистая и чтобы в баньку сходить, хотя бы и в трущобе лесной!

— Неужто и здесь баню срубили? — спросил Невский.

— А то как же! — отвечал, рассмеявшись, Мирон Фёдорович.— И для тебя с твоими воинами, коли велишь, баньку истопим. Ино, сходи, попарься с дорожки, поразомни косточки!..

После бани беседовали с Мироном на завалинке его избы. Вспомнили про первую их давнюю встречу.

Невский впервые встретил этого крестьянина-богатыря десять лет назад на его лесном починке земли, в Переславском княжестве. Тогда Мирону было лет шестьдесят. Александр тогда заночевал у него. Он и душою отдохнул в те дни в этой трудовой семье пахаря. Всё ему нравилось там: и сам старик, и его два молодых женатых сына, и обе невестки его — Милава и Настя — подстать мужьям своим: красивые, работящие и сильные...

Вскоре после Неврюева нашествия Невский снова проезжал теми же местами, но увидел там одни лишь обуглившиеся брёвна да клыки каменных печей на пожарище. Что случилось с Мироном и его семьёй, того никто не мог сказать князю.

И вот от самого Мирона узнаёт он сейчас о страшной гибели всей его семьи, зверски умерщвлённой татарами. А сам Мирон Фёдорович, этот рассудительный и трудолюбивый старик, возделывавший в поте лица свой клочок земли, нянчивший внучат, превратился в неуловимого и беспощадного истребителя татар — в страшного Гасилу!

...Перед сном Гасило пришёл в избу, где расположился Александр Ярославич. Он пришёл предупредить князя, чтобы тот ночью не встревожился, если услышит ненадолго крики и звон оружия близ лесного их обиталища.

— Поганые хочут этим лесом ехать с награбленным русским добром — баскаки татарские. Разведали молодцы наши... Так вот, хочем встретить злодеев! — сказал старик.

— В час добрый! — отвечал Александр.— А сон у меня крепок: не тревожься, старина.

Однако известие, принесённое Мироном, встревожило Гришу Настасьина. Он поделился тревогой своей с начальником стражи, и тот на всякий случай усилил сторожевую охрану и велел держать коней под седлом.

В лесном стане народных мстителей были крепкие, из брёвен рубленные избы.

Настасьин обнажил выше локтя мощную руку воина и перетянул тесьмой предплечье.

Григорий лёг в эту ночь в одежде и при оружии. И когда сквозь чуткую дремоту донеслись до его слуха отдалённые крики и звон оружия, Григорий осторожно, чтобы не разбудить князя, вышел из избы. С крылечка виден был сквозь деревья свет берестяных факелов. Настасьин сел на коня. Начальник стражи послал с ним одного из воинов.

Ехать пришлось недолго. Густой, частый лес преграждал дорогу всадникам. Они спешились, привязали коней и пошли прямо на свет. Уж попахивало горьким дымком. Лязг, и звон оружия, и крики боевой схватки слышались совсем близко.

Но когда Настасьин и сопровождавший его воин продрались наконец сквозь лесную чащу и выбежали на озарённую багровым светом поляну, то всё уже было кончено. Сопротивление татарского отряда прекратилось. Захваченные в плен каратели сгрудились, окружённые мужиками, и похожи были на отару испуганных овец.

Один только их предводитель глядел на русских гордо и озлобленно. Это был молодой, надменный, с жирным, лоснящимся лицом татарин в роскошной одежде. Но оружие у него было уже отнято и валялось в общей куче при дороге. Рядом лежали груды награбленных татарами драгоценностей.

Из татарского отряда было убито несколько человек. Но и из нападавших гасиловцев один рослый и могучий парень лежал навзничь, раскинув руки и без сознания. На голове у него сквозь русые кудри виднелся тёмный кровоподтёк.

Настасьин, едва только оглядел место боя, сразу же быстрым шагом подошёл к поверженному воину и опустился возле него на колени.

Старик Гасило молча посмотрел на княжего лекаря и затем властно приказал:

— Огня дайте поближе... боярину!

Один из лесных бойцов тотчас же подбежал с пылающим факелом и стал светить Настасьину. Григорий взял безжизненно лежавшую могучую руку молодого воина и ощупал пульс.

— Жив,— сказал он.— Только зашиблен. Надо кровь пустить, а то худо будет.

С этими словами он поднялся на ноги и направился к своему коню. Здесь он раскрыл свои заседельные кожаные сумки и достал узенький ножичек в кожаном чехле.

Снова склонился над бесчувственным телом воина. У того уже кровавая пена стала выступать на губах. Грудь вздымалась с хриплым и тяжёлым дыханием...

Теперь все, кто стоял на поляне, даже и пленные татары, смотрели на Григория.

Настасьин обнажил выше локтя мощную руку воина, перетянул тесьмой пред-

плечье — синие кровеносные жилы взбухли на руке.

Григорий вынул из чехла узенький ножичек и одним неуловимым движением проколол набухшую вену. Показалась кровь... Он подставил под струйку крови бронзовую чашечку. Кто-то из воинов удивился этому.

— К чему такое? В чашку-то зачем? — протяжно, неодобрительным голосом сказал он.— Землица всё примет!

На него сурово прикрикнул старик Мирон:

— Мы не татары — хрестьянску кровь по земле расплёскивать! Боярин молодой правильно делает! Умён.

Григорий услыхал это, ему сначала захотелось поправить Мирона, сказать, что и не боярин он, а такой же мужицкий сын, как и все они, но затем решил, что ни к чему это, и смолчал.

Поверженный воин тем временем открыл глаза. Григорий Настасьин тотчас же с помощью чистой тряпицы унял у него кровь и наложил повязку.

Раненый улыбнулся и, опираясь здоровой рукой о дерево, хотел было встать. Настасьин строго запретил ему.

— Нет, нет,— сказал он,— вставать погоди! — А затем, обратясь к Мирону, распорядился: — Домой на пологу его отнесёте!

Гасило тотчас же приказал исполнить повеление лекаря.

— Стало быть, жив будет? — спросил он Григория.

— Будет жив,— уверенно отвечал юный лекарь.

— Это добро! Всю жизнь будет про тебя помнить! — одобрительно произнёс старик.— Большая же, юноша, наука у тебя в руках: почитай, мёртвого воскресил! А это вон тот его звезданул по голове, татарин толсторожий! — чуть не скрипнув зубами от злобы и гнева, добавил Гасило и указал при этом на предводителя татар.

Настасьин взглянул на татарина и вдруг узнал его: это был царевич Чаган — тот самый, что с такой наглостью ворвался на свадебный пир Дубравки и Андрея.

Гасило повёл рукою на груды награбленного русского добра, отнятого у татар.

— Ишь ты, сколько награбили, сыроядцы! — ворчал Гасило.— Меха... Чаши серебряны... Книги... Застёжки золотые — видать, с книг содраны... Шитва золотая...

Старик приказал подвести к себе предводителя татар.

Опять же книга: крышки в серебре кованом!.. Ох, проклятые!

И, всё более и более разъяряясь, старик приказал подвести к нему предводителя татар. Но Чаган уже и сам рвался объясниться с Мироном. Татарин был вне себя от гнева. Видно было, что этот жирнолицый молодой татарский вельможа привык повелевать. Когда его со связанными позади руками поставили перед Гасилой, он так закричал на старика, словно тот был ему раб или слуга.

Чаган кричал, что он кость царёва и кровь царёва и что за каждый волос, упавший с его головы, виновные понесут лютые пытки и казнь. Он требовал, чтобы его и охрану его мужики тотчас же отпустили, вернули всё отнятое, а сами у хвоста татарских коней последовали бы в Суздаль на грозный суд верховного баскака хана Китата.

— Я племянник его! Я царевич! — кричал он злым и надменным голосом.

Гасило угрюмо слушал его угрозы и только гневно щурился.

— Так... так... ну што ещё повелит нам кость царёва? — спросил он, еле сдерживая свой гнев.

— Видели мы этого царевича, как своими руками он мальчонку русского зарезал! Видели мы этого царевича, как он живых людей в избах велел сжигать! — закричали, вглядевшись в лицо татарина, мужики.

Старик Гасило побагровел от гнева.

— Вот што: довольно тебе вякать, кость царёва! — заорал он.— Тут, в лесу, наша правда, наш суд! Зверь ты, хитник, и звериная тебе участь! Што нам твой царь?! Придёт время — мы и до царя вашего доберёмся. А ты хватит, повеличался!

И, шагнув к татарскому предводителю, Гасило изо всех сил ударил его кистенём в голову. Чаган упал...

Тяжело дыша, страшно сверкая глазами из-под седых косматых бровей, Мирон сказал, обращаясь к Настасьину:

— Этого уж и твоя сила, лекарь, не поднимет: богатырска рука дважды не бьёт!

...Утром, беседуя с Невским, Мирон-Гасило похвалил перед ним врачебное искусство Настасьина.

— Да-а...— сказал он со вздохом.— Нам бы такого лекаря, в лесной наш стан. А то ведь, Александр Ярославич, сам знаешь, какие мы здеся пахари: когда сохой пашешь, а когда и рогатиной, когда топором тешешь, а когда и мечом!

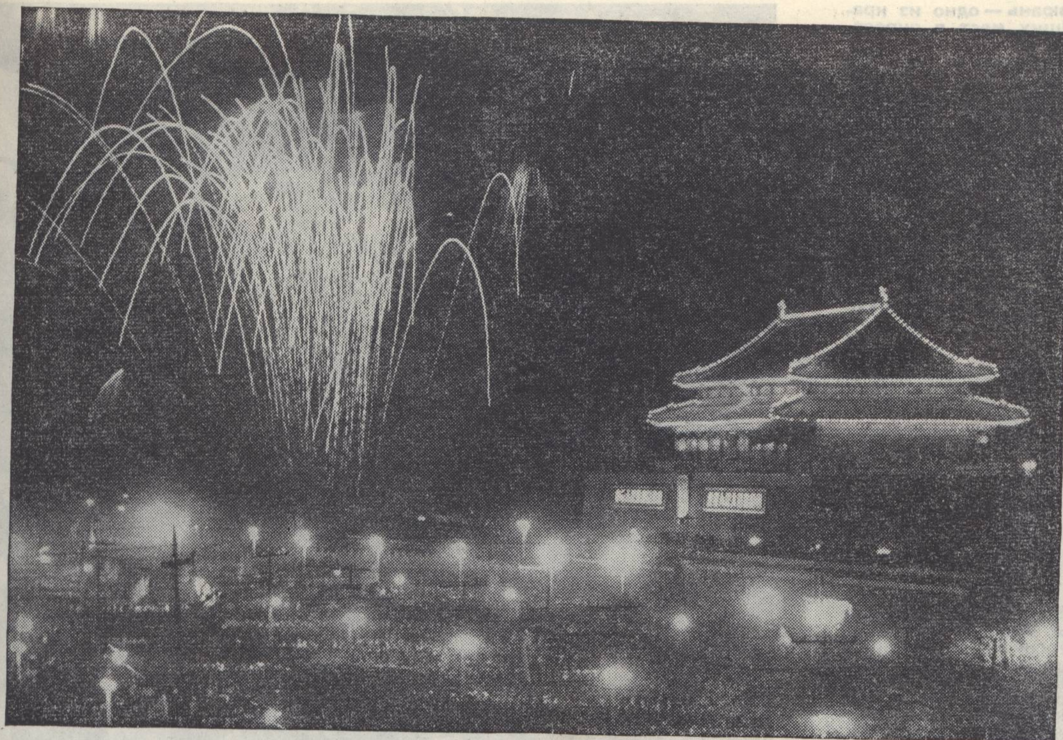
(Окончание в следующем номере)

ЗВЕЗДЫ

Е. Трутнева

Под ногой похрустывают льдинки.
Ничего не видно. Темнота.
И шуршат листочки-невидимки,
Облетая с каждого куста.
Осень ходит по дорожкам лета.
Всё притихло, отдыхать легло.
Только в небе празднично от света,
Небо все созвездия зажгло!
Звёзды то роятся, будто пчёлы,
То горят, как будто светляки...

Слышно, как слетают с ветки голой
Самые последние листки.
Не листок ли вспыхнул, улетая,
Золотом блеснул и вдруг исчез?
Звёздочка упала золотая,
Закатилась в тёмный тихий лес.
С золотыми листиками схожи,
Звёзды с неба сыплются, летят...
Будто в звёздном тёмном небе тоже
Наступил осенний листопад.

Площадь Тяньаньмынь в Пекине в праздничный вечер.

В СВОБОДНОМ КИТАЕ

Вот уже пять лет власть в Китае находится в руках народа. Свободный китайский народ строит новую жизнь.

Коммунистическая партия и Народное правительство в Китае очень заботятся о детях. Для китайских ребят строятся новые школы, дома пионеров, детские сады. Вот юные художники из Дворца пионеров в Пекине. Они приехали в знаменитый парк Ихэюань, чтобы полюбоваться прекрасными памятниками старины и красивыми пейзажами и порисовать их. Как непохожа жизнь этих ребят на трудное, полуголодное существование детей бедноты в старом Китае!

Ихэюань — одно из красивейших мест в окрестностях Пекина. Раньше здесь проводил лето император со своей свитой. Роскошные дворцы, прелестные сады и парки Ихэюаня были собственностью императора. Никто из простых людей не смел даже приблизиться к этим местам. Теперь императорские дворцы превращены в санатории и дома отдыха, а императорский парк, уголок которого вы видите на снимке, стал любимым местом отдыха трудящихся.

Днём и ночью дымят трубы Аньшаньского металлургического комбината. Это город стали, крупнейший промышленный центр страны. По всему Китаю — на заводах Шанхая, Тяньцзиня, Фушуня, на строительстве железных дорог и мостов — можно увидеть продукцию комбината с маркой «Сделано в Аньшане». Аньшаньский комбинат называют кузницей кадров. Под руководством опытных мастеров здесь учатся и проходят практику молодые металлурги.

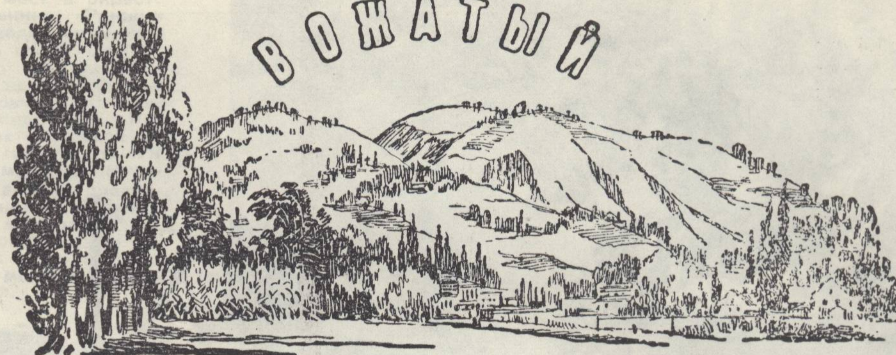

Много сотен лет мечтали китайские крестьяне о своей земле. Голодной и нищей была их жизнь. Почти весь урожай со своих маленьких полей они отдавали помещикам или кулаку, у которого арендовали землю. Теперь земля стала принадлежать крестьянам. Народное правительство Китая помогает крестьянам приобретать сельскохозяйственные орудия, чтобы они лучше могли обрабатывать землю и получать хорошие урожаи. В Китае есть уже и коллективные хозяйства — колхозы. Вот эти трактористки работают на полях колхоза «Искра» в Дунбэе.

Молодёжь и дети в новом Китае любят спорт. Чжан Чжи-биню всего восемь лет, но он уже участвовал во всекитайских спортивных состязаниях и с большим мастерством продемонстрировал приёмы «ушу». Слово «ушу» означает «военное искусство». Спортсмен ведёт борьбу с воображаемым противником. Он изображает нападение и оборону, показывая силу, ловкость и знание приёмов «ушу».

Вожатый

Муса Джангазиев

Рисунки А. Брея.

Наш вожатый
Вместе с нами
Отправляется в поход.
Галстук красный,
Словно пламя,
На груди его цветёт.

Нестерпимая жара
Целый месяц длилась,

Как назло,
вчера с утра
Всё переменилось.

Дунул ветер, пыль крутя,
Дождь закапал редкий,
И сидели мы, грустя,
Целый день в беседке.
— Ведь отменят наш поход:
Дождь по крыше дробно бьёт!..
Рюкзаки мы разберём,
Зря котёл начищен,
Что поделаешь,
во всём
Виноват дождище.

Где-то восемь бьют часы...
Вдруг вошёл вожатый:
— Что повесили носы?
Завтра в путь, ребята!
— Ой, а может, переждём:
В небе всюду тучи?
— Нет, ребята, под дождём
Закалимся лучше.
А сейчас идите спать,—
На заре придётся встать.

* * *

Поредел туман над садом,
Кукарекует петух.
Нам навстречу гонит стадо
Неприветливый пастух.
Он кричит издалека:
— Эй, не видите быка?!
Убегайте-ка с дороги,
А не то намнёт бока!
Роет землю бык колхозный,
Он рога нацелил грозно.
Но сказал вожатый так:
— Бык,— по-моему, добряк!

Корку хлеба посолив,
Он к быку подходит.
Гневно морду наклонив,
Бык глазами водит,
Но охотно хлеб берёт
И дорогу нам даёт.
А пастух кричит вослед:
— Укротителю привет!

* * *

Травы в дымчатой росе.
Свежим утром ранним
Мы шагаем по шоссе,
Звонкий шаг чеканим.
Лентой стелется гудрон,
Тополя со всех сторон.
Показался этот путь
Нам неинтересным.
Мы к горам хотим свернуть,
Как стена, отвесным.
— Ой, а может, не пройдём,
Стороною обойдём?
Говорит вожатый нам:
— Чем трудней,
тем лучше!
Осторожно по камням
Лезем мы по круче.

* * *

Склон в колючей ежевике,
Бойко плещет родничок.
Вот взметнулся голубь дикий
Из-под самых наших ног.
На скале архар рогатый,
Глядя вниз, оцепенел.
Повторённый многократно
Где-то выстрел прогремел.
Я взбираюсь вверх по скалам,
Где опасен каждый шаг.
Собираю минералы
И кладу их в свой рюкзак.
Не булыжник бесполезный
Я держу в своих руках,
А кусок руды железной
Я сейчас нашёл в горах.
Я отбил кусок породы
И схватился за арчу.
Подо мною пенит воды
Снеговая речка Чу.
Слышу, мне кричит вожатый:
— О́сыпь здесь,
не оступись!
На, хватай конец каната
И слезай проворней вниз!
Вот в кружок ребята тесно
Встали, смотрят образец.
— Нанесём на карту место,
Ты, и вправду, молодец!

— А теперь,— сказал вожатый,—
Отдохнуть пришла пора,
Час остался до заката,
Нужен хворост для костра!

Колки, как рога оленьи,
Корни смолкие арчи.
...Видят люди из селенья
Точку алую в ночи.
Видят люди из долины:
Пламенеют гребни гор,
Полыхает у вершины
Пионерский наш костёр.

Перевела с киргизского
Т. Стрешнева.

В ПОИСКАХ ДАВНО МИНУВШЕГО

Лев Успенский и К. Шнейдер

Две тысячи пятьсот сорок лет назад у подножия горы, которую теперь мы зовем Араратом, в крепости Тейшебаини наступила полночь. По крепостной стене взад-вперёд ходили стражники, вглядываясь в тьму: воины великого государства Урарту охраняли крепость с царским дворцом внутри её от варваров, недавно покорённых.

Кто скажет, что делали, о чём думали урартские воины в эту немыслимо далёкую от нас ночь? Каждый может сочинить об этом что угодно. Один скажет: стража Урарту была спокойна. Ничто не предвещало грозных событий. Может быть, один из караульных пел песню, другие слушали его...

Второй вообразит, будто на людях этих были рогатые каски и кожаные бляхи на груди... Третий расскажет даже о мыслях, что зрели в голове молодого чернобородого командира; пожалуй, он задумал великие дела... Всему этому можно поверить, а можно не верить: две тысячи пятьсот сорок лет! Как узнать, что происходило тогда?

А вот мы расскажем о том, что на самом деле случилось в эту тёмную ночь пятьсот девяностого года до нашей эры. И докажем, что это действительно было так. Слушайте же!

В эту ночь в караульном помещении дворца лежал на полу большой железный засов от крепостных ворот. Это был прочный запор, и во всю его длину клинописью, как писали урарты, была выведена какая-то надпись.

Мы не знаем, почему этот засов лежал там: может быть, положил кузнец, его сковавший, может быть, оставил сторож, но он там лежал.

Недалеко оттуда, в другом помещении дворца, раб только что скатал ковёр, половую дорожку, и поставил свёрток у двери: должно быть, собирался выколотить из неё пыль поутру.

В те же часы царский писец, держа на коленях глиняную плитку, острой палочкой выдавливал на ней замысловатые клинышки письмен, копировал старый приказ начальнику соседнего гарнизона. «Повелеваю тебе,— писал начальник,— прислать мне в крепость двух волов, трёх ремесленников и одного коня...»

В маленьких мастерских ткали шерсть, давили под гнётом кунжутное масло, с лязгом ковали железо. Из рук оружейни-

ков выходили одна за другой длинные стрелы.

А в это же время за стенами города другие люди, свободные скифы, торопливо надевали на себя колчаны, полные маленьких и острых — не урартских — стрел, брали в руки короткие копья, вооружались, задумав напасть врасплох на Тейшебаини.

Мы не знаем, что пела мать своему ребёнку, качая его на руках в ту ночь. Но мы знаем: то была её последняя песня.

Мы знаем и другое: стоял август, месяц урожая. Виноград ещё висел тяжёлыми гроздьями на лозах, но крупное зерно уже золотилось в амбарной тиши. Всюду в закоулках валялись арбузные корки и семечки.

Поля и луга за городом выжгло летнее солнце, однако канал, отведённый от реки рабами, подавал воду в город. От него по ночам веяло влажной прохладой.

В тесных хлевах коровы пережёвывали жвачку — августовские травы с перистыми листьями и маленькими цветами.

Женщина бросила на пол у своего очага старый деревянный совок: хотела утром провеять зерно, насыпанное в глиняную корчагу.

Но этого не случится: ни она, ни кто другой не коснутся старого совка ни завтра, ни в следующие дни. Непостижимый для той женщины человек дотронется до него только двадцать пять веков спустя!

Под дворцом в Тейшебаини были винные погреба. По обе стороны длинной галереи поднимались там над полом горла огромных кувшинов для вина — кара́сов. В таком кувшине, будь он с вином, мог бы утонуть человек. Но в ту ночь они были пусты: время сбора винограда ещё не наступило, и люди не работали в подземелье.

В полночь большая крыса метнулась в погреб. Тощая кошка гналась за ней. Вправо, влево... Неловкое движение, и крыса провалилась в глубокий карас. А обезумевшая от ярости кошка прыгнула за нею...

В опасности звери не трогают друг друга: они пытаются спастись. Но стенки караса гладки, круто сходятся к узкому горлу... Кошке могли помочь люди, пришедшие в погреб поутру. Но на этот раз люди не пришли сюда ни утром, ни через день, ни через год...

Может быть, именно в эту ночь оружейный мастер Тейшебаини закончил выделывать большой круглый щит с изображением быков и львов. Он прислонил его к стене, чтобы утром снова полюбоваться на свою прекрасную работу. Но человеческий взор коснулся щита тоже только через две тысячи пятьсот сорок лет.

Как и откуда мы об этом узнали?

В нескольких километрах от столицы Армении Еревана есть на берегу быстрой Занги́ невысокий холм. Люди издавна зовут его Карми́р-Блу́ром, Красным холмом: его голая вершина покрыта слоем пурпурной глины.

Летом 1939 года на Кармир-Блур поднялась экспедиция ленинградских учёных. В этом месте предстояло начать археологические раскопки.

Археологи волновались: десятилетия назад один инженер нашел поблизости кусок каменной плиты. «Ру́са сын Аргйшти» — было высечено на ней. Плита некогда принадлежала царю урартов, народа, который жил южнее этих мест. Как же попала она сюда? Не стоял ли тысячи лет назад на Кармир-Блуре урартский город?

Пора было закладывать первую траншею раскопок, но где? Тут или там повести трудную работу?

Сверкнули заступы, наудачу обнажая нижние слои почвы, и внезапно проливной дождь сорвал всё дело.

Дрожа от нетерпения, отсиживались учёные в лёгких палатках, выжидая, чтобы прекратился ливень и чтоб солнце высушило рудую глину горы. А когда они выползли из-под мокрой парусины, крик изумления вырвался у них. Что это? Не чудо ли перед ними?

На плоской вершине, словно нарисованный гигантским карандашом, простирался огромный план. План города-крепости. Темными линиями сквозь светлую почву проступало кольцо стен, очертания зданий внутри их... Откуда всё это?

Дождевая вода пропитала и почву и скрытые в ней развалины. Но щебень руин сохнет медленнее, чем земля. И вот солнце подействовало на мокрый Кармир-Блур, как проявитель на фотопластинку. Тайное стало явным. Теперь не осталось сомнения, где копать.

Началась работа.

Общий вид раскопок на холме Кармир-Блур.

Продолжается она и сейчас. С первых ударов лопат показались из-под земли толстые стены. Кирпич за кирпичом являлся на свет давно погибший город с неприступной цитаделью на холме, с высоким царским дворцом в ней и с целым лабиринтом малых строений между ними.

С северо-запада в город вели одни ворота, с юга — другие. И, роясь возле первых, учёные стали натыкаться там и тут на наконечники стрел. Одни из них грудами валялись среди развалин — длинные боевые стрелы урартов. Зато другие — маленькие, лёгкие — торчали в кирпичах крепостной стены, в глиняных швах между ними. С великим трепетом, осторожно извлекали учёные из комьев бурой земли драгоценные кусочки, насквозь проеденные ржавчиной. Расположение их позволяло понять, как именно погиб этот неизвестный ещё по имени древний город: он был разрушен сразу, стёрт с лица земли за одни страшные сутки. Безжалостные враги ворвались в северные ворота твердыни, и, судя по их стрелам, они были скифами.

Чем дальше зарывались археологи в землю, тем больше доказательств этому они находили. Город явно погиб от пожара: на всём видны следы бушевавшего здесь огня. В городе был бой: на одной из улиц лежали никем не поднятые скелеты женщины и маленького ребёнка, может быть, той самой женщины, которая так и не допела в роковую полночь своей колыбельной песни, а может, другой, собиравшейся утром веять на ветру зерно...

Вот остатки древнего жилья. У самого очага — глиняная корчага, полная обугленной пшеницы; между зёрнами попадаются семена сорняков, полова. Не провеяно это зерно!

Молодой сотрудник ленинградского Эрмитажа на коленях работает у погасшего два тысячелетия назад очага. Он радостно вскрикнул: «Вот повезло!» Под его осторожной рукой открывается деревянный совок для зерна, небрежно брошенный на полу.

Дерево не камень, не железо, дерево плохо сохраняется в земле. Такие находки — редкость. Юноша торопится по закоулкам траншей к начальнику: как не поделиться с ним удачей?

— Вы знаете, какое счастье? Я нашёл совок! Деревянный совок! Скорее...

Но начальник не трогается с места.

— Говорите, деревянный? Гм... Возвращайтесь спокойно на место: вашего совка уже не существует!

Испуганный молодой человек мчится обратно... Увы! На месте драгоценного совка горсточка лёгкой, почти невесомой

пыли. Такую хрупкую вещь надо было немедленно закрепить, пропитав особым составом! Как только солнце и воздух коснулись древней древесины, она рассыпалась в прах...

В одном из дворцовых помещений наткнулись на прислонённый к стене обгоревший свёрток ткани. С величайшей осторожностью отвернули край, рассмотрели: повидимому, это кусок узкой ткани из грубой шерсти, дорожка для пола.

Карасы в винном погребе в Тейшебаине.

Врезаясь в землю всё глубже, под дворцом открыли царские погреба с шеренгами врытых в землю огромных кувшинов-карасов. На их округлых боках выдавлены клинописные «цифры»: каждый карас вмещал три акарки и семь терусси; удалось высчитать, что одна урартская «акарка» — это примерно двести пятьдесят наших литров.

Между карасами на сыром когда-то полу тёмного погреба лежали косточки жабы, а в одном из них на дне — скелеты злополучных кошки и крысы: наверное, их задушил дым пожара в ту злосчастную для города древнюю ночь.

В разгар работ начальнику экспедиции Б. Б. Пиотровскому пришлось поехать по какому-то делу в Ереван. Это близко, несколько километров, но настоящий археолог даже на час не любит отрываться от раскопок: ведь душа болит: а вдруг без него появится из земли что-либо замечательное?!

Так и вышло. Пиотровский уехал, а один из рабочих вскрикнул: «Клад! Клад!» В глубине караса полузасыпанные мелким песком лежали девяносто семь круглых бронзовых чаш, сверкающих, как золото, звенящих, как колокола,— чисто и долго...

Двенадцать из чаш хранятся теперь в ленинградском Эрмитаже, остальные — в Ереване. Они найдены в такой сохранности, что никто из вас не отказался бы поставить для красоты такую золотистую посудинку на свой рабочий столик...

Учёные особенно ценят те находки, на которых есть «приметы времени».

Вот мы видим: в городе произошла катастрофа — набег, пожар, сражение. Но как дознались, что это случилось тёмной ночью, что поля сожгло солнце и зрелый виноград ещё висел на лозах? Почему мы уверены, что это произошло в августе?

Укреплённые города обычно штурмовали в темноте, это понятно. Однако как определили время года? Зерно в кладовых? Да может быть, это ещё прошлогодний урожай? Растительность? Неужели могла сохраниться растительность тех дней?

Оказывается, могла! И где! В желудке тогдашней коровы! Были найдены остатки обугленной коровы. В её сплющенном желудке оказались арбузные семечки, травинки и маленький непереваренный цветок. Учёным достаточно. Они установили время года: август, примерно его середина.

Ещё ценнее находки, на которых сохранились письмена. Они могут рассказать не только о древней эпохе, о труде людей

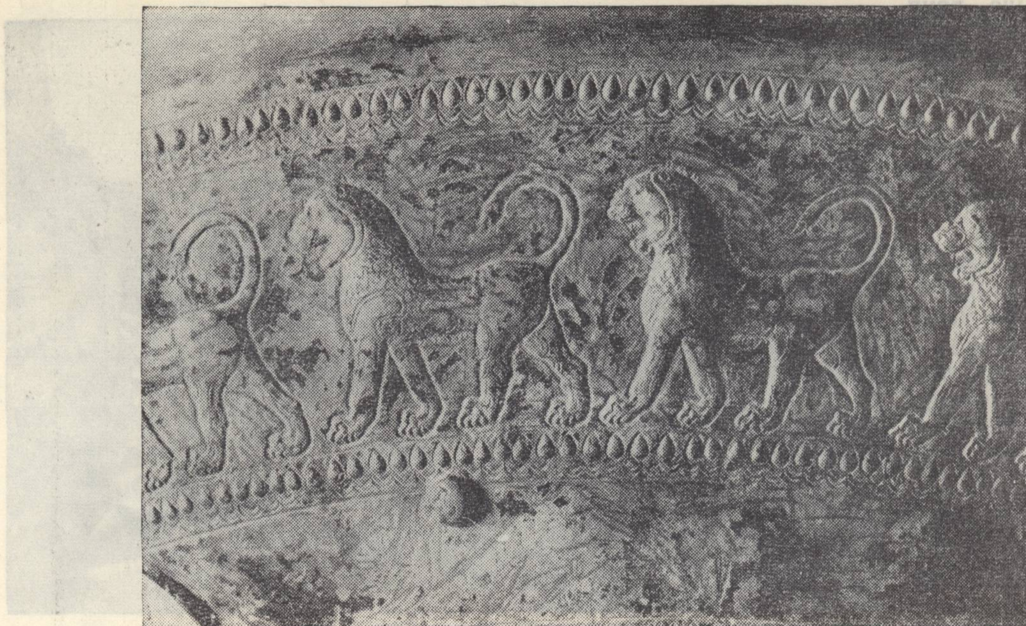

Рисунок на урартском бронзовом шлеме.

и об отношениях между ними, но даже об их мыслях и чувствах.

Вот извлекли из праха ту самую плитку, на которой писец начертал когда-то строгий приказ прислать ремесленников и коня. Кто приказывал, мы не знаем, но видим, что он имел страшную власть над людьми: в его глазах талантливый мастер, тот, что отчеканил чудесный щит с быками и львами, настоящее произведение искусства, был рабом, которого можно было «прислать» и «отослать» вместе с конём и волом по первому капризу господина.

Вот обнаружили на полу засов от крепостных ворот. Железо хуже сохраняется в земле, чем бронза или керамика. Засов превратился в уродливый кусок ржавого металла. Велика ли ценность такой находки?

Но нет, уезжая в Москву, Пиотровский даёт засов лучшему реставратору, скульптору М. М. Герасимову.

— Будет время, повозитесь, пожалуйста, с этой штукой... Вряд ли это что-нибудь интересное, но...

Время у Герасимова нашлось. И в Москву полетела телеграмма: вдоль засова бежит клинописная строчка!

Надпись прочли. «Ру́са сын Арги́шти. Тейшебаини» — было начертано там. Учёный мир ахнул: теперь стало не только известно, что открытый город был урартским. Теперь узналось и его имя: Тейшебаини.

Тейшебой назывался у урартов свирепый бог войны. Не удивительно, что такое грозное имя этот народ дал своей передовой пограничной крепости у самого края государства!

Ни в каких летописях об этом городе не было доныне никаких сведений. Раскопки открыли нам совершенно незнакомую страницу истории, и благодаря трудам учёных-энтузиастов мы теперь про древний Тейшебаини знаем ничуть не меньше, чем про многие современные города.

то сказано не для красного словца.

Мы знаем теперь совершенно точно: у северного подножья Арарата, над рекой Аль-Даруни (теперь её зовут Занга́), пришедшие с юга завоеватели построили неприступную, по их мнению, крепость.

Они покорили местное население, превратив его в рабов. Но им не удалось подчинить скифов, живших дальше к северу.

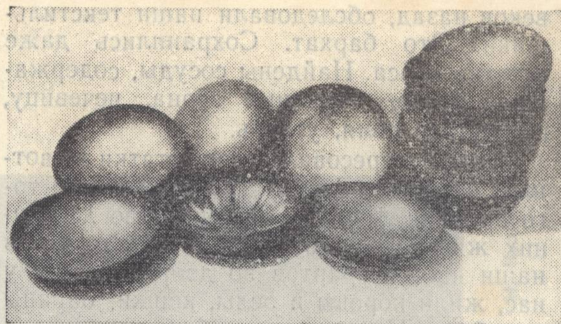
Много лет стояла на холме над Занго́й

грозная твердыня. Наместники урартских царей брали дань с соседних селений; урартские и иноплеменные купцы торговали с вольными скифами. Скифы мирно кочевали вокруг, но никто не знал, о чём они думали и к чему стремились.

Люди в городе жили сложной жизнью; мы бы ничего не знали о ней, если бы не кармир-блурские раскопки.

Рабы, подгоняемые бичами, трудились на полях и виноградниках. В мастерских, похожих скорее на конуры для собак, изготовляли замечательные вещи. Рабы урартов были талантливыми мастерами: великолепны найденные в развалинах шлемы и щиты чеканной работы. Замечательно скульптурное тронное кресло урартских владык, поддерживаемое крылатыми зверями с человеческими лицами.

Культура урартов была высокой, повсюду встречаем мы признаки грамотности. Клинописные значки видны на сосудах для вина, на клеймах тех бронзовых чаш, о которых уже было рассказано, на всякой дворцовой утвари. Найдены каменные памятники, увековечившие спортивные подвиги урартских владык. На одном из них выбито: «С этого места царь Арги́шти, сын Ру́сы, пустил из лука стрелу более чем на девятьсот локтей». На другой плите значит: «С этого места конь Арци́ви под

Бронзовые чаши, найденные при раскопках.

царем Ме́нуа прыгнул на двадцать два локтя в длину».

Само собой разумеется, памятники и надписи говорят только о людях, обладавших властью, и их делах. Зато о простом трудовом люде рассказывает всё то, что было сделано его руками.

Благодаря тому, что гибель Тейшебаини была почти мгновенной, до нас дошли такие предметы, погребённые под развалинами, которые иначе рассыпались бы в прах тысячелетия назад.

Мы теперь держим в руках куски мучных лепёшек тех дней. Мы видим: они очень похожи на современный армянский «лаваш». Найдены тряпочки. Один из кусочков материи, вытканной двадцать пять

Деталь бронзового щита.

веков назад, обследовали наши текстильщики. Это бархат. Сохранились даже остатки ворса. Найдены сосуды, содержащие просо, ячменные зёрна, чечевицу, кунжутное семя, утварь.

Очень интересовали всех остатки животных: по ним можно судить о хозяйстве того времени. Что ж? Большинство домашних животных оказалось теми же, что в наши дни: у урартов во дворах, как и у нас, жили коровы и ослы, кошки, бараны и собаки. Но вот что любопытно: скелет лошади оказался принадлежащим лошади такой породы, каких сейчас уже нигде нет, иному виду. Зоологи в честь начальника экспедиции на Кармир-Блуре дали этому коню латинское имя Эквус Пиотровский — Лошадь Пиотровского.

Раскопки продолжаются и сейчас. Крепость Тейшебаини занимала когда-то пространство в четыре гектара: 200×200 метров. Доныне разработана только часть этого подземного музея. Но и по тому, что найдено, учёные считают себя вправе судить о последних днях жизни этой крепости.

Что помогло кочевым скифам овладеть твердыней? Не нашлось ли у них пособников внутри города? Ведь в нём жили рабы... Может быть, один из них, самый смелый и решительный, задумал свергнуть нестерпимое иго и открыл ворота врагам урартов? А может статься, он был и не один...

Утверждать это трудно, но кое-что подтверждает такую мысль. Похоже, что свои, а не враги расхитили царские сокровища... Конечно, не ворвавшиеся в город скифы засыпали песком в винном карасе сотню бронзовых чаш, зарыли в земле подвала прекрасный воинский шлем и пометили это место большим красным крестом на стене (по кресту археологи и обнаружили спрятанное), сунули под груду хвороста великолепный серебряный щит. Это до пожара, но после начала штурма сделали, вероятно, люди, жившие внутри крепостных стен. Так не следует ли повесть о последней ночи Тейшебаини озаглавить так: «Рассказ о том, как скифы помогли рабам Тейшебаини сбросить ненавистное иго урартов»?

Находки будущего покажут, справедливо ли это.

Узнав обо всём этом, вам захотелось сейчас же отправиться туда, к подножию Арарата, и своими глазами увидеть развалины на Кармир-Блуре?

Прибыв на место, вы были бы разочарованы. Археологи Армении вместе с русскими учёными осторожно, слой за слоем, открывают миру погребённые в земле сокровища, извлекают из земных недр всё ценное. Но, закрепив ветхие остатки, описав, сфотографировав их, отправив в музеи страны на вечное сбережение, снова зарывают большинство траншей... Зачем?

Конечно, сложенные из кирпича-сырца толстые стены Тейшебаини не рассыплются в прах так быстро, как тот деревянный совок, о котором говорилось. Но нужно помнить: развалины сохранила надолго старая собирательница древностей — наша земля. И ей помогло в этом сложное сцепление случайностей.

Крепость, обрушась, сама погребла себя под толстым слоем битого кирпича, обожжённого огнём пожара. Именно он придал холму над Зангой красный цвет.

Никто здесь не пахал землю, никто не пас на ней овец. Поэтому ветер и вода ничего не сделали за две тысячи лет с гладким, лысым взлобком. А сейчас мы повредили его поверхность. Сухой южный ветер ворвался в щели траншей. Солнце накаляет древний кирпич, ночной холод охлаждает его. Ливни размывают глину. Маленькие лисички начали уже рыть меж руин свои глубокие норы... Нет уж, лучше снова доверить матери-земле охрану сбережённого ею музея!

Поэтому мы не будем стремиться на самый Кармир-Блур.

Но в строгих залах наших музеев или на страницах книг, приглядываясь к удивительным вещам, на тысячелетия пережившим тех, кто их делал, к щитам и шлемам, отремонтированным заново через двадцать пять веков после того, как их изготовили, отдадим должное силе человеческого разума: сквозь непроглядный туман времени он умеет прочесть письмена, оставленные людьми, которые жили столь давно, что голова кружится при мысли о такой страшной древности!

НОВАЯ МОСКВА. Н. Кузнецов.

В КОНЦЕ НАВИГАЦИИ. Б. Ряузов.

ВОЛОКОЛАМСКИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Ю. Сотник

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда мне было лет десять, ко мне однажды пришёл товарищ и сказал:

— Слушай, давай что-нибудь изобретём!

— Изобретём? А что изобретём?

— Ну, вообще, что-нибудь... Я вчера книжку прочитал, как паровоз изобрели. Давай и мы что-нибудь изобретём, а?

Эта мысль мне понравилась. Мы стали изобретать. Вернее, не изобретать, а придумывать, что бы нам изобрести. Мы так увлеклись этим, что два дня не делали уроков, а всё ломали голову. Мы с утра до вечера бормотали про себя:

— Самолёт? Изобретён. Автомобиль? Изобретён. Мясорубка? Изобретена...

На третье утро мой товарищ, тяжело вздохнув, проговорил:

— Знаешь... давай плюнем на это дело. Я тысячу всяких вещей перебрал, и все они уже изобретены. Наверное, всё уже изобретено...

Так мы оставили эту затею.

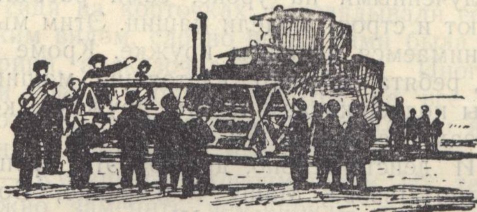
Позднее я узнал, конечно, общеизвестную истину: чтобы изобретать, надо обладать знаниями побольше, чем в объёме третьего класса. Ещё позднее мне приходилось часто бывать в школьных технических кружках, куда входили старшеклассники, уже основательно знакомые с физикой, химией, математикой. Члены таких кружков именовались юными конструкторами, но ничего не конструировали. Они лишь строили модели, но все эти сложные, часто прекрасно выполненные модели были всего лишь копиями уже существующих машин. Об изобретательстве они говорили примерно так же, как и мой десятилетний приятель:

— Эх! Красота была во времена Ломоносова или Леонардо да Винчи! Вот был простор для изобретательской мысли! А в наше время что изобретать? Атомный двигатель? Реактивные самолёты? Так для этого какое образование нужно!

Но вот недавно я побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Там я увидел модели, изготовленные юными техниками: силосную башню, подвесную дорогу для животноводческой фермы и тому подобные вещи. Всё это как будто знакомо каждому, кто знает сельское хозяйство. Но модель подвесной дороги была моделью дороги более гибкой, более удобной в управлении, чем те, которые употребляются сейчас на большинстве колхозных ферм, а силосная башня имела приспособление, облегчающее её разгрузку. И вообще все модели были не простыми копиями с сельскохозяйственного оборудования: в каждую из них было внесено ребятами что-то новое, своё, что делало модель более совершенной.

Вскоре я познакомился с юными волоколамскими техниками и с их руководителем — учителем физики Николаем Ивановичем Михайловым. Когда я рассказал им о жалобах некоторых юных конструкторов на то, что нечего теперь изобретать, они рассмеялись:

— «Нечего изобретать»! Да повсюду, куда ни гляньте, вы найдёте, что совершенствовать, что изобретать!

ХОРОШЕЕ НЕДОВОЛЬСТВО

— Наш район сельскохозяйственный,— сказал мне Николай Иванович,— район сплошной электрификации. С каждым годом в колхозы и совхозы нашего района поступает всё больше машин — тракторов, зерновых и картофелеуборочных комбайнов, сенокопнителей, навозоразбрасывателей. С каждым годом всё боль-

Юные техники с увлечением изучают каждую новую сельскохозяйственную машину.

ше требуется людей, умеющих управлять этими машинами. Вот мне и хочется, чтобы наша школа дала району побольше знающих, квалифицированных механизаторов, таких механизаторов, которые не только безупречно знали бы свои машины, но и могли бы совершенствовать их. У нас школьники, пользуясь знаниями, полученными на уроке, сами рассчитывают и строят модели машин. Этим мы и занимаемся в нашем кружке. Кроме того, ребята изучают настоящие машины. Мы поддерживаем тесную дружбу с колхозами, совхозами и МТС.

И действительно, дружба эта крепка. Витю Львова, Машу Макаренко, Борю Сорокина, Станислава Жохова и других членов технического кружка часто можно видеть на фермах совхоза Холмогорка, в Волоколамской МТС, в мастерских по ремонту сельхозмашин. Их всюду знают и встречают приветливо:

— А-а! Милости просим новую машинку посмотреть: сенокопнитель. Только третьего дня прибыл.

Ребята узел за узлом, деталь за деталью начинают знакомиться с машиной; а если новой машины нет, окружают какую-нибудь молотилку или сеялку, которую уже неоднократно видели. Кажется, что уже всё знакомо ребятам в этой машине, но каждый раз при новом осмотре кружковцы убеждаются, что раньше чего-то недоглядели в ней, чего-то не поняли.

И вот тут оживают для ребят сухие формулы учебника, становятся важными и понятными знания, полученные в классе. Измерив ширину колёс, на которые опирается машина, ребята определяют давление, оказываемое ею на грунт. Осматривая подшипники и систему смазки, они видят, как конструкторы борются с вредным трением, а разглядывая фасонные рукоятки рычагов, сделанные так, чтобы не скользила рука, видят, какими способами усиливается трение полезное.

Летом кружковцы работают на полях, помогая колхозникам, и тут уж юные техники не просто осматривают машины, а учатся сами ими управлять: одни осваивают жнейки, другие — косилки, третьи — веялки, а некоторым из ребят, наиболее упорным, таким, как Володя Сотов, Витя Львов, Витя Бирюков и Толя Орлов, доверяют вождение трактора и автомашины.

Но это ещё не всё. Советский человек должен постоянно стремиться к лучшему. Эту черту старается развить в своих учениках Николай Иванович.

Однажды из МТС пришло известие: получен новый самоходный комбайн «С-4». Кружковцы отправились знакомиться с машиной. Они уже неплохо разбирались в работе комбайнов, но этот комбайн привёл их в восторг.

— Всё! — сказал Витя Львов, следя за работой мощной и умной машины.— Лучше этого не придумаешь...

— Да-а! — протянул Толя Орлов.— Тут уж ничего не добавишь и не убавишь.

Николай Иванович обернулся к ребятам.

— Ну, а всё-таки, может быть, и в этой машине есть недостатки?

Некоторых ребят этот вопрос даже возмутил.

И всё же после этого они стали критически приглядываться к работе комбайна. Приглядывались несколько дней, а потом тот же Витя Львов сказал:

— Вы знаете, Николай Иванович, когда у «С-4» разгружают бункер, хоть и не-

большая часть зерна, а всё-таки просыпается.

Толя Орлов добавил:

— И ещё на молотильный мост хлеб иногда поступает со спутанной соломой.

Кто-то третий из юных техников присовокупил:

— Пожалуй, и проходимость не мешало бы улучшить. Слишком уж глубоко он погружается колёсами в слабый грунт.

Так ребята учатся подмечать недостатки в каждой машине, в каждом приспособлении, которое на первый взгляд представляется им совершенным. И это хорошее недовольство рождает стремление устранить недостатки. А это стремление заставляет ребят изобретать.

«КЛУША» МАШИ МАКАРЕНКО

Маша Макаренко — высокая серьёзная девочка — любит природу. Она юннатка. Она вырастила возле своего дома хороший сад. Она может часами возиться с курами, поросятами, щенятами и прочей домашней живностью, наблюдая и ухаживая за ними.

Однажды кружковцы посетили птицеферму одного из ближайших колхозов. Стоя в помещении, где выращивались полученные из инкубатора цыплята, ребята разглядывали так называемый брудер. Это была широкая, чуть возвышающаяся над полом плита с извилистыми каналами внутри. Тёплый воздух из топки, проходя по каналам, обогревал брудер, а тот, в свою очередь, грел множество усевшихся на него и прижавшихся друг к другу жёлтых цыплят.

— Искусственная курица,— заметил кто-то из кружковцев.

— Хорошая «клуша»! — отозвался другой.— Настоящая только два десятка детей может согреть, а эта сразу сотни обогревает.

— Хорошая, да не очень,— сказала колхозница, сопровождавшая ребят.

— А что?

— Во-первых, за брудером надо всё время следить. Погас огонь в топке — брудер остывает, и цыплята мёрзнут. В холодную погоду могут и погибнуть. В пожарном отношении брудер тоже не очень-то хорош: топка ведь тут же находится, в деревянном помещении. И опять же трудно нам с мартовскими цыплятами... С ними часто совсем беда.

Ребята узнали, что колхозу выгоднее всего выращивать цыплят, родившихся ранней весной: за лето они превращаются во взрослых кур, уже несущих яйца. Но ранней весной ещё бывают сильные морозы, а брудер не может как следует согреть цыплят. Они страдают от холода и гибнут.

Больше всех была огорчена Маша Макаренко.

— Неужели же ничего нельзя придумать! — возмущалась она.— И колхозу убыток, и цыплят жалко. Правда, Николай Иванович?

— А ты возьми и придумай,— предложил учитель.

И Маша стала думать. Думала она не одна, а со своими подругами Светланой Журавлёвой и Галей Фокиной.

Прежде всего девочки стали наблюдать, как клуша греет цыплят. Родители подруг заметили, что девочки их ведут себя довольно странно: они подолгу простаивали на месте, не сводя глаз с какой-нибудь курицы, гуляющей по двору со всем своим семейством. Если цыплята прятались под крылья мамаши, девочки приходили в особенное возбуждение: они подбирались к курице как можно ближе и, сидя на корточках, разглядывали её с таким видом, словно перед ними была не курица, а сказочная жар-птица. Иногда они ловили клушу, несмотря на все её протесты, поднимали у неё крылья и начинали вполголоса рассуждать:

— Курица греет своим телом. Ну, тело можно заменить чем-нибудь, например, баком с тёплой водой. Но у курицы пух; от него цыплятам мягко и, наверное, ещё теплее. Как же быть с пухом? Может быть, так и взять настоящий пух?

— И посмотрите, девочки! Она цыплят крыльями накрывает. От этого им ещё теплее.

— Погодите! А где мы устроим топку, чтобы воду греть?

Когда проект был вчерне готов, о нём сообщили на собрании кружка. Ребята

одобрили проект, хотя и много хохотали, слушая доклад Маши Макаренко: уж больно необычными показались идеи, которые она развивала. Тут же несколько мальчиков вызвались сделать все необходимые слесарные и электромонтажные работы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Свою работу Маша с подругами начала летом, а закончила её в начале весны, как раз в ту пору, когда мартовские цыплята особенно нуждались в тепле. Физический кабинет битком был набит членами кружка и другими школьниками, пожелавшими присутствовать при демонстрации «клуши» Маши Макаренко.

«Клуша» готова, надо только ещё раз всё тщательно проверить.

И вот на одном из столов появилось диковинное сооружение. Это был небольшой металлический бак, обтянутый шерстяной материей. Материя была обшита снаружи густым слоем пуха. Бак со всех сторон был окружён навесом, снизу утеплённым куриными перьями, а над навесом возвышалась искусно сделанная куриная голова. Чуть в стороне соединённый с баком трубками стоял котёл для подогрева воды.

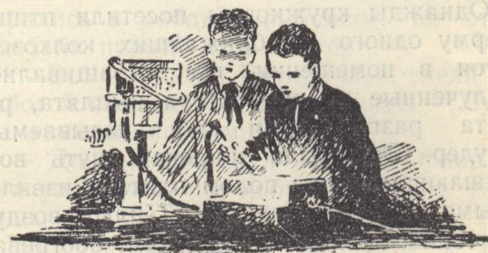
Расхаживая вокруг стола, Маша давала пояснения:

— Вода в котле подогревается электричеством и поступает из него в бак. Тёплый бак, обшитый пухом, заменяет тело курицы, а перьевой навес, который его окружает,— куриные крылья. Вот и получается, что цыплята, спрятавшись под навес, чувствуют себя так же, как если бы они спрятались под крылья курицы. Да вы сами сейчас увидите...

Маша вставила вилку от котла в штепсельную розетку. Когда вода нагрелась, стол, на котором стояла искусственная клуша, огородили сеткой и выпустили на него с полдюжины крохотных цыплят. Некоторое время те с жалобным писком бегали по столу, но вот один из них подошёл к навесу, нырнул под перья и исчез. За ним последовал другой, третий... И скоро на столе не осталось ни одного цыплёнка. В глубоком молчании прислушивались ребята, как постепенно становится реже, спокойнее цыплячий писк. Вот какой-то цыплёнок пискнул в последний раз, и в физическом кабинете наступила полная тишина.

— Спят,— удовлетворённо пробасил один из кружковцев, и тут тишина сменилась такими аплодисментами, что цыплята, конечно, проснулись, однако не запищали: под искусственными крыльями «клуши» они чувствовали себя в безопасности.

«Клушу» потом ещё долго и тщательно проверяли. В любую погоду, как бы ни было прохладно в помещении, цыплята чувствовали себя прекрасно.

«КТО ИЩЕТ,— ТОТ ВСЕГДА НАЙДЁТ...»

Витя Бирюков — сын конюха. Вместе с отцом ему частенько приходилось бывать в колхозной кузнице, наблюдать тяжёлую работу кузнецов.

— Чёрт знает что! — говорил он после

таких посещений своему приятелю и тёзке Вите Львову.— Везде у нас в колхозах и электростанции, и автомашины, и тракторы... В мастерских и тебе токарные станки, и фрезерные, и сверлильные, а вот кузницы, какими были сто лет назад, такими и остались: молот, да наковальня... да ещё горн с мехами. Ты бы попробовал, покачал эти самые меха. Семь потов сойдёт! А угля сколько пожирает такой допотопный горн!.. Ужаснёшься! Вот сделать бы такой горн, чтобы был, как электроплитка: включил — и готово, подкова нагрелась!

— Хорошо бы ещё переносный горн придумать,— добавлял витин приятель.— А то работает где-нибудь в поле бригада, случилось что-нибудь — и скачи за десять километров в кузницу.

Долго мечтал об усовершенствованном горне Витя Бирюков. Мечты до поры до времени оставались мечтами: не хватало знаний.

Но вот на одном из уроков Николай Иванович стал объяснять ученикам принцип действия электрической дуги Петрова. И тут Витя как-то странно дёрнулся и даже тихонько вскрикнул:

— Ой!

После урока он бросился к учителю:

— Николай Иванович... А что, если... что, если электрическую дугу использовать для кузнечного горна? Чтобы разогревать в нём всякие вещи. Подковы, скажем. А?

— Попробуй,— улыбнулся Николай Иванович.

Витя Бирюков побежал к Вите Львову. Приятели взялись за дело. Огнеупорных материалов под рукой не оказалось, и они отлили горн из цемента. На занятиях кружка оборудовали его электрическую часть: установили угли, присоединили провода, присоединили трансформатор, понижающий напряжение с двухсот двадцати до сорока вольт, и начали испытывать, включили ток, соединили концы углей, потом развели. Вспыхнула дуга, озарив чуть дрожащим, с фиолетовым оттенком светом лица собравшихся вокруг ребят. «Изобретатель» со своим помощником принялся нагревать в пламени дуги кусочки разных металлов. Чем больше занимались друзья этим делом, тем больше вытягивались у них лица.

— Площадь нагрева мала,— высказал общее мнение один из кружковцев.

И действительно, пламени, образованного дугой, хватало разве лишь на то, чтобы накалить маленькую монетку.

Обескураженный Витя обратился к учителю:

— Что же делать, Николай Иванович?

Николай Иванович не очень-то любит подсказывать. Он предпочитает, чтобы его ученики думали сами.

— Что делать? Ищи! Знаешь, как в песне поётся: «Кто ищет,— тот всегда найдёт».

И Витя принялся искать.

— Вот что мы сделаем! — сказал он своему другу.— Давай установим не одну пару углей, а несколько.

Снова ребята взялись за работу. Вместо одной электрической дуги они установили целую батарею. Получилось невероятно громоздкое сооружение, представлявшее собой сложную путаницу из угольных стержней, проводов и зажимов. Налаживая свою конструкцию, изобретатели кончили тем, что переломали угли, добытые с немалым трудом. Надо было придумать что-то попроще. И Витя продолжал искать.

— А что, если взять два угольных электрода и между ними положить третий? Ведь тогда образуются две дуги: между концами маленького угля и концами больших углей. Вместо двух пар больших угольных стержней я возьму всего лишь одну пару плюс маленький уголёк, а получу те же две дуги... А что, если взять не один маленький уголёк, а два? А что, если...

И вот горн Вити Бирюкова стоит в физическом кабинете на столе. Это чуть ли не пятая его модель. Он представляет собой небольшой ящик, залитый всё тем же цементом. В цементе сделана лунка, в лунку входят два угольных электрода, и в неё же насыпана кучка угля, обыкновенного бурого подмосковного угля. Витя включает ток, и между кусочками угля вспыхивает множество мелких электрических дуг. Уголь быстро раскаляется, и скоро вся лунка начинает светиться жарким белым светом.

Теперь в витином горне кружковцы плавят кусочки металла, закаляют небольшие детали. Он вызвал одобрение инженеров и научных работников, когда его показывали на слёте юных техников в Москве. Совсем недавно наших волоколамцев снимали вместе с их моделями в студии научно-популярных фильмов. Ко-

гда электрики студии увидели в работе этот горн, они принялись его срисовывать.

— Мы себе такой же сделаем. Он нам очень пригодится для ремонтных работ,— сказали они.

Сам принцип действия горна не так уж нов. Но горн так прост по своей конструкции, что его может построить любая школа, любой колхоз. И, пожалуй, самое важное здесь то, что Витя искал и нашёл, и то, что он и сейчас продолжает искать, совершенствуя свой горн, стараясь сделать так, чтобы он нагревал более крупные детали.

ЗАДАЧИ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ

«Кто ищет,— тот всегда найдёт!» Эти слова с полным правом могли бы стать девизом у юных техников Волоколамской средней школы. Здесь ищут все.

Побывали ребята в одном совхозе. Совхоз выращивает хороших племенных коров, а с механизацией труда там дело обстоит плохо. Сотни килограммов, а то и тонны кормов ежедневно доставляются к стойлам вручную. Ребята решили: надо что-то придумать. Заговорили о подвесных дорогах, которые служат в хозяйствах для доставки кормов, для уборки из коровников навоза. И тут проявилось у ребят то хорошее недовольство, о котором я уже упоминал. Боря Зубов сказал:

— Плохо, что на подвесных дорогах на фермах люлька движется только по прямой, а чуть надо в сторону,— изволь перегружать корма вручную.

Боря взялся построить модель другой, более совершенной, по его мнению, подвесной дороги и построил её. Люлька у него подвешена не к тросу, а к тележке, снабжённой электромотором. Тележка движется по укреплённым на специальных стойках рельсам, которые одновременно служат проводами, несущими ток. Куда протянут эти рельсы, туда и отправится люлька с грузом, в любой закоулок животноводческой фермы, сделав сколько угодно поворотов. На станции назначения люлька автоматически разгружается, а на станции отправления вспыхивают разноцветные лампочки: они сигнализируют о прибытии груза на место и о том, что можно давать обратный ход.

Побывали кружковцы в «Заготзерне», осмотрели зерносушилку, которая показалась им сложной и громоздкой. Юра Козлов взялся сконструировать модель такой электрической зерносушилки, чтобы ею мог управлять любой колхозник. Он сделал три варианта электрической зерносушилки, каждый раз всё больше совершенствуя её.

Есть такая машина — силосорезка. Она режет силосную массу и тут же гонит её по специальному рукаву в силосную башню. Загружать башню колхозникам легко, а вот разгружать трудно. Выгрузка силоса пока ещё не механизирована. Боря Михайлов и Толя Орлов сделали модель силосной башни, снабжённой своего рода лифтом, значительно облегчающим разгрузку.

* * *

Всё, что придумали и построили юные техники Волоколамска, трудно перечислить. Пусть не все их конструкции удачны. Важно одно: следя за поисками ребят, глядя на сделанные ими модели, твёрдо веришь: кончат эти ребята школу, и страна получит хороших, знающих работников, которые никогда не остановятся на достигнутом, которые всегда будут стремиться к новому, лучшему.

Кончат эти ребята школу... А что будет дальше с кружком?

А дальше вырастет новое поколение юных конструкторов. Оно уже растёт. В кружке работает подготовительная группа, где старшие ребята обучают младших работать рубанком и пилой, паяльником и дрелью. Пусть умной голове служат умелые руки.

В ГОРАХ

Рассказ Андрея Хршановского

Рисунки И. Бруни.

Осень в горах наступает внезапно.

Ещё вчера возвращались с восхождений усталые, но возбуждённые своими победами альпинисты. Их встречали на линейке цветами. Девушки обнимали подруг, обменивались рукопожатиями юноши.

Звенели песни, сверкало солнце, гулко ухал мяч на волейбольной площадке. В столовой, к огорчению дежурного, было шумно.

А сегодня утром все погрузились на машины и уехали.

В наступившей тишине отчётливо стал слышен грозный рёв реки. Первые жёлтые листья оторвались от веток, упали в холодную стремительную воду и понеслись, кружась и ныряя, вниз, в долину, вслед за машинами.

Лагерь опустел...

Вырастая над снегами и чёрными скалами, клубятся плотные молочно-белые облака и надвигаются на солнце. В долине пока тихо. Лишь наверху злобно хозяйничает ветер, срывая с вершин снег. Горы дымятся белыми факелами. Идёт непогода...

Несколько дней неистовствуют дождь и ветер. По тропам, проложенным альпинистами на ближних склонах, несутся потоки. Шумят деревья, шумит река. Где-то наверху, в горах, время от времени прокатывается грозный рокот. Это ветер столкнул с гребня камень, и он, падая, зацепил другой, потом ещё и ещё, и все вместе они ринулись вниз, подскакивая на выступах, обгоняя друг друга, сметая всё, что можно смести на пути. Лавина!..

Почерневшие от дождя лагерные здания стоят заколоченные, молчаливые. На веранде клуба, на лагерной линейке, на дорожках валяются сучья и ветки, сорванные с деревьев ветром. Лишь в одном домике, бывшей бухгалтерии лагеря, по вечерам зажигается свет и пятном падает на мокрую, унылую траву под окном.

В домике живут добровольно оставшиеся на зимовку завскладом снаряжения Матвей Иванович и радист Коля Плечко. Задача их как будто несложная: охранять лагерь да вести по просьбе метеостанции заповедника кое-какие наблюдения. С этой задачей справился бы и один человек, но с одним человеком в горах мало ли что может случиться. Кроме того, дорогу к лагерю скоро занесёт снегом, и единственная связь с внешним миром будет держаться по радио.

У Матвея Ивановича три зверя: пёс Кулуар, кабанчик Джи и красивая, кокетливая кошка Брыська. Они тоже остаются на зимовку.

Кулуар — сын горной овчарки. Матвей Иванович получил его в подарок от своего друга чабана маленьким, косолапым щенком, толстым и

лохматым, похожим на медвежонка. Сейчас Кулуар вырос. Он обещает быть больше и крепче своей матери, которая однажды в единоборстве с волками, напавшими на стадо, задушила двух серых разбойников...

* * *

Буки роняют пожелтевшие широкие листья. Вода в бассейне для плавания уже вся покрыта ими. Матвей Иванович выносит на солнце для просушки перед длительным хранением альпинистское снаряжение. Плечко тянет провод от антенны, установленной на самом высоком здании в лагере, к домику, выбранному для зимовки. Работая, он напевает сквозь зубы.

Кулуар помогает Матвею Ивановичу. Получив тяжёлый — в несколько килограммов — горный ботинок, он спускается по крутой лестнице и несёт его к указанному месту. Пёс увлечён своей работой и делает её с удовольствием. Поставив ботинок в ряд с другими, он возвращается за следующим. И снова бежит обратно. Но вдруг на полпути замечает какое-то лёгкое движение в кустах и, повернув голову, мгновенно застывает, как изваяние. Влажный нос Кулуара втягивает воздух.

Впрочем, пёс играет. Ему отлично известно, что в кустах бродит ненасытный Джи, подбирающий буковые орешки и зачем-то подковыривающий носом довольно тяжёлые камни. Джи занят своим делом с утра. Время от времени он удовлетворённо хрюкает и чавкает, часто моргая подслеповатыми глазками с белыми ресницами.

Таким образом, все работают. Лишь Брыська бездельничает, развалившись в грациозной позе на солнце.

Лист за листом обнажаются деревья, капля за каплей останавливается в ледниках и снегах таяние. В реке всё меньше и меньше становится воды. Она течёт теперь, прозрачно-голубая, тяжёлая, как жидкое стекло, и уж не ревёт, как прежде, а глухо бормочет, будто ворчливо рассказывает длинную таинственную сказку.

Дни проходят за днями...

По вечерам Плечко учит Матвея Ивановича работать на рации.

Потом Матвей Иванович уходит с фонарём записывать метеонаблюдения — температуру воздуха и земли, скорость и направление ветра, облачность...

Уже лёжа в спальных мешках, зимовщики слушают сводку погоды, стараясь не пропустить тех нескольких слов, которые скажут об их районе, и удивляясь тому, что в Оймяконе уже пятьдесят градусов мороза, а в Ашхабаде ещё восемнадцать градусов тепла. Потом бьют часы кремлёвской башни...

Печка, на которой квартирует изнеженная Брыська, одной стороной выходит в пустую переднюю комнату, где живёт Джи и стоят обеденные приборы животных: у кабанчика большое деревянное корытце, у Кулуара старая эмалированная кастрюля, у Брыськи алюминиевая миска. Входная дверь на пружине. Изнутри её могут открыть и кабанчик и Брыська, а снаружи умеет это делать только Кулуар. Но и Джи и Брыська редко выходят на улицу: уже холодно. Кулуар же холода не боится и ночует на крыльце, забираясь в переднюю только в тех случаях, когда идёт дождь или дует сильный ветер.

Если выйти ночью на крыльцо, Кулуар подымает голову: «В чём дело?» А потом, насторожив уши и втягивая носом воздух, пристальным взглядом смотрит на тёмный лес: «Уж не прозевал ли я какой-нибудь опасности?»

Над миром светит высокая яркая луна, разливающая своё голубое сияние на молчаливый лес, притихшую реку, постройки лагеря, безмолвные горы. Густые, темносиние тени лежат на леднике. В колдовском лунном свете всё кажется сказочным, нереальным. Горделивым и жестоким холодом веет от сверкающих пустынных снегов. В середине ночи из-за перевала натянуло облаков и пошёл снег. Всё понемногу белеет, лишь река куда-то уносит снежинки и попрежнему остаётся холодной, чёрной, свободной.

* * *

Снег, снег, снег. По утрам трудно бывает открыть дверь, столько его навалит за ночь. Он лежит на крышах, на перилах веранды клуба,

на оконных переплётах, на стволах буков, на лапах стройных пихт, даже через реку перекинулись широкие снежные мосты.

После завтрака, проверив рацию, Плечко надевает широкие лыжи, берёт ружьё и уходит искать следы волков. Он упорно ставит капканы, каждый раз всё с большим искусством их маскирует, но волки так же упорно не попадаются. Матвей Иванович забирается по лесенке на столб, который увенчан белым ведром, и измеряет количество осадков.

— Я пошёл! — кричит ему Плечко.— Кулуар со мной. Можно?

— Можно,— доносится в ответ.— Только выше леса не забирайся. Снегу много... Лавина-а.

— Ясно,— бормочет Коля.— Лавина, лавина... Подумаешь!..

Как-то раз они возвратились усталые и голодные. Пока Плечко снимал лыжи и чистил их от снега, Кулуар успел открыть дверь и обследовать свою кастрюлю. Она была пуста. Моментально облизав её, он направился к брыськиной миске и загремел ею по полу так, что Джи вскочил в своём углу с подстилки и тоже начал шарить в своём корытце, торопливо доедая оставшееся от завтрака и обиженно хрюкая: мало! Брыська сидела в комнате и нежилась у топившейся печки, где готовился обед, но, услышав суматоху, поднятую Кулуаром в «столовой», задрав хвост трубой, бросилась к двери.

Вошёл Плечко, снял шапку и рукавицы, достал из шкафика сухарь, вынес Кулуару. Брыська выскочила за ним, обнюхала свою миску и обиженно замяукала.

— Ладно,— сказал Плечко,— ты, барыня, подождёшь. Вашей похлёбке ещё надо остынуть.

Матвей Иванович куда-то ушёл. Судя по тому, что в углу на табурете не было вёдер,— на реку. Плечко накрыл на стол, съел суп и положил себе каши, сдобрив её мясными консервами.

Он доедал уже добавку, когда появился Матвей Иванович.

— Что, охотник, проголодался?— улыбнулся он.— Как волки?

Вечером Плечко поташнивало. Он не стал ужинать и рано лёг.

— Это со мной бывает,— сказал он, зябко прячась в спальный мешок.— Ничего, пройдёт.

Ночью Матвей Иванович слышал, как Плечко много и жадно пил, а потом, тяжело дыша, долго забирался в мешок. Под утро, когда за окнами брезжил рассвет, Матвей Иванович проснулся, будто кто-то его толкнул. Плечко сидел на кровати, и в синеватом полумраке отчётливо было видно, что его лицо бледно, как бумага.

— Что с тобой, Коля?

Плечко ничего не ответил и осторожно опустился на подушку.

— Плохо...— вздохнул он.

Матвей Иванович быстро оделся и подошёл к его кровати. Лоб был сухой и горячий.

— Что болит?— встревоженно спросил он.

Плечко долго молчал. Видно было, что говорить ему трудно.

— Живот...— Он провёл рукой по всей правой части живота. Рука его бессильно упала.

Уже совсем рассвело. За стенкой хрюкал проснувшийся Джи. Матвей Иванович разбирал в аптечке лекарства и тревожно думал о том, что Плечко заболел серьёзно. Надо врача, а дорога завалена снегом. Он заставил Плечко принять порошок дисульфана, поставил градусник. Температура была тридцать девять и три.

* * *

— Пенициллин в таблетках, пенициллин,— слушал Матвей Иванович по радио советы врача.— Полный покой. Никакой еды. На живот холодный компресс. Выходим к вам на тракторе до Светлой поляны, дальше на лыжах. Постарайтесь одеть больного к нашему приходу. Только осторожнее. Возьмём в больницу. Ну, держитесь,— прибавил врач тепло.— Мы скоро...

Матвей Иванович рассчитал: от города до Светлой поляны сорок километров. На тракторе по глубокому снегу — три с половиной часа; от Светлой поляны по целине в гору — не меньше четырёх. Да обратно. Будет уже темно. Нет, в горах ночью да ещё зимой не ходят. Надо идти навстречу.

Из лыж Плечко Матвей Иванович сделал сани

и пристроил к ним постромки. Свои лыжи он обвязал верёвкой, иначе они будут скользить назад и сани не сдвинешь с места. Самое трудное было в том, чтобы одеть больного. Врач сказал: «Полный покой». В конце концов он решил везти Плечко, не одевая, в спальном мешке. Сани Матвей Иванович втащил в комнату и поставил рядом с кроватью. Плечко бредил. На воздухе он открыл глаза, посмотрел на свинцовое небо, на горы, понял, что везут в больницу, и сказал:

— Матвей Иванович... Я там... капканы... поставил... У панорамного пункта. Посмотри...

— Посмотрю, посмотрю. Лежи...— ответил Матвей Иванович, проверяя, не давят ли на живот верёвки, которыми он привязал Плечко к саням.

В последнюю минуту Матвей Иванович вспомнил о Кулуаре:

— Пойди сюда. Так. Подними лапу. Другую. Пойдёшь тихо. Понял? Не дёргать. Охотник-то наш заболел. Так-то, брат.

Кулуар, казалось, всё понимал. Матвей Иванович помог ему стронуть сани с места, и Кулуар, увязая в глубоком снегу, потянул их. Медленно, осторожно.

До ущелья Голубого ручья дошли довольно быстро. Но здесь начинался крутой спуск. Матвею Ивановичу пришлось спускаться боком к склону — лесенкой, обвязав верёвку вокруг туловища и выдерживая на себе всю тяжесть саней.

Внезапно налетел ветер, сметая снежные шапки с угрюмо зашумевших пихт. Матвей Иванович тревожно посмотрел вверх. Горы исчезли в густой, плотной завесе несущегося снега. В лесу было ещё сравнительно тихо. Но дальше дорога выходила на открытый склон.

Матвей Иванович хорошо знал этот участок пути. Дорога тут была вырублена в скалистом откосе. Даже летом, когда здесь проходили машины, людей высаживали, и они шли пешком. А теперь дороги вообще не было. Видно, здесь недавно пронеслась лавина и всё сровняла. Крутой ровный склон уходил вниз к скалам, нависающим над рекой. Нечего было и думать прямиком пройти здесь с санями.

Матвей Иванович наклонился над Плечко и закутал его поверх спального мешка своей штормовкой.

«Эх, растяпа,— подумал Матвей Иванович.— Ни лопаты, ни ледоруба...»

Он подошёл к тому месту, где дорога пропадала под снегом, и снял лыжу — это ведь тоже лопата. Но без лыжи нога проваливалась. Он отломил две густые пихтовые ветви и бросил их на снег. Теперь нога держалась на поверхности. Надо действовать...

Ударом лыжи Матвей Иванович подрубил снег сверху. Теперь его надо отгрести. Ещё удар — и снова отгрести. Вот сани и встанут. Только надо действовать осторожно. Матвей Иванович посмотрел вниз и медленно втянул сани на вырубленный в склоне уступ.

Сейчас лес уже не защищает от ветра. Снег залепляет ресницы, больно сечёт лицо, шею. Впереди ничего не видно. Открытый склон тянется метров пятьсот. «Ну что ж, что пятьсот!..» До Матвея Ивановича доносится стон.

— Сейчас, сейчас...— шепчет Матвей Иванович, не останавливаясь и ожесточённо врубаясь в снег.— Сейчас...

И так метр за метром...

Сани теперь совсем белые, и Кулуар, который на каждой остановке ложится позади саней, сразу же превращается в снежный бугор. Сам Матвей Иванович весь залеплен снегом. Только на разгорячённом лице и на шее он тает... Временами Матвею Ивановичу чудится, что всё это уже когда-то было: снег, сани, ветер, снег...

Он устал. Но в вое ветра ему слышатся стоны. «Плечко!» И он, как автомат, поднимает лыжу, опускает её, перекладывает ветки, подтягивает сани и шепчет, уже с трудом переводя дыхание:

— Сей-час... сей-час...

Уже стемнело, когда Матвей Иванович понял, что сил у него больше нет. В глазах кружилась белая карусель. Руки дрожали.

«Как же это?» — подумал он. Но потом ему стало всё безразлично. Какой-то холодный покой заползал в сердце. «Надо отдохнуть...» — решил он и тяжело опустился на снег...

Метель покружилась над ним и укрыла белым одеялом...

* * *

Он очнулся оттого, что кто-то ласково обтирал его лицо чем-то горячим и влажным. Это взволнованный Кулуар без стеснения облизывал лицо хозяина. «Вставай, нельзя спать... Вставай». Ветер утих, но снег продолжал валить крупными мягкими хлопьями.

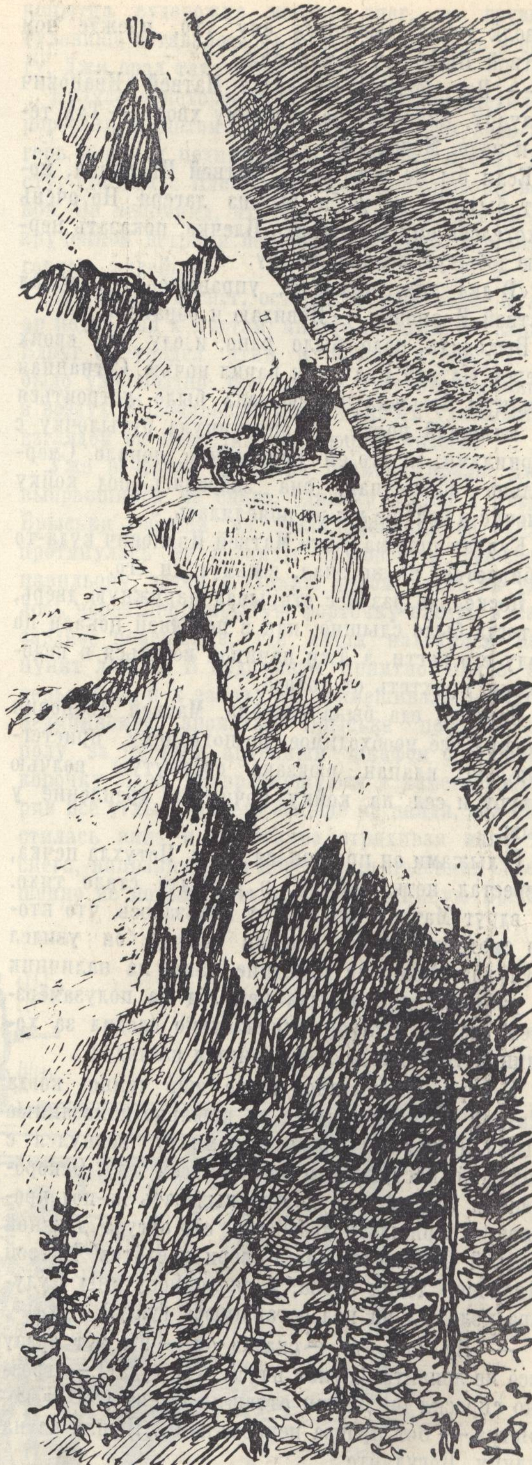
Кулуар вдруг насторожился, затем радостно залаял. Матвей Иванович приподнялся. Сквозь завесу снега впереди, метрах в пятидесяти, темнела опушка леса, а по склону к ним бежали люди на лыжах.

Ночь Матвей Иванович провёл в лесу у костра, подкрепляясь горячим чаем с шоколадом и разговаривая с приятелем из Светлой поляны, который остался с ним «почаёвничать в лесу». Плечко увезли ещё вечером, и теперь он, наверное, уже в больнице.

Утром Матвей Иванович отправился обратно в лагерь.

* * *

Прошло несколько дней. По радио сообщили, что Плечко сделали операцию и хотя случай был тяжёлый, больному теперь ничего не угрожает. Он передавал привет и спрашивал, не попался ли волк.

Матвей Иванович отправился осматривать капканы без всякой надежды на то, что найдётся такой глупый волк, который попадётся в ловушку. Но волк попался. Кулуар молча, с ощетинившейся на загривке шерстью бросился вперёд,

и волк успел разорвать ему ухо, прежде чем Матвей Иванович выстрелил.

— Вот болван! — сказал Матвей Иванович Кулуару, виновато поджавшему хвост.— Так тебе и надо. Молод ещё...

Если бы не этот волк, Матвей Иванович, может быть, и не ушёл бы из лагеря. Но очень захотелось ему порадовать Плечко, показать первую добытую волчью шкуру.

«В два дня, пожалуй, управлюсь,— подумал Матвей Иванович.— Повидаю и обратно».

Выходить надо было рано, и еду для своих зверей Матвей Иванович варил ночью. Согнанная с плиты Брыська попробовала было устроиться на книжной полке, но опрокинула бутылочку с чернилами, за что ей немедленно попало. Смертельно обиженная, она забралась под койку Плечко и больше уж не появлялась.

Кулуар понимал, что Матвей Иванович куда-то собирается, но не знал, возьмут ли его.

Несколько раз пёс открывал наружную дверь, и тогда было слышно, как в передней цокали по полу его когти, а Джи начинал возиться и недовольно кряхтеть от холода.

Наконец еда была сварена. Матвей Иванович уложил всё необходимое по-походному, пристегнул под клапан рюкзака свёрнутую волчью шкуру и сел на койку починить крепление у лыж.

С лыжами он провозился долго. Потухла печка, перестал петь чайник, в комнате стало тихо. И вдруг Матвею Ивановичу показалось, что кто-то смотрит в окно. Подняв голову, он увидел Кулуара. Положив передние лапы на наличник и растопив своим дыханием лёд на полузамёрзшем стекле, Кулуар внимательно следил за хозяином тревожным и преданным взглядом...

К утру вызвездило. Было ещё темно, когда Матвей Иванович вынес на крыльцо намазанные лыжи. Потом он ушёл в комнату, вернулся с большой кастрюлей и разлил всем еду. Оскорблённая Брыська не хотела вылезать из-под кровати, и пришлось добывать её оттуда лыжной палкой. Подождав, когда звери наедятся, Матвей Иванович долил снова, а около посудины Кулуара положил на пол оставшуюся гущу.

— Ну, вот что,— сказал он,— вы тут сразу всё не лопайте. С умом надо!.. Ты куда?!.— грозно спросил он Джи и оттащил его за ухо от корытца.— Вот прорва ненасытная!.. Пошли-ка на улицу. Погуляйте.

За снежными вершинами вставало солнце. Небо на востоке из светлозелёного стало розовато-жёлтым. Горы будто светились в поднимающемся откуда-то из-за них ослепительном сиянии. Там, на восточных склонах, уже начался день, а на западных ещё лежали синие ночные тени.

Матвей Иванович надел лыжи и вскинул на плечи рюкзак. Кулуар двинулся за ним. Они дошли вместе до спуска, начинавшегося за лагерем. Матвей Иванович воткнул палки в снег.

— Ты здесь за старшего останешься. Понятно? Ну, прощай!— Он прижал голову Кулуара к себе и поворошил ему шерсть на загривке. Пёс замер от непривычной ласки.

Когда же Кулуар попытался и дальше идти за хозяином, Матвей Иванович обернулся и спокойно, но сурово сказал:

— Домой!..

Кулуар остановился и, не двигаясь, долго смотрел, как фигура Матвея Ивановича мелькала внизу между деревьями.

Уже солнце вышло из-за гор, а пёс всё стоял, напряжённо вглядываясь в то место, где в последний раз показался Матвей Иванович. Что-то зашуршало в лесу. Это снег осыпался с пихты. Кулуар равнодушно посмотрел, повернулся и неторопливо затрусил к дому.

Не взглянув на окоченевшего Джи, который трясся всем телом и, жалобно взвизгивая, пытался открыть дверь, Кулуар улёгся на крыльце. Брыська тоже страдала от холода и мрачно сидела рядом, подобрав хвост и втянув голову. Она вспоминала нанесённые ей обиды.

Солнце поднялось выше и стало пригревать. В лагере, да и во всём этом ослепительно ярком мире — светлоголубом небе, сверкающих снегами безмолвных горах — было тихо. Чуть доносилось лишь бормотанье реки, да время от времени с крыши падали в снег растопленные солнцем капли. Кап... Кап-кап...

Обманутая тишиной, вылезла откуда-то из снега мышь-полёвка. Быстро прокатившись по искрящемуся насту, она юркнула в другую дырку и исчезла. Брыська вся напружинилась. Но не поймаешь, где там!..

И опять бормочет река, лёгкий, тёплый ветер тихонько шумит в ветвях деревьев, капли падают с крыши. Вытянув к солнцу морду и прикрыв глаза белыми ресницами, неподвижно стоит согревшийся Джи, дремлют на крыльце Кулуар и Брыська. Тихо...

После полудня где-то вдалеке родился сперва негромкий гул. Потом, разрастаясь, он заполнил долину. Что-то рушилось, грохотало, тряслась земля. Кулуар вскочил. Брыська, Джи и он долго смотрели в ту сторону, откуда доносился непонятный и грозный шум. Над перевалом через боковой хребет поднялось облако снежной пыли: где-то за хребтом сошла лавина.

Когда всё затихло, на крыльце делать было уже нечего. Кулуар открыл дверь, за ним торопливо протиснулись Джи и Брыська, и все направились к своим обеденным приборам. Меньше чем в полчаса всё было кончено. Кое-что осталось

только в брыськиной миске, но Кулуар в два глотка уничтожил остатки, несмотря на яростное шипенье Брыськи.

Потоптавшись в своём углу над пустым корытцем, Джи завалился на подстилку и лежал с раздутым животом, время от времени блаженно похрюкивая. Скоро он заснул. Да и что, собственно, оставалось делать?

Последствия такого легкомыслия сказались на следующий день: к полудню все отчаянно проголодались.

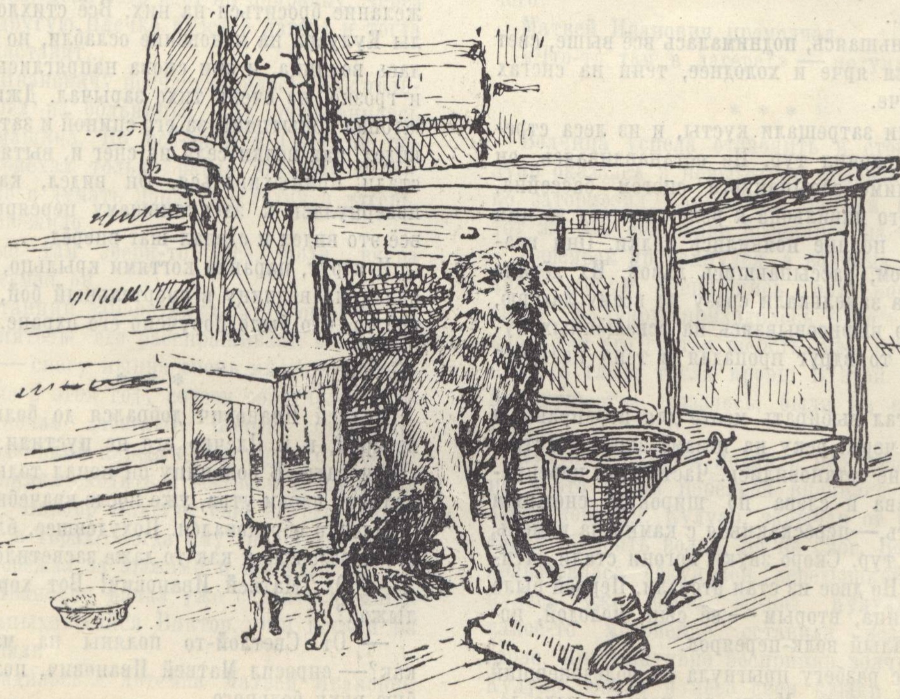
Обследовав по привычке брыськину миску и убедившись, что она так же пуста, как и его собственная, Кулуар решительно выбежал на улицу. За ним потянулись Брыська и поросёнок. Кулуар направился к кладовке, постоял у закрытых дверей, вдыхая запахи съестного, и, вдруг что-то сообразив, побежал к занесённой снегом столовой. Найдя место, где повар обычно оставлял для него и других собак лагеря кости, Кулуар начал разрывать снег. Сперва дело двигалось быстро, но потом снег пошёл плотный и слежавшийся. К тому же, как только яма становилась глубокой, стенки её обваливались и всё надо было начинать сначала.

Усталый и ещё более голодный, пёс прекратил наконец свою бессмысленную работу, улёгся на крыльце и попытался заснуть. Но и это ему не удалось. Во-первых, он был голоден, а во-вторых, случилась неприятность с Джи. Возвращаясь от столовой к дому, он завяз в рыхлом, слегка подтаявшем на солнце снегу. Острые его копытца судорожно месили снег, но грузное туловище оставалось на месте. Барахтаясь в снегу, Джи орал так, будто его резали.

Кулуар некоторое время с интересом следил за поросёнком, потом встал, прошёл через весь лагерь и начал подниматься по склону к тому месту, где они с Плечко ставили капканы на волков. Он вспомнил, что там, в низкорослом, перекрученном ветрами березняке, обычно кормились горные индейки.

Зарываясь в снег, осторожно, как волк, Кулуар подползал к кустам, ничего не видя, на запах. Вдруг он увидел птиц и бросился вперёд. Но было уже поздно. Вся стая с треском поднялась в воздух. Разочарованным и немного удивлённым взглядом он проводил улетающих индеек.

Уже вечерело и слегка подмораживало. Джи, выбравшийся из снега, одиноко жался у двери. Брыськи вблизи не было. Цепочка её следов протянулась от веранды столовой к душевому павильону, затем к зданию клуба. Здесь ей удалось через неприкрытую форточку влезть в мансардное помещение, где летом находился медпункт лагеря. В медпункте приятно пахло валерьянкой, и к запаху её примешивались другие медицинские ароматы. Брыське повезло. На полу за пустым аптечным шкафом она нашла корочку сыра, превратившуюся в камень. Обшарив все углы и ничего больше не найдя, она спустилась вниз и, брезгливо отряхивая лапы от снега, направилась к норе мыши-полёвки. Совершенно не похожая на прежнюю ленивую Брысь-

ку, она просидела здесь до вечера, терпеливая, насторожённая, готовая к прыжку. Но полёвка так и не показалась...

Кулуару было тоскливо. Какое-то непонятное беспокойство овладело им. Он сбегал к тому месту, где расстался с Матвеем Ивановичем. Еле видимый оплывший след от лыж уходил вниз по склону, и от снега уже ничем не пахло.

Вернувшись, Кулуар поднялся на задние лапы и заглянул в окно комнаты. Там было темно и тихо. Смутно белели подушки на койках, да белая печка выступала из мрака.

Ночь уже наступила. Из-за перевала вылезла большая жёлтая луна. Тёмный лес, сбегая со склонов, будто приблизился к лагерю, обступил его со всех сторон. Голодно и одиноко было Кулуару.

И вдруг он сел, вытянул морду к луне, и из его горла вырвались странные, жалобные звуки:

— Уа-уу... уау-у!..

Потом он долго возился на крыльце, всё не мог успокоиться. Вставал, к чему-то прислушивался и снова ложился. В конце концов замёрз и, открыв дверь, отправился в переднюю к Джи и Брыське. Они тоже не спали. Печка давно уже остыла, и в передней было немногим теплее, чем на крыльце. Джи стонал и время от времени перекатывал по полу своё корытце. Брыська забралась на стол, в темноте её глаза светились зелёным, голодным блеском.

Кулуар опустился на пол, окоченевший Джи подбежал и лёг рядом. Кулуар хотел было зарычать, но потом передумал, и, согревая друг друга, они заснули...

Луна, уменьшаясь, поднималась всё выше, свет её становился ярче и холоднее, тени на снегах чернее и резче.

Среди ночи затрещали кусты, и из леса стремительно выскочил тур. Не останавливаясь, он промчался мимо засыпанного снегом бассейна, мимо душевого павильона к реке, и вслед за ним на лагерной поляне появились волки. Они гнались за туром, рассыпавшись лавой. Их лёгкие хищные тела замелькали сразу по всему лагерю, то отчётливо вырисовываясь на освещённых луной местах, то вдруг пропадая в тени построек и деревьев.

Тур не стал выбирать место для переправы и перемахнул через реку на незамёрзшем участке. Волки тоже не остановились. Часть стаи переправилась справа и слева по широким снежным мостам, часть,—перескакивая с камня на камень, там же, где тур. Скоро звуки погони стали затихать вдали. Но двое из стаи отстали. Первой была старая волчица, вторым — её сын, молодой, полуторагодовалый волк-переярок.

Волчица с разбегу прыгнула на обледеневший камень и сорвалась. Место за камнем было довольно глубокое и быстрое, и её сразу потащило под снежный мост. Напрягая все силы, она выбралась на берег. Ледяная вода стекала с неё ручьями. Волчица злобно оскалилась на подвернувшегося переярка, потом встряхнулась и собиралась было уже бежать на поиски более удобной переправы, но вдруг насторожилась и принюхалась. Пахло человеческим жильём, псиной и... поросёнком...

На некотором расстоянии от домика волчица села. Сел и переярок. Вздрагивая всем телом, волчица ждала. Вот выйдет человек, и надо будет бежать. Но человек не выходил. Осмелев, она сделала ещё несколько шагов и снова остановилась. В лагере было тихо. Под нахлобученными по самые окна тяжёлыми снеговыми шапками, казалось, мирно спали все лагерные здания. Таинственно поблёскивали стёкла, нелюдимо сверкали в лунном свете пустынные снега над лесами. Но всё-таки что-то угрожающее было в домике, откуда пахло поросёнком...

Переярок не выдержал и тихо, как собака, заскулил. Волчица повернула к нему голову и щёлкнула зубами.

Кулуар всё это видел...

Он проснулся, почуяв приближение опасности, и вскочил. Глупый Джи недовольно хрюкнул. Брыська открыла глаза, но сидела на своём столе тихо, не двигаясь. Шерсть на шее у Кулуара поднялась. Медленно подошёл он к двери, приоткрыл её и застыл на пороге. Мимо крыльца пронёсся к реке тур. Но не в нём было дело... Вскоре исчезли и волки, и Кулуар с трудом сдержал в себе желание броситься на них. Всё стихло, и мускулы Кулуара на мгновение ослабли, но вот появилась волчица, и они снова напряглись. Он глухо и грозно, но очень тихо зарычал. Джи тревожно затопал копытцами за его спиной и затих. Кулуар видел, как волки сели на снег и, вытянув морды, стали принюхиваться. Он видел, как волчица повернулась к заскулившему переярку. Кулуар всё это видел и сделал шаг вперёд.

И вдруг, царапая когтями крыльцо, молча бросился на волчицу в смертельный бой, защищать всё то, что было поручено его охране.

* * *

Матвей Иванович добрался до больницы уже вечером, и к Плечко его не пустили. Пришлось заночевать. В больницу он попал только к одиннадцати часам утра, уже после врачебного обхода.

Плечко обрадовался. Похудевшее, бледное лицо его порозовело и как-то даже засветилось.

— Эх, Матвей Иванович! Вот хорошо-то! На лыжах?

— От Светлой-то поляны на машине. Ну как?— спросил Матвей Иванович, пожимая слабую руку больного.

— Да ничего, теперь в порядке. Это очень хорошо, что ты пришёл,— повторял Плечко.— Садись, садись. Возьми вон табуретку.

Из-за шкуры они поспорили. Плечко говорил, что раз Матвей Иванович убил волка, значит, и шкура принадлежит ему, но Матвей Иванович рассердился и спросил:

— А капкан кто ставил?

В конце концов согласились на том, что следующая шкура будет Матвея Ивановича, а эта уж — Плечко. Дело ведь идёт на поправку. Через неделю — другую Плечко будет в лагере и тогда капканов наставит...

Матвею Ивановичу посчастливилось. Как только он вышел из больницы, ему подвернулась попутная машина. Но всё-таки в Светлую поляну он приехал только около четырёх часов. Нечего было и думать попасть сегодня в лагерь. Это его тревожило...

«Голодные там звери-то. Всё, поди, вчера съели»,— думал он.

В метеостанции заповедника, куда он зашёл к старому приятелю, его расспрашивали о Плечко, о лавинах — снегу нынче очень много,— о волках, которые в этом году совсем обнаглели — на улицы по ночам забегают. Новый сотрудник, совсем молоденький паренёк, Виктор, всё просился у начальника сходить с Матвеем Ивановичем на зимовку. Виктор никогда ещё не был зимой так высоко в горах. Когда ему наконец разрешили, он побежал за лыжами и пропал.

Матвей Иванович начал уже сердиться, когда вернулся запыхавшийся Виктор. Они встали на лыжи и пошли.

Солнце садилось... Дотемна Матвей Иванович решил пройти километров десять — пятнадцать, чтобы завтра быть в лагере пораньше. Дорога почти до самого Голубого ручья была без больших подъёмов и не очень опасная, идти можно.

Когда они остановились на ночлег над дальним перевалом, где был лагерь, взошла большая жёлтая луна и осветила лес, долину, горы. Виктор, у которого что-то никак не зажигался костёр, встал, посмотрел вокруг и сказал:

— Отчего это, Матвей Иванович, когда луна всходит, как-то одиноко становится, жутко? Отчего?

Матвей Иванович промолчал.

«Что-то там в лагере?» — подумал он.

* * *

Волчица успела отскочить в сторону, и Кулуар оказался в невыгодном положении. Он резко затормозил, зарывшись лапами в снег, и в тот же миг оба волка бросились на него.

Переярок промахнулся, а волчица сбила Кулуара с ног, и, сцепившись, они покатились по снегу. Кулуару приходилось туго. Уже летела клочьями его густая шерсть, уже из раны около правого глаза текла кровь. В этой схватке все преимущества, казалось, были на стороне волков.

Кулуару удалось подмять под себя волчицу, но в это время переярок вцепился ему в шею около лопатки. Кулуар, зарычав от боли, попытался сбросить волка, но не смог. Волчица воспользовалась секундной передышкой и вывернулась уже было из-под Кулуара, но на какое-то мгновение оставила незащищённым горло. Инстинктивно восприняв волчью повадку, Кулуар вонзил в него свои клыки и сразу же ощутил во рту вкус крови. Волчица захрипела и

задёргалась всем телом. Её задние лапы судорожно царапали брюхо Кулуара, но он лишь сильнее стиснул челюсти...

И вдруг Кулуар отпустил горло волчицы, с трудом поднялся и сделал несколько шагов в сторону, волоча за собой переярка. Туман застилал глаза Кулуара. Собрав все свои силы, он яростно рванулся и, оставив в пасти переярка сорванную кожу, освободился. Из раны хлынула кровь, но Кулуар не стал дожидаться нового нападения и сам двинулся вперёд.

Оскаленная пасть Кулуара была страшной. Он был крупнее молодого волка и сильнее его, а теперь и опытнее. Пёс сделал один шаг, потом второй... И волк не выдержал. Повернувшись, он бросился бежать. Кулуар погнался за ним. Впервые над местом схватки прозвучал его хриплый, победный лай, от которого вздрогнули в своей тёмной передней Джи и Брыська. Переярка Кулуар не догнал. Но когда он вернулся в лагерь, то и волчицы не было. Кровавый след вёл к реке. Вновь закипела ненависть в Кулуаре. Он бросился по следу и в чаще кустарника увидел лежащую волчицу. Она была мертва...

* * *

Вышли рано, ещё до свету. Виктор первое время зябко поёживался. Мёрзли колени. Резкий предутренний ветер пробивал одежду. Но шли быстро, и скоро стало жарко. Понемногу светлело, розовели горы, и стало видно, что на гребнях над головой висят на головокружительной высоте многотонные снежные карнизы и причудливые навивы, вот-вот готовые ринуться вниз и смести всё, что попадётся на пути. Виктору было страшновато, и он невольно ускорял шаг.

Не доходя до лагеря, они услышали радостный лай.

— Ах он, разбойник,— ласково проговорил Матвей Иванович,— радуется...

Они вышли из леса и на прямом участке дороги, поднимающейся к лагерю, увидели Кулуара, который громадными прыжками, не переставая звонко лаять, приближался к ним. И уже когда Кулуар был совсем рядом, на дороге показались ещё две ныряющие в снегу точки. Это Брыська, задрав хвост и жалобно мяукая, торопилась навстречу хозяину. А сзади, прорывая в снегу траншею, с визгом, в котором слышалась надежда, упорно пробивался вперёд поросёнок, хотя в его усилиях не было уже никакого смысла. Ведь можно было бы подождать, пока Матвей Иванович подойдёт сам.

Кулуар положил передние лапы на грудь хозяину и настойчиво пытался облизать ему лицо.

— Подожди, подожди,— отбивался Матвей Иванович,— что у тебя на шее? С кем это ты подрался? Ах вы, бедные мои звери! Пошли, пошли скорее.

Матвей Иванович поднял подбежавшую Брыську и, спрятав её за пазуху, сказал Виктору:

— Подхвати поросёнка, а то он, глупый, в снегу увязнет. Кулуар, марш домой! Ну, Виктор, видишь крышу? Вот мы и дома!

ПЕРЕД ПУТИНОЙ.

М. Мальцев.

КОСТА ХЕТАГУРОВ С ДЕТЬМИ. Б. Санакоев.

СЛОВО КОСТЫ ХЕТАГУРОВА

Когда в Осетии хотят похвалить красноречивого человека, про него говорят: «Сказал, как Коста». Почти полвека прошло со дня смерти осетинского поэта Косты Хетагурова, а на родине вспоминают о нём, как о живом, люди учат наизусть его пламенные стихи, поют его песни.

И не только в Осетии. Имя певца осетинского народа Косты Хетагурова знают по всей нашей стране. Русские и кабардинцы, украинцы и казахи с волнением читают его горячие, искренние произведения и преклоняются перед смелой и чистой его жизнью.

Коста Хетагуров родился в 1859 году в ауле Нар, окружённом высокими горами. Прямо к отвесной скале прилепилась сакля, в которой он родился. Орлы с клёкотом проносились над ней, внизу бешено грызла камни пенистая река. Прекрасная, вольная природа окружала аул, но жизнь людей в ауле была нищей, тёмной и жалкой.

Царское правительство лишило осетин, как и других «инородцев», всяких человеческих прав. Осетинских бедняков унижала и «своя», осетинская, знать — богачи, «алдары».

Цепью железной нам тело сковали,
Мёртвым покоя в земле не дают,
Край наш поруган, и горы отняли,
Всех нас позорят и розгами бьют, —

писал об этом времени Коста Хетагуров.

Рано лишившись матери, он рос в сакле родственницы отца, бедной женщины Чендзе. Вот как вспоминает о детстве Косты один из его молочных братьев:

«...Помню: вечер, снег, холод. Дымит, догорает полено. Чендзе порвала последнюю лепёшку. Нет хлеба, нет дров, нет одежды. Над очагом видны ледяные звёзды. И Чендзе говорит:

— Потерпите, дети! Зима пройдёт, растает снег, и много, много хлеба привезут нам с равнины».

Конечно, это была только добрая сказка, выдуманная в утешение. Лето тоже не приносило довольства и радости. Трудной и полной лишений была вся жизнь Косты.

Он всё же сумел получить образование. Поэт и художник, драматург и публицист, Коста кистью и словом призывал народ бороться за лучшее будущее. В своих стихах и статьях показывал он бедным людям истинное лицо чиновников, начальства, богачей — всех тех, кого он страстно ненавидел. И они жестоко отомстили ему: Коста претерпел гонение, ссылку и умер от туберкулёза в глубокой нищете.

И всё же, несмотря на тяжёлую жизнь поэта, лучшие стихи Косты Хетагурова исполнены бодрости и веры в будущее. Удивительно широким было сердце этого человека, родившегося в глухом ауле. «Вселенная — отечество моё...— писал Коста. — Везде, для всех я песнь свою слагаю».

Он горячо любил людей, людей смелых и честных, но больше всех, пожалуй, любил он детей. Ребятам посвящены лучшие картины Косты-художника: «Дети-каменщики», «Горянка идёт за водой». О горькой доле детей говорит Коста-поэт в одном из сильнейших своих стихотворений — «Мать сирот». Один из сборников Косты Хетагурова называется: «Мой подарок детям».

Не случайно молодой художник Б. И. Санакоев изобразил Косту Хетагурова, окружённого детьми. Вот стоит он на горной вершине, добрый и мудрый, и рассказывает что-то ребятам-пастухам. Может быть, это сказка, может быть, стихи... Один из ребят смотрит прямо в рот рассказчику, боясь пропустить хотя бы слово... Повидимому, Коста говорит о чём-то прекрасном, светлом, о том, что маячит где-то в солнечной дали: в даль устремлены глаза мальчика-пастуха, в даль, заслоняясь рукой, смотрит девочка с книжкой.

Эти ребята увидят светлое будущее, к которому стремился Коста Хетагуров. Об этом говорит картина.

СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ ОДНОЙ МАТЕРИ

В мае на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку привезли сорок маленьких белых домиков на высоких ножках. Домики поставили неподалёку от Мичуринского участка, и многочисленные жители их тотчас вылетели в цветущий сад.

По аллеям выставки катились тяжёлые трамбовки, ровнявшие горячий асфальт. Павильоны ещё стояли в лесах: штукатуры, маляры, каменщики, кровельщики усердно работали, торопясь закончить всё к открытию выставки.

Не обращая внимания на всю эту суету, жители маленьких белых домиков — пчёлы — занимались своим делом: собирали пыльцу и нектар с цветущих деревьев, спешно строили восковые соты и заполняли их пищей для личинок.

Каждый знает, как мелка цветочная пыльца. Попробуйте-ка, соберите с цветов хотя бы несколько граммов. А семья пчёл, работая от зари до зари, приносит в свой улей до четырёх с половиной килограммов пыльцы. Собирая корм, пчёлы совершают ещё одно полезное дело: они опыляют цветы и этим увеличивают урожай. Когда на плодовых деревьях Мичуринского сада образовались завязи, пчёлы перешли на цветы малины, белого клевера, жёлтой акации, потом на гречиху, липу, рапс... Кроме пыльцы, пчёлы собирают с цветов нектар. Из нектара они и вырабатывают мёд. В благоприятных условиях каждая пчелиная семья может дать до ста девяноста килограммов мёда за лето да к тому ещё и много воска.

Пчелиная семья очень многочисленна. В каждой семье до семидесяти тысяч пчёл, и все они дети одной матери — пчелиной матки, которая ежедневно в течение всего лета откладывает по полторы тысячи яиц в день.

Зимой матка питается мёдом, но во время кладки яиц ест только пчелиное молочко. Выделяют молочко и кормят им матку специально приставленные к ней пчёлы.

Матка не станет класть яйца в грязную или плохо отшлифованную ячейку. За чистотой в улье следят пчёлы-уборщицы. Пчёлы-воспитательницы вскармливают личинок. Личинки — это будущие рабочие пчёлки. Когда какую-нибудь личинку обильно кормят особым кормом, из неё образуется матка.

В каждой нормальной, здоровой пчелиной семье живёт одна матка, остальные члены семьи — рабочие пчёлы. Половина из них ведёт «домашнее хозяйство», а остальные собирают на полях и в садах пыльцу и нектар. Когда матка случайно погибает, то пчёлы-воспитательницы выкармливают из молодой личинки другую матку и несколько трутней. Если же пчёлы не смогут выкормить себе новую матку взамен погибшей, они покидают осиротевший улей и присоединяются к другой семье.

Для того, чтобы посетители выставки могли наблюдать жизнь пчёл, на пасеке есть шесть стеклянных ульев.

— Не шумите, не толкайтесь,— предупреждают обычно экскурсантов на пасеке,— пчёлы не выносят резких жестов и громких разговоров, ведите себя спокойнее, не то пчёлы могут искусать вас.

В сказках и книгах дед-пасечник всегда изображается добродушным, спокойным. Это работа с пчёлами вырабатывает у пасечника уравновешенный характер и приучает его разговаривать ровным, тихим голосом.

Пчеловодство — интересное, увлекательное дело. Хорошо бы на каждом пришкольном участке устроить пасеку! Только советуем вам, ребята, в пасечники назначить самых дисциплинированных ребят.

БРАТЕЦ КРОЛИК В ЛИСЬЕЙ ШУБЕ

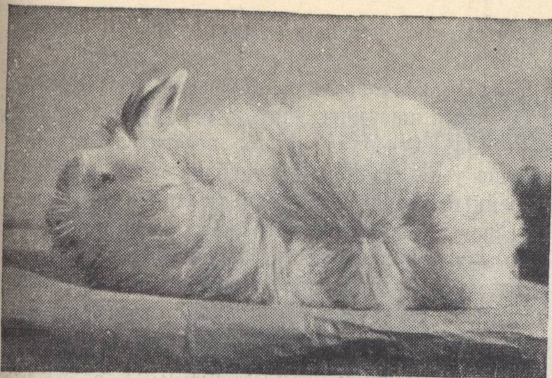

Посреди зала над вращающейся стеклянной витриной, в которой лежат меховые шубы и шапки, красуется гипсовое изваяние крольчихи, стоящей на задних лапах. Это матка из кролиководческой фермы колхоза «Светлый путь», Молотовской области. Она стоит среди вылепленных из гипса своих дочерей и внуков.

Сколько же их? Оказывается, двести шестнадцать. И все они родились за один только год.

Из шкурок этих кроликов сшито двадцать детских шубок, пять шапок и муфта.

А мяса получилось два с половиной центнера.

Татарский пуховой кролик.

Это вес коровы, которую надо кормить целых три года для того, чтобы она достигла такого веса, и съест она за это время несравненно больше, чем кролики. Всей этой кроличьей семейке, кроме зелёной травы, скормили всего-навсего два центнера корнеплодов да один центнер сена.

Кроликов разводить легко и выгодно, они неприхотливы и быстро размножаются. Их мясо по вкусу напоминает куриное, мех прочен, красив. И не только красив, но и удивительно разнообразен.

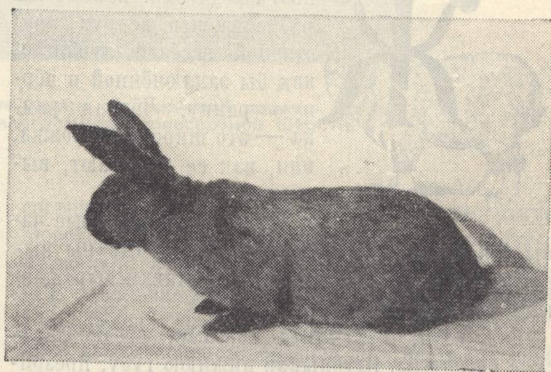
В павильоне «Кролиководство» висят меховые чёрные манто «под котик», шубки беличьи, кротовые, хорьковые, тигровые, леопардовые. А на самом деле всё это сделано из меха кролика.

В природе не существовало голубых и чёрных кроликов — эти породы вывел человек. А совсем недавно появился серебристо-черный кролик-гигант. Эту породу вывел старший зоотехник Бирюлинского совхоза Татарской республики лауреат Сталинской премии Ф. В. Никитин.

Мех этих кроликов очень похож на серебристо-чёрную лису.

На выставке есть и снежно-белые кролики, покрытые тончайшим пухом. Работники кролиководческих ферм вычёсывают этот пух и сдают на фабрики. Из мягкого, тёплого кроличьего пуха делают шляпы, фетровые валенки и боты, из него вяжут пуховые платки, кофточки, рукавицы и шапки.

Вот как полезен кролик — этот маленький плодовитый зверёк, которого легко можете разводить и вы, ребята.

Чернобурый кролик.

ВОСЕМЬСОТ СОРТОВ ЗЕРНОВЫХ

Сияет поле спелых колосьев. Далеко и широко простирается оно. Срезая шелестящие волны хлеба, медленно плывёт по бескрайнему полю комбайн. На мостике стоит комбайнер. Издали комбайн очень напоминает корабль. Только вместо дыма из трубы струится обмолоченное зерно и, стуча, как дождь, падает в широкий кузов грузовика, который идет рядом с комбайном. Когда насыплется полным-полно, грузовик уйдёт, а к комбайну подойдут следующие машины. Одна за другой уходят с поля машины, наполненные зерном. Золотое зерно блестит на солнце, словно шёлк.

До двух тысяч сортов зерновых растёт на наших полях. Около восьмисот из них созданы нашими советскими селекционерами.

В одном из залов павильона «Зерно» разложены образцы выведенных в Советском Союзе сортов зерна.

Для чего же нужно сеять такое множество сортов? Вывели бы селекционеры один сорт хорошей урожайной пшеницы, чтобы высевать её по всей стране. Нет, это не годится. Каждый сорт даёт хороший урожай только в определённых условиях. До революции, в царское время, был такой случай: во время засухи погиб в Вологодской губернии хлеб. Узнали об этом дельцы хлебной биржи и продали вологодским крестьянам зерно с Украины. Хлеб стоил там много дешевле, чем в северных губерниях, и коммерсанты на этом деле хорошо заработали. Да и крестьяне были поначалу довольны: прекрасное всхожее зерно. Но вот пришло время жатвы, а колосья пустые, зерно не вызрело. Не удалось вологодским крестьянам собрать урожай с полей, засеянных замечательным украинским зерном.

У нас такой случай просто невозможен. Семеноводство у нас ведётся по государственному

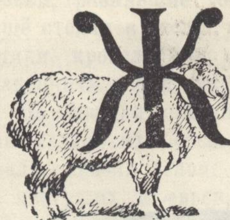
плану. Селекционные и сортоиспытательные станции расположены по всему Союзу, во всех районах, где сеют хлеб, и даже там, где его пока не сеют, где только ещё изучаются условия для выращивания зерновых. Взгляните на карту в павильоне «Зерно» — она густо покрыта точками станций.

Отборное, налитое, полновесное зерно лежит не только в павильоне зернового хозяйства, но и в павильонах многих областей и республик Союза. Хлеб — это главное наше богатство. И во всех павильонах висят портреты учёных, колхозников, трактористов и комбайнеров, которые своим самоотверженным трудом добились неслыханно высоких, сказочных урожаев хлеба.

Возле павильонов можно увидеть посевы лучших сортов пшеницы, ячменя, кукурузы и других растений. Особенно много посетителей стоит обычно у делянки, на которой растёт пшенично-пырейный гибрид № 1. Над созданием этого сорта советские учёные во главе с академиком Цициным трудились более двадцати лет.

Пшенично-пырейный гибрид дал в этом году урожай в семьдесят центнеров с гектара. Это очень много, в три раза больше самых высоких урожаев пшеницы.

КОЛХОЗНОЕ СТАДО

Животноводческие павильоны расположены вокруг просторной весёлой лужайки, как бы заключённой в чёрную рамку. Чёрная рамка — это широкая дорожка, или, как ее называют, выводной круг.

Сюда в определённые часы дня лучшие животноводы нашей страны выводят для показа посетителям выставки выращенных ими животных.

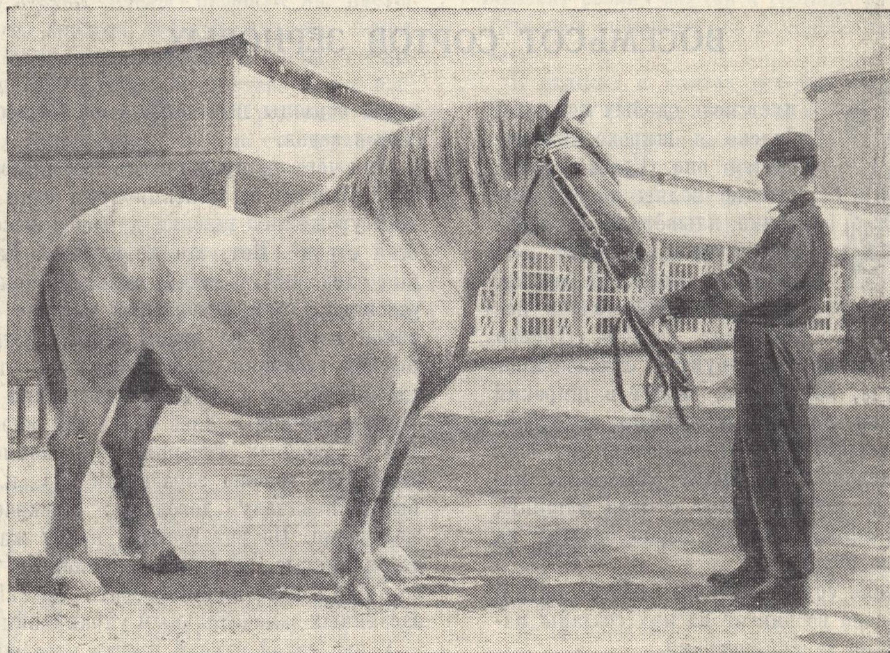
Вот идут, покачивая горбами, среднеазиатские верблюды. Оттопырив нижнюю губу, презрительно смотрят они с высоты своего роста на стоящих вокруг лужайки посетителей выставки.

Вот шествуют тупорылые, мохнатые буйволы из Аджарии.

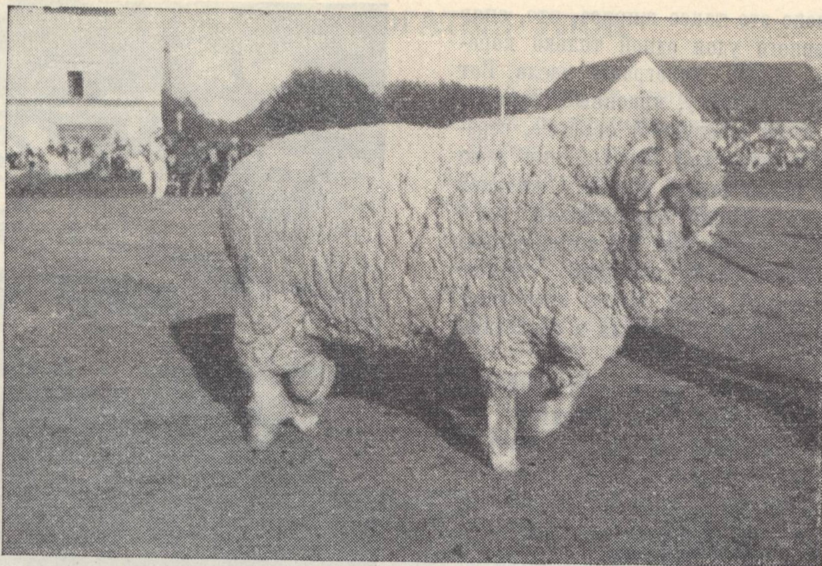
Нетерпеливо грызя удила, бьёт землю копытом прекрасный серый в яблоках рысак орловской породы. Орловские рысаки сильны, легки на бегу, отлично сложены.

Потом выбегают отливающие золотом высокие, стройные ахал-текинские кони. За ними коротконогие киргизские лошадки с лохматой гривой. Эти неказистые на вид лошади неутомимы в беге, нетребовательны к пище, выносливы и сильны.

Шествие лошадей обычно замыкает группа могучих мохноногих тяжеловозов. И среди них знаменитый жеребец Сатир из колхоза «День урожая», Арзамасской области.

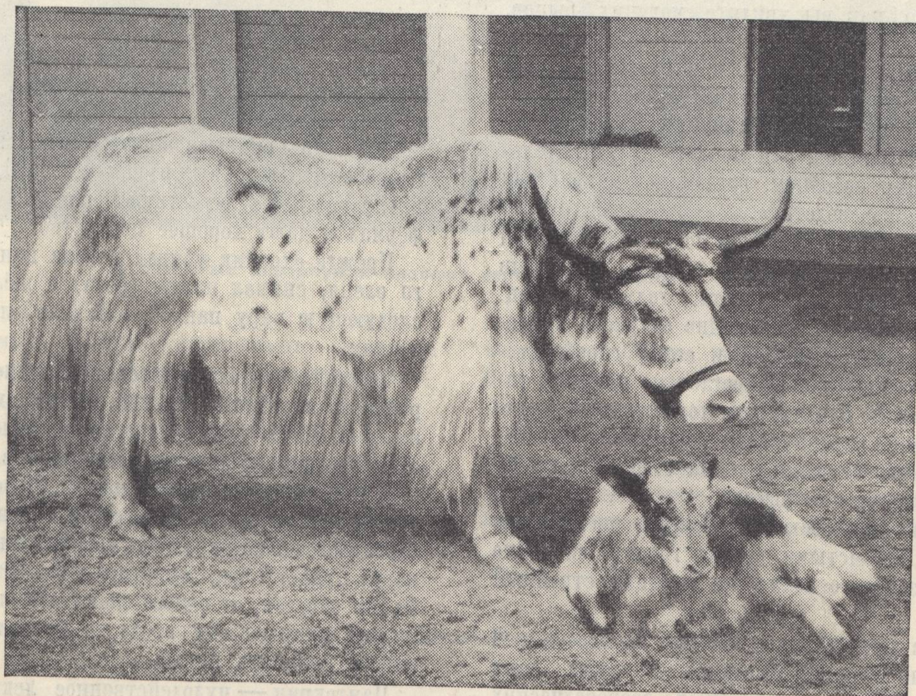
Тяжеловоз Сатир. На испытаниях он провёз 15 тонн 453 килограмма груза.

Посмотрите, какая тёплая шуба на этом баране асканийской породы. За год с него настригают четырнадцать килограммов первосортной шерсти.

А это кто? Издали этих животных можно принять за медведей: так они крупны, толсты, шерстисты. Но вот они подходят ближе, вы видите крутые рога, и всё ещё не верите, что это бараны. Живой вес одного из этих гигантов — сто двадцать шесть килограммов. Ежегодно с него состригают более двадцати трёх килограммов шерсти. Это баран кавказской породы из колхоза «Красный будённовец», Ставропольского края.

В павильоне «Животноводство» есть стенд колхоза «Удева», Эстонской республики. Коровы в этом колхозе дают в среднем по три ведра моло-

Из далёкой Тувинской автономной республики прибыли на выставку яки. Эти животные незаменимы в горах. Тяжело навьюченные, они легко пробираются по узким горным тропам.

ка в день. И молоко это такое жирное, что, сняв сливки с ежедневного удоя одной только коровы, можно сбить целый килограмм масла. Вот они медленно идут по кругу, красивые, яркорыжие коровы. За ними выступают светлые, серебристые коровы костромской породы, они дают по пять — шесть вёдер молока в день. С кольцом в ноздре шествует могучий бык-великан, который весит тонну с четвертью. За костромскими идут коровы холмогорской, швицкой, симментальской, астраханской пород. Много великолепного породистого скота в колхозных и совхозных стадах!

Советские животноводы прежде всего заботятся о правильном кормлении своих питомцев.

В передовых животноводческих хозяйствах существует зелёный конвейер. Что же это такое? Это способ кормления. Ранней весной скотину пасут на пригорках и на залитых солнцем полянах, где рано начинает зеленеть трава, потом перегоняют её на луга, позже — на пойменные участки, которые и в конце лета всё ещё зелены. Осенью коровам дают капусту, арбузы, тыкву. Зимой коровы получают ещё летом заготовленный для них силос и корнеплоды.

Животноводы не только правильно кормят скот, они спокойно, ласково с ним обращаются. Многие пастухи пасут колхозное стадо, совсем не применяя кнута. Они заметили, что крик, щёлканье бича, гоньба портят у скотины аппетит, да и пользы от корма меньше.

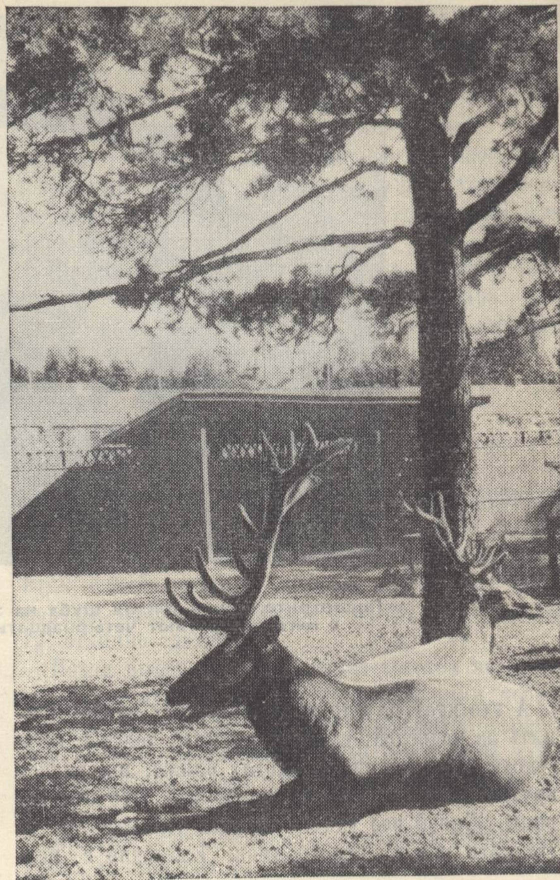
После того, как вы увидите могучих быков, баранов, похожих на медведей, коней, которые могут увезти груза больше, чем большой грузовик, после того, как вы подивитесь величине лежащего на боку хряка Самоучки, который весит 530 килограммов, вам покажутся удивительно маленькими собольки, бегающие в вольерах павильона «Звероводство».

Рядом с таёжным зверьком соболем в соседней клетке спит, свернувшись в клубок и закрыв нос концом пушистого хвоста, голубой песец. А ещё через клетку, беспокойно озираясь на посетителей, тычется мордой в сетку серебристо-чёрная лиса. Ещё дальше бегает по длинной узкой перекладине бархатистая хорошенькая норка. За клетками раскинулась рощица с прудом. В пруду режет острыми зубами стебли водяных растений мускусная крыса.

Высоко подняв свою прекрасную, увенчанную огромными ветвистыми рогами голову, спокойно взирает с зелёного холма на публику стройный марал...

Мы не в зоопарке, мы всё ещё на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, и перед нами жители колхозных и совхозных звероводческих ферм.

Прежде считали, что, живя в клетках, дикие

Дальневосточные маралы.

звери якобы дают слабое потомство, а то и вовсе не размножаются.

У нас применяются новые, совершенные методы разведения ценных пушных зверей, животные прекрасно себя чувствуют на звероводческих фермах и дают хорошее потомство.

Прежде охотник убивал марала или пятнистого оленя, снимал панты (рога) и шёл добывать следующую пару пантов, оставляя оленьи туши волкам.

Теперь в совхозах разводят большие стада маралов и пятнистых оленей. Когда вместо сброшенных рогов у них отрастают новые, ещё не окостеневшие, животных загоняют в специальные станки и спиливают панты. Через год панты, ещё более роскошные, с ещё большим числом отростков, снова украшают голову оленя, и снова, когда придёт пора, животное попадает в станок. Таким образом, от одного оленя или марала можно, не принося ему вреда, в течение всей его жизни получать панты.

Пантокрин — чудодейственное лекарство, добываемое из пантов, теперь не драгоценная редкость, он доступен всем.

САМЫЙ БОГАТЫЙ УЛОВ

Возле небольшого пруда на выставке всегда толпится народ. Кажется, будто вода в этом пруду кипит. Бросишь корку хлеба — и заплещутся толстые карпы, выхватывая друг у друга угощение. Рыбы такое множество, что хоть рукой её из воды бери. Сколько же её здесь? На этот вопрос пока ещё отвечать рано. Вот осенью спустят воду, и тогда взвесят всю рыбу и подсчитают.

В павильоне «Рыбное и водное хозяйство» висят диаграммы, которые показывают, сколько рыбы вылавливают лучшие рыбаки-мореходы. Оказывается, самый высокий улов — двадцать центнеров рыбы с гектара площади моря.

Тут же, в павильоне, висит портрет колхозного рыбовода М. Н. Андриенко. В Винницкой области, где живёт Андриенко, конечно, нет моря. Но колхозники вырыли пруд и с каждого гектара водной площади этого искусственного пруда получают по тридцать два центнера рыбы.

Почему же такой богатый улов? Потому что Андриенко заботится о том, чтобы рыбе было достаточно корма. Андриенко осенью чистит пруд и обильно его удобряет. От этого в пруду бурно растут водоросли, увеличивается «пастбище» для карпов.

Кроме того, рыбу ещё подкармливают сорняками, жмыхами, зерноотходами и размельчёнными головастиками.

Стоячая вода легко заболачивается, загрязняется, покрывается тиной, ряской. Для чистки водоёмов рыбоводы используют домашних уток. Они пожирают ряску, лягушачью молодь, вредных насекомых и удобряют пруд своим помётом.

В огромных аквариумах плавают зеркальные карпы и сазаны.

Когда побываешь в павильоне «Прудовое хозяйство», то видишь, что разведение рыбы — дело вполне доступное пионерскому отряду. И дело это интересное, прибыльное, нужное государству.

А. Гарф

Староста класса

Л. Воронкова

Миновало уже несколько дней, как в женскую школу пришли мальчики и уселись вместе с девочками за парты, а всё ещё было как-то непривычно, немного тревожно, хотя и интересно.

Клава Синькова сегодня потуже заплела свои длинные косы.

— Подумай! Вчера один балбес у меня выдернул ленту из косы. Вихрастый такой, Дранкин или Баранкин, что ли... В седьмой класс перешли, а всё ещё за косы дёргает. Просто удивительно!

Маша Калачёва, торопливо шагавшая рядом, не отвечала. Светлые брови её были сосредоточенно сдвинуты.

— Чем ты так озабочена? — заметив это, спросила Клава.— Ты недовольна, что у нас мальчишки?

— Сегодня перевыборы старосты,— коротко ответила Маша.

— А!

Клава всё поняла. Вот уже три года Маша была бессменным старостой класса. Если бы всё оставалось попрежнему, то девочки, конечно, опять выбрали бы её. Хорошая ученица, исполнительная, аккуратная, внимательная ко всем и требовательная, Маша была таким старостой, что лучше и не надо. Но ведь это девочки выбрали бы Машу. А вот как ребята?..

— Думаешь, они будут против? — спросила Клава.

— Не сомневаюсь,— иронически улыбнулась Маша.— Чтобы у них девчонка-печёнка была старостой? Да что ты!

На пороге класса девочек встретил Дранкин-Баранкин. Клава предусмотрительно перекинула косу на грудь, но Дранкин даже не заметил этого.

— Вот она, Калачёва, пришла! — закричал он.— Бывший староста!

Маша покраснела и, закусив губу, прошла на своё место. Дима Рыбаков, которого посадили рядом с ней за парту, тут же спросил:

— Ты за кого болеешь: за «Динамо» или за «Спартак»?

Маша смутилась: а не всё ли равно — «Спартак» или «Динамо»?

Дима презрительно фыркнул. Он хотел сказать, что девчонки ничего не смыслят в футболе и что Калачёва — прямой тому пример. Но в это время в класс вошла учительница, и начался урок.

Маша хотя и внимательно слушала учительницу, всё же искоса поглядывала по сторонам. Вон Дранкин-Баранкин сидит. Что-то уж очень он приглажен сегодня... Неужели это оттого, что Шура Зябликова вчера посмеялась над его вихрами?

Маша отвернулась. Не лучше ли было, когда в классе сидели одни девочки? Чтобы не видеть Дранкина, Маша стала глядеть в другую сторону. Слева от неё сидел Андрей Сверчков. Сверчков — ну и фамилия! А сидит-то как, того и гляди, съест глазами Анну Сергеевну. Можно подумать, что учительница только для него одного и объясняет урок. Маша приняла равнодушный вид и отвела глаза. Это он сказал вчера, когда она отвечала историю, что можно было бы ответить гораздо интереснее, если бы Калачёва побольше читала. Где-то в глубине души Маша чув-

ствовала, что он прав. Она не так много читает: не хватает у неё времени. Однако замечание Андрея задело её. Вот спросят его — посмотрим, как он ответит!

Но кончился урок, и никого не спросили.

Маша, едва прозвенел звонок, вышла в коридор и схватила под руку Нину Ракитину: она первая подвернулась ей.

— Маша! Калачёва! Иди-ка сюда! — позвала Шура Зябликова.— На совет!

Маша остановилась и оглянулась. Посреди коридора собрались в кружок девочки и ребята. И Шура — член совета отряда — стояла в середине.

— Зачем? — сухо спросила Маша и прошла дальше, уводя Нину. Они намечают там нового старосту, зачем же Маша будет мешать? Старостой будет кто угодно: Дранкин-Баранкин, Сверчков, Рыбаков. Но не она же!

— Маша,— вдруг тихонько сказала маленькая курносая Нина Ракитина,— посмотри... Только незаметно посмотри... у меня хорошо сзади косы уложены?

Маша посмотрела:

— Что это с тобой? Каких-то кренделей навертела!

— Ну вот ещё, кренделей! — возразила Нина.— Так ведь красивее. А скажешь, нет?

— Подумаешь, красивее! А зачем тебе?

— Ну... Всё-таки теперь у нас мальчики. Смотрят...

Маша с изумлением взглянула на Нину и вдруг рассердилась:

— Мальчики смотрят! А не всё равно, кто на тебя смотрит: мальчики или девочки? То была причёска как следует, а то... неизвестно, на что похоже! Смех один!

Но Нина Ракитина неожиданно дала отпор.

— А ты ещё у нас не староста,— возразила она, глядя прямо в глаза Маше,— вот когда будешь старостой, тогда и делай замечания.— И добавила: — Если ты будешь старостой.

Маша оторопело поглядела ей вслед. «И всё из-за мальчишек! Теперь мы, наверно, все перессоримся».

К ней быстрым шагом подошёл Андрей Сверчков.

— Калачёва,— сказал он,— ты что это, как ёршик какой? Её зовут, а она бежит.

— А ты сверчок на печи,— неизвестно по какой логике оборвала его Маша и отвернулась.

Андрей засмеялся.

— Не возражаю. «Сверчок на печи», или, как в новом переводе, «Сверчок в камине», был очень хороший сверчок. Умный был, добрый...

Маша поглядела на него: как это — сверчок умный да ещё добрый?

— Ты что, разве не читала эту книгу? Это Диккенс.

— Без тебя знаю, что Диккенс.

— Но ты её не читала?

— Ну, не читала. Ну и что? Мало ли чего и ты не читал!

— Конечно, я ещё многого не читал,— неожиданно для Маши просто и дружелюбно согласился Андрей.— Я тебе завтра принесу Диккенса, у меня есть. Ох, книга! Обязательно прочти. А теперь скажи,— продолжал он,— если мы опять выдвинем тебя старостой, ты что скажешь?

— Меня?

— Ну, а что же ты удивилась?

— Но вы же захотите, чтобы кто-нибудь из мальчиков...

— Почему? — Андрей пожал плечами.— У тебя опыт есть. Девочки говорят, ты хорошим старостой была.

— А мальчики разве будут... меня слушать? — недоверчиво спросила Маша.

— А разве мальчики обязательно должны быть глупыми?

Звонок избавил Машу от ответа. Она задумчиво направилась в класс. Тут же её догнали Нина Ракитина и Клава Синькова.

— Ты уже с ним подружилась? — спросила Клава с таким видом, будто Маша совершила предательство.

А Нина засмеялась:

— У него карие глаза. Маша плюс Андрей — равняется любовь!

Маша нахмурилась.

— Фу! Какие противные выдумки! Андрей — хороший человек... И да, да, подружилась! А вы... а вы мещанки! Барышни! Вот и всё!

У Маши была крепкая воля. Поэтому она со спокойным лицом сидела на следующем уроке и спокойно отвечала у доски, когда её вызвала учительница.

Но в душе у неё всё кипело. Как быть? Как вести себя? Почему, в самом деле, не дружить с мальчиками так же, как с подругами? И уроки с ними можно делать и книгами обмениваться. Вон Шура Зябликова — для неё будто никакой перемены в классе не произошло. Наверно, так и надо, как Шура. А вот находятся

такие Клавы, которые из-за одного Дранкина-Баранкина ни за что не хотят дружить с мальчиками. И такие Нины находятся, которые повторяют чьи-то чужие глупости.

После уроков все остались на классное собрание.

— Не выберут девчонку, ни за что не выберут,— сказала Клава, подсаживаясь к Маше.

— Конечно, не выберем! — подхватил Дранкин, услышав её слова.

Но тут вмешалась Шура Зябликова:

— Девчонку? Чтс значит, девчонку? Интересно, ты пионер или нет?

— А что, девчонка будет над ребятами командовать? — закричал Дранкин.— Ну, уж нет, этого мы не позволим!

— Может, вы нам не позволите и в пионерской организации состоять?

Пришла вожатая Надя, и собрание началось. Стали выбирать старосту класса. Оказалось, что никто из мальчиков, пришедших в седьмой «А», ещё никогда не был старостой.

— Это ничего не значит,— возразила Надя,— не были, так можете быть. Будет тот, кого выберем.

— Машу Калачёву! — тотчас крикнула Сима.

— Калачёву! — подхватило несколько голосов.

— Долой! — замахал руками Дранкин, и его приглаженные вихры снова поднялись на макушке.

— Если ты так будешь голосовать, мы тебя удалим с собрания,— предупредила Надя.

А Андрей Сверчков добавил:

— Он не голосует — он голосит.

— Предлагаю Рыбакова! — будто не слыша их, сказал Дранкин.

— Только и будет по футболам бегать!

— Пускай свои тройки из дневника выживет! — раздались со всех сторон голоса мальчиков.

— Предлагаю Дранкина! — поднял руку Рыбаков.

Все засмеялись.

— Кукушка и Петух! — сказала Шура Зябликова.— Друг дружку хвалят!

Собрание становилось всё жарче. То одно имя взлетало, как ракета, то другое. Первая девочка, которая назвала имя мальчика, была Шура Зябликова.

— По-моему, хорошим старостой был бы у нас Андрей Сверчков. Насколько я его знаю...

— Правильно! Правильно! — закричал Дранкин и забарабанил ладонями по столу. Хоть и не такой уж дружок для него Андрей, но всё-таки лучше любой девчонки.

Но тут вдруг закричала и Клава Синькова и тоже застучала ладонями:

— Нет, неправильно! Калачёва всегда была старостой! Мы не хотим другого старосту!

И голоса разделились. Одни стойко держались за Машу Калачёву. Другие, в том числе была и Нина Ракитина, считали, что не всё же быть Маше старостой. пусть теперь будет Андрей Сверчков. Может, он ещё лучшим старостой будет, чем Маша.

Маша сидела молча, с пылающими щеками и, опустив глаза, машинально рисовала пальцем на столе какой-то невидимый узор.

— Будем голосовать,— сказала Надя.

И тут Маша в первый раз попросила слова:

— Не надо за меня голосовать. Старостой должен быть Андрей Сверчков. А я отказываюсь.

Наступила тишина. Кто-то из девочек удивлённо охнул.

— Да, Андрей Сверчков,— твёрдо повторила Маша,— потому что он... лучше, чем я, понимает, что такое дружба.

И когда стали голосовать за Андрея Сверчкова, Маша первая подняла руку.

Ребята, эту маленькую историю о том, как начинал складываться коллектив в классе, рассказали мне знакомые школьники. А я рассказала её вам потому, что мне хочется вместе с вами подумать о дружбе.

По-моему, дружба и уважение друг к другу не приходят сами собой. Надо добиваться их своим поведением, своим отношением к товарищам. Уважай других, чтобы уважали тебя, будь требователен прежде всего к себе, а потом уж предъявляй требования к товарищам. Думается, что даже и Дранкин поймёт это со временем, если коллектив будет дружен.

Так мне кажется. А как вы думаете, ребята?

Ма Дань-би и жадный торговец

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

Рисунки П. Кирпичёва.

Однажды бедняк Ма Дань-би приехал в город и завернул переночевать на постоялый двор. Там собралось много народу и было тесно. Ма Дань-би очень устал с дороги и хотел прилечь в углу. Но здесь расположился толстый торговец с красным носом. Он расставил свои корзины с товаром и никому не разрешал подходить к ним.

— Куда ты лезешь! Разве не видишь, что тут моё место? — заорал торговец.— И не смей трогать мои вещи! — закричал он ещё громче, когда Ма Дань-би хотел немножко подвинуть одну из корзин.

— Да, но нам надо сначала пересчитать яйца,— сказал Ма Дань-би.

— А где ж мы их будем считать?

— Да вот здесь,— предложил Ма Дань-би, показывая на рядом стоящий стол.

— Ай! На столе неудобно считать: он гладкий, все яйца раскатятся и побьются,— запротестовал торговец.

— Я придумал,— сказал Ма Дань-би.— Ты обхвати стол руками и держи, чтобы

— А что в твоих корзинах? — спросил Ма Дань-би.

— Куриные яйца,— буркнул торговец.

— А не продашь ли ты их мне? — снова спросил Ма Дань-би, а про себя подумал: «Постой, скряга, я проучу тебя!..»

— А сколько дашь? — оживился торговец.

— По серебряной монете за яйцо. Идёт?

— Ладно, забирай обе корзины,— обрадовался торговец.— Только живее!

яйца не раскатились, а я буду вынимать их из корзины и считать.

Так и сделали. Торговец обхватил стол обеими руками, не позволяя яйцам скатываться, а Ма Дань-би стал вынимать их по одному из корзины:

— Раз, два, три... пять... десять...

Сосчитав, он сказал:

— Подожди немного, я схожу за деньгами.

— Только скорей иди, а то я уже устал держать, — сердито пробормотал торговец.

Но у Ма Дань-би, конечно, никаких денег не было. Вышел он с постоялого двора и давай хохотать.

А жадный торговец думал про себя: «Выгодно я ему продал яйца! На базаре мне никто не дал бы такой цены».

Но прошёл и час, и другой, и третий, а Ма Дань-би не возвращался.

Только тут торговец понял, что его надули. Он решил разыскать Ма Дань-би и побить его, но как он мог это сделать, когда руки у него были заняты и он не мог отойти от стола?!.

Так и простоял торговец до утра, пока хозяин постоялого двора не помог ему.

Перевёл с китайского

Ю. Осипов.

Как летучие мыши уклонились от уплаты налогов

БИРМАНСКАЯ СКАЗКА

Жил в давние времена один король. Он решил, что его подданные — люди и звери — должны выплачивать налоги, и послал во все концы своих владений сборщиков.

В первый день королевские сборщики собрали налоги со всех людей. Во второй день уплатили налоги слоны. В третий — тигры. Наконец, дошла очередь до летучих мышей.

Эти хитрецы сложили крылья и уселись в тени. Сборщики налогов нашли их и сказали:

— Ну, летучие мыши, платите налоги!

— Да мы вовсе не летучие мыши,— отвечали те.— Мы крысы. Вы бы смотрели повнимательнее!..

Как ни вглядывались сборщики, в темноте они никак не могли понять, кто перед ними: крысы или летучие мыши.

— Пусть будет по-вашему,— сказали сборщики.— Но вам придётся заплатить, когда настанет очередь крыс.

И они ушли.

Скоро пришла очередь платить налоги крысам. Сборщики собрали налоги с настоящих крыс, а потом пошли к летучим мышам.

— Что ж, друзья, в прошлый раз вы отказались платить за летучих мышей. Теперь дошла очередь до крыс. Извольте платить,— сказали они.

— А мы летучие мыши,— ответили мошенницы и расправили свои крылья.— Мы не обязаны платить за крыс.

— Мы доложим королю, если вы не заплатите,— пригрозили сборщики.

Но летучие мыши только рассмеялись.

— Вы должны были сообщить королю, когда мы в первый раз отказались платить. Ведь тогда была наша очередь,— злорадно возразили они.— Если же вы пойдёте теперь и скажете, что летучие мыши отказываются платить налоги за крыс, король решит, что вы дураки. Ну, а если вы сейчас вспомните о прошлом и расскажете, что мы отказались платить в первый раз, король узнает, что вы плохо ему служите, потому что во-время не доложили ему о непорядках.

Сборщики поняли, что их одурачили, и ушли.

Вот как ловко летучие мыши избавились от уплаты королевских налогов!

Мышкин жених

БИРМАНСКАЯ СКАЗКА

Юная Мышка была так прекрасна, что родители рассчитывали выдать её замуж за самое могущественное в мире существо. И вот они отправились на поиски.

Прежде всего они пришли к Солнцу.

— О великое Солнце! — сказали они.— Сделай милость, женись на нашей прекрасной дочери.

Но когда Солнце, не раздумывая, согласилось стать мужем маленькой Мышки, на её родителей напали сомнения.

— А правда ли, Солнце, что ты могущественнее всех в мире? — спросили они.

— Нет, почему же!— отвечало Солнце.— Дождь куда сильнее меня! Когда он начинается, мне приходится уходить с неба.

— Ах, пожалуйста, извини нас,— ска-

зали родители Мышки.— Мы хотим, чтобы муж нашей дочери был самым могущественным на свете.

И они побежали к Дождю.

Однако Дождь сказал, что Ветер сильнее его: ведь он может разогнать дождевые тучи.

Родители Мышки отправились к Ветру. Но как ни хотелось Ветру жениться на красавице, он всё же признался, что далеко не самый могущественный на земле, — несмотря на все старания, он никак не может сдуть Холм, который стоит на его пути.

Мышкины родители поспешили к Холму, но тот ответил им, что Буйвол сильнее его. Ведь склоны Холма осыпаются потому, что каждый вечер Буйвол приходит поточить о них свои рога.

Мыши пошли к Буйволу. Горько сожалея о том, что не он самое сильное на земле создание, Буйвол признался, что повинуется Кнуту.

Тогда родители красавицы пошли к Кнуту. Конечно, Кнут пришёл в восторг от предложения жениться на прелестной Мышке, но всё-таки и он вынужен был признать, что есть на свете ещё более сильное существо — Мышонок, который живёт в коровнике. Этот удалец каждую ночь приходит грызть Кнут.

И тогда женихом выбрали Мышонка, что жил в коровнике. Все нашли, что он, красивый и сильный, вполне достойный жених для прекрасной Мышки.

Дерево сплетен

БИРМАНСКАЯ СКАЗКА

Это случилось много сот лет назад. Как-то возле одного бирманского города прибило к берегу плот, на котором находились двое мужчин и одна женщина. Чужеземцев привели к королю, и они признались, что были изгнаны из родной страны за совершённые ими преступления. Один из них был вором, вторая кол-

дуньей, а третий причинил людям много зла своей болтовнёй и сплетнями.

Король даровал вору дом да тысячу серебреников в придачу и разрешил поселиться в Бирме.

— Он воровал, потому что был беден,— сказал король.

Колдунье король также пожаловал дом и тысячу серебреников и позволил поселиться в Бирме.

— Она занималась колдовством просто из зависти,— сказал король.— А завидовала она людям потому, что была бедной и несчастной.

Что касается сплетника, то король приказал без промедления казнить его.

— Уж если он был болтуном и сплетником, то его лишь могила исправит,— сказал король.

Сплетника отвели на площадь и отрубили ему голову.

На другой день по этой площади проходил офицер королевской стражи. Он очень удивился, увидев, что голова сплетника крутится по земле. Ещё больше удивился офицер, когда голова открыла рот и произнесла:

— Скажи своему королю, пусть придёт сюда и станет передо мной на колени. Если он не сделает этого, я приду к нему сама, и тогда его голова полетит прочь!

Офицер побежал во дворец и доложил королю о случившемся. Но никто ему не поверил, а король разгневался, решив, что офицер хочет над ним подшутить.

— Ваше величество, вы можете послать со мной кого-нибудь из придворных,— предложил офицер.— Пусть он подтвердит то, что я сказал.

Тогда к месту казни вместе с офицером послали придворного. Однако когда они пришли на площадь, голова сплетника лежала неподвижно и молчала.

Придворный доложил об этом королю, и тот отдал приказание казнить лжеца-офицера.

Несчастного повели обратно и в присутствии его товарищей отрубили ему голову.

И тут-то голова сплетника заговорила снова.

— Ха, ха, ха! — зловеще засмеялась она. — Всё-таки я могу ещё строить козни и приносить людям несчастье, хоть я и мертва.

Офицеры поняли, что их товарищ пал жертвой величайшей несправедливости.

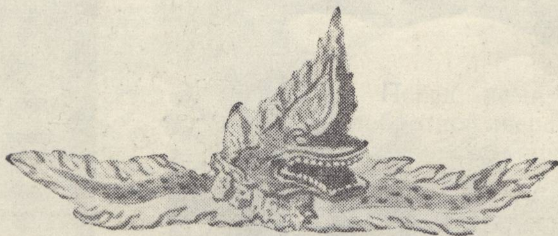
Полный раскаяния, король приказал закопать голову сплетника глубоко в землю.

А наутро на том месте, где была зарыта голова, выросло неизвестное в этих краях дерево... Свисавшие с его ветвей плоды по форме напоминали голову сплетника.

Дерево это и есть кокосовая пальма. Вначале её назвали «гон-бин», что по-бирмански значит «дерево сплетен». Но со временем произносить это название стали иначе, и теперь его называют «он-бин», или «коканатри».

А если вы снимете с кокосовой пальмы орех и приложите к нему ухо, вы услышите какое-то бормотание. Так знайте же, это тот самый клеветник всё ещё пытается строить козни...

Перевела
И. Архангельская.

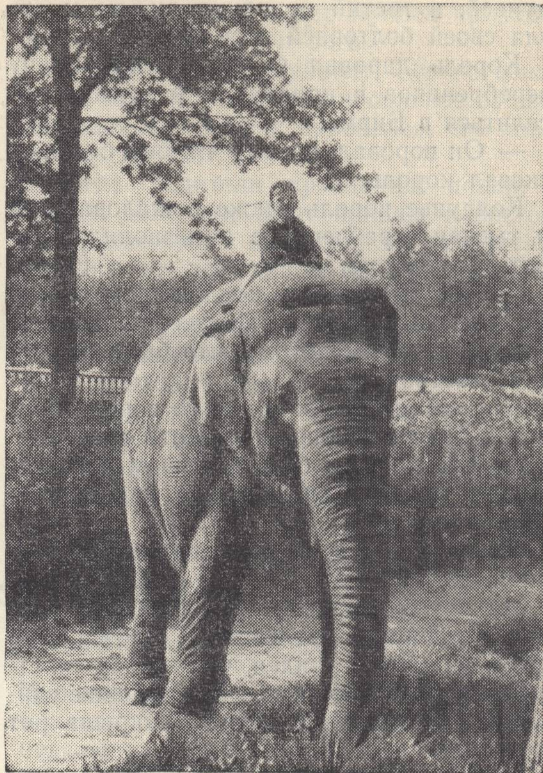
ПУНЧИ

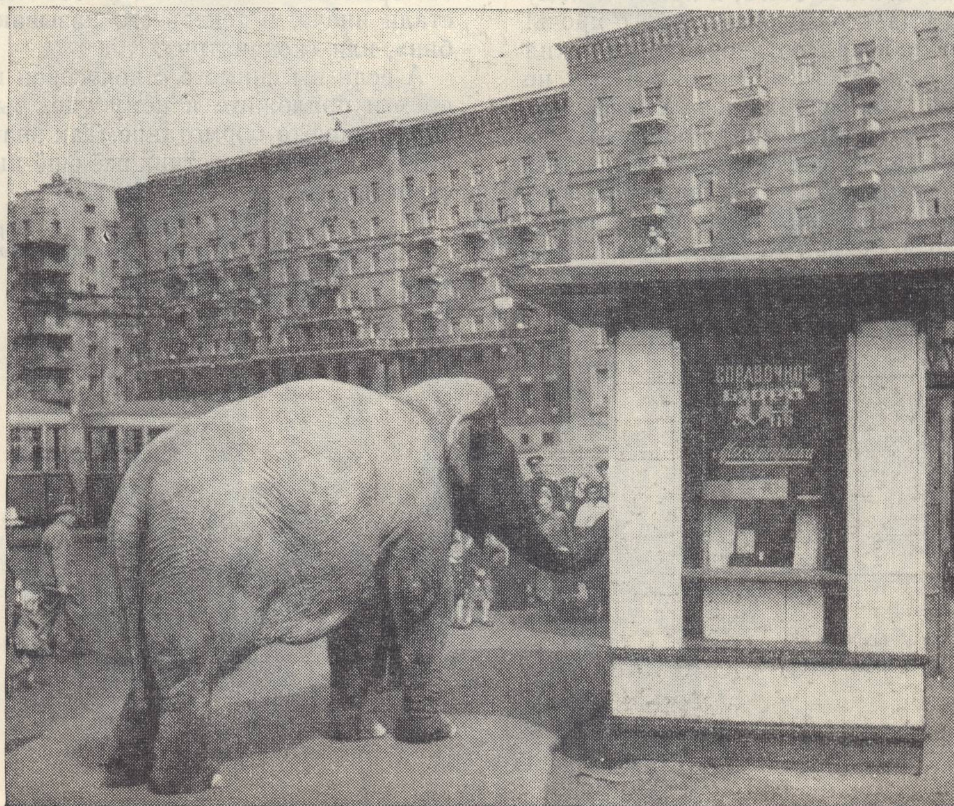
Пунчи — индийская слониха. Живёт она вместе с другими дрессированными животными в Уголке имени В. Л. Дурова, в Москве. Каждый день Пунчи выводят гулять. Неторопливо и важно идёт она по московским улицам, не обращая ни малейшего внимания на толпу сопровождающих её ребятишек и взрослых.

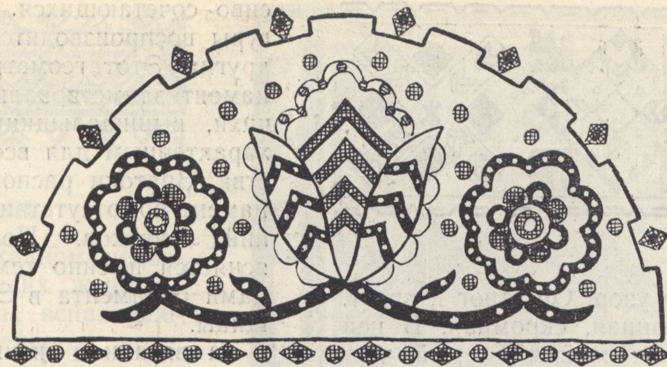
У Пунчи много знакомых. И, гуляя, она часто навещает их. Пунчи сворачивает то к справочному бюро, то к книжному киоску, где её часто угощают сахаром, то к тележке с газированной водой. Бережно держит она хоботом стакан и пьёт холодную воду.

Однажды Пунчи увидела грузовик с капустой; она осторожно взяла кочан и тут же стала им лакомиться.

Пунчи очень дружна с Тоником, сыном дрессировщика Створа Карели. Пунчи нежно обращается с мальчиком и прощает ему любые шалости. Когда Тоник поливает Пунчи водой из шланга, слониха сначала с удовольствием поднимает свой хобот и ловит воду ртом. Но вот она утолила жажду, а Тоник продолжает поливать Пунчи. Тогда слониха, вытянув хобот, осторожно отводит Тоника от шланга. Если Тоник продолжает упорствовать, Пунчи, захватив хоботом шланг, отнимает его у мальчика. Конечно, бывает, что Пунчи при этом нечаянно повалит упрямца на землю. Но после этого она чувствует себя очень виноватой и только глазами хлопает, когда Тоник, вскочив на ноги, даёт ей «трёпку».

ЦВЕТОК СЧАСТЬЯ

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Издавна стремились люди делать вещи, нужные в быту, не только прочными и удобными, но и как можно более красивыми. Яркими цветами расписывалась посуда — даже самая простая, глиняная; резьбой покрывались окна и крылечки самых бедных домов, а одежда исстари украшается вышивками и кружевами.

Эта творческая потребность — украсить всё, что окружает человека,— живёт в народе. С любовью и выдумкой вышивает свою рубаху украинская девушка, всеми красками переливаются яркие тюбетейки узбечек, сложнейшие узоры создают искусные резчики по кости — ненцы.

Что ни республика у нас, что ни область, то своё мастерство, свой любимый узор, свои излюбленные сочетания красок. Мастерство передаётся от отца к сыну, от бабки к внучке. Но каждая вязальщица или кружевница, каждый резчик, каждый гончар вкладывает в работу хоть немного, да от себя, вносит лепту в общее творчество. Изо дня в день создаёт своё искусство большой художник — народ. Искусство это связано с сегодняшним днём, а корни его уходят в седую старину.

Наш Союз — дружная семья многих народов, и народное искусство у нас чрезвычайно многообразно. Богатства великолепной сокровищницы народного искусства нашей страны неисчислимы. В небольшом очерке, который вы прочитаете, нам хотелось рассказать лишь об одном из вкладов, пополняющих общую сокровищницу,—о народном творчестве Эстонской республики.

Это край полотенца, вытканного красивым узором. Эстония издавна славится узорным тканьём.

АЛЫЕ ЦВЕТЫ

Перед нами варежки, связанные из добротной шерсти. Они коричневые, и на красновато-коричневом фоне — многоцветная узорная полоса. Вся она выдержана в мягких, тёплых тонах и выделяется поэтому совсем не резко, хоть и отчётливо. Связаны эти варежки давно, лет пятьдесят назад, в Эстонии, на одном из островов Моонзундского архипелага.

Наденьте их на руку. Чувствуете, какие они тёплые? Такие варежки отлично предохраняют от сырости и холода морских ветров, которые часто дуют в Эсто-

нии. Рассмотрите узор. Он строг и прост, расцветка сдержанная, скромная. В ней преобладают цвета: зелёный, серый, чёрный, светлоголубой, и только изредка весело промелькнёт яркокрасная звёздочка — цветок.

Нетрудно догадаться, что глаз вязальщицы привык к пейзажу, не поражающему густыми, яркими красками и резкостью контрастов. И точно, желтовато-серое, иной раз голубовато-стальное, туманное море, бледное туманное небо, пески, серые валуны — вот вид, наиболее характерный для островов Эстонии, которые славятся во всей республике своими рукодельницами.

Представьте себе землю, почти сплошь усыпанную осколками известняка, почва на островах так камениста, что когда её вспахивают, искры летят. О бедности островов ходили легенды. В старой сказке рассказывается, что на три эстонских острова приходилась всего одна соха, жители перебрасывали её друг другу через море.

Душа эстонского крестьянина-землепашца тосковала по доброй и щедрой земле. В поисках лучшей доли мужчины уходили в далёкие странствия. В селениях оставались женщины, на их плечах лежало всё бремя домашних забот. День проходил в тяжёлом труде, а вечерами невесты и жёны, вспоминая о тех, кто сейчас далеко от дома, вязали из шерсти, крашенной в настое трав, тёплые шарфы, фуфайки и варежки с чётким, красивым узором.

Узор на вязаных вещах состоял по большей части из многоугольников, квадратов, ломаных линий, причудливо и красиво сочетающихся. Геометрические фигуры воспроизводятся в вязании лучше других. Этот геометрический рисунок-орнамент заимствовали у вязальщиц ткачихи, вышивальщицы, резчики, он стал характерным для всего эстонского искусства. Знатоки распознают эстонский орнамент по отсутствию закругленных линий, завитков. Повидимому, это объясняется именно тем, что первыми творцами орнамента в Эстонии были вязальщицы.

За вязанием женщины пели грустные песни о тяжёлой доле народа, угнетаемого знатными и богатыми.

Но как бы ни была грустна жизнь, народу не свойственно ощущение безысходности. Даже самые скорбные старинные песни эстонцев заканчиваются словами надежды, рассказывают о том, что придёт время — и на эстонской земле вырастет «цветок счастья».

Под такие же песни вязались, наверно, и эти варежки. Не потому ли в их строгом узоре нет-нет, да и промелькнёт весёлый, алый, похожий на звёздочку цветок?..

На шапочке, варежках и свитере — характерный для эстонского вязания геометрический рисунок.

КАЛЕВ-СЫН

На коврике, вытканном недавно одной из эстонских женщин, изображён богатырь, вспахивающий скудное, каменистое поле. Волосы богатыря взмокли от пота, жилы на шее и могучих руках вздулись от напряжения.

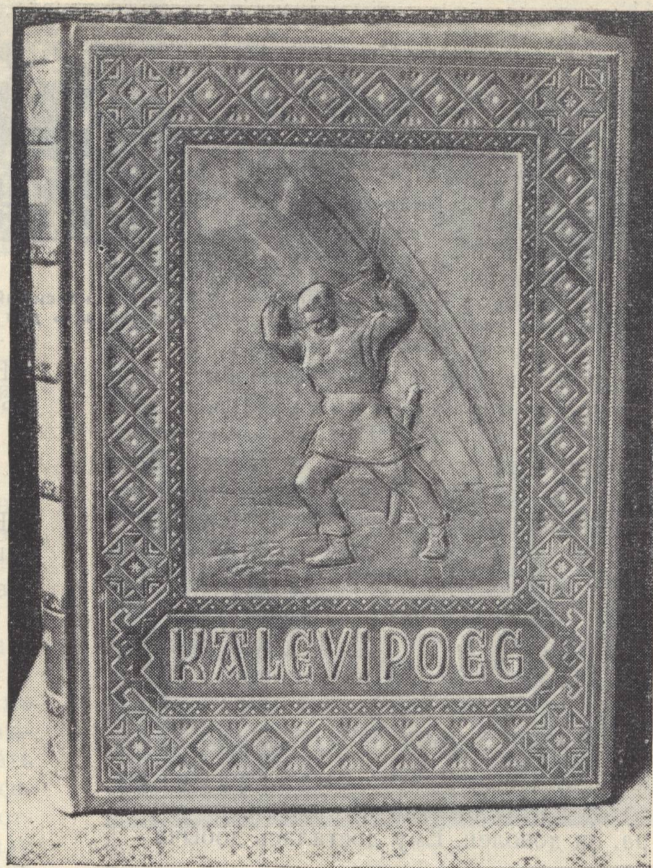
А вот старинный деревянный барельеф, вырезанный неизвестным мастером давным-давно. На барельефе — тот же богатырь: согнувшись под страшной тяжестью, несёт он огромную кладь толстых досок.

Богатырь этот — Калев-сын, герой эстонского эпоса «Калевипоэг». Его подвиги — излюбленная тема народного творчества и теперь и в старину.

В далёкие-далёкие времена, повествует легенда, обитали в сказочной стране могучие богатыри — дети богов и земных девушек. Один из богатырей уехал на Русь, а родной брат его, оседлав орла, полетел за море и поселился там на суровом, пустынном берегу. Здесь этот богатырь Калев женился на красавице Линде, дочери лесной Тетёрки, здесь вырос его сын — Калевипоэг.

Умер старый Калев. Над прахом его воздвигли гору камней, это Тоомпеаа-гора, на ней сейчас высятся древние башни таллинской крепости. Недалеко от Таллина блестит озеро Юлемисте. По преданию, оно возникло из слёз Линды. Тут же вам покажут «камень Линды», на котором будто бы рыдала вдова. В утешение матери остался только юный Калевипоэг, который, как водится у богатырей, рос не по дням, а по часам.

Сцены из жизни Калева-сына нередко вырезаются на деревянных кубках. По большей части это мирные сцены — работа в поле, игра на гуслях. Хотя Калевипоэг и отлично владеет оружием, но больше всего он любит песни и по нраву миролюбив. «Лучше пол-яйца, да в мире, чем курёнок, взятый с бою»,— говорит он.

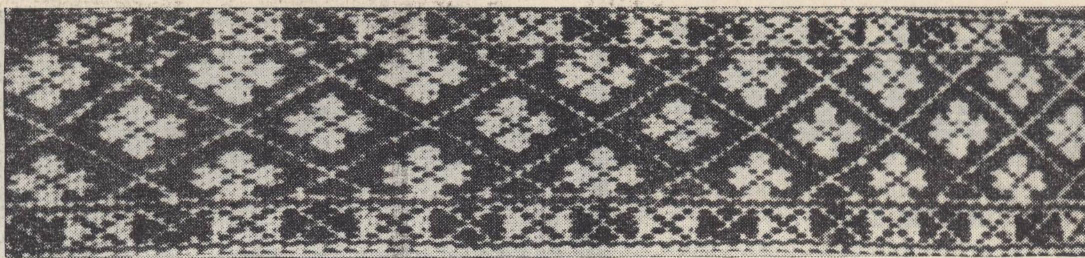

Кожаный тиснёный переплёт книги «Калевипоэг». Художники украсили страницы этой книги орнаментами в народном стиле. Некоторые из них мы воспроизвели в журнале.

Подобно нашему Микуле Селяниновичу, он терпеливый труженик и созидатель. С великим упорством вспахивает он родную скудную землю: выкорчёвывает пни, оттаскивает в сторону валуны, с трудом превращая в пашню каменистые берега и ржавую болотистую топь. Из-за Чудского озера — Пейпуса — с дружественной Руси приносит он тяжёлую кладь досок и с помощью побратима своего Олева строит чудесные города. Этому искусству он выучился на Руси, с которой издавна были в дружбе предки современных эстонцев.

А вот Калев-сын с дружиной на корабле. Богатыми сокровищами овладел Ка-

Узорный тканый поясок. Этот несложный красивый узор и другие орнаменты, которые мы поместили здесь, вы можете использовать для своих рукоделий: вязанья, вышивок.

левипоэг, но душа его неспокойна: ведь он ещё не ощупал своими руками «стены большого мира»... Вместе с верными друзьями на серебряном корабле «Леннук» («Летучий») отправляется герой искать границу мира, где, как говорят все, синешёлковый свод небес приторочен к краю земли.

Однако, в скитаниях, Калевипоэг и его друзья узнают, что

...нет дорог и нет тропинок,
что ведут к границе мира.
Ведь у мира нет границы...

И хотя сын Калева на этот раз не вывозит из странствий ни золота, ни серебра, он доволен. Ему досталась добыча

Гор серебряных дороже,
Бочек золота бесценней!
Ведь в блужданьях мы постигли,
Что безбрежно наше море...
Беспределен мир широкий.

Большой мудростью и настоящей страстью к познанию дышат его гордые слова.

ПЛАТЬЕ ЛИНДЫ

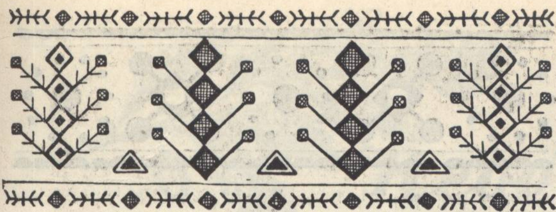
В одной из песен «Калевипоэга» описывается праздничный наряд девушки.

Дай мне,— просит Линда
у служанки,—
...шёлка тонкого рубашку,
легче утренних туманов,
с расписными рукавами,
шитыми златым узором...
...Принеси узорный пояс
в золотых кленовых листьях...
...Серебристую косынку
дай для шеи белоснежной.

Конечно, у девушек из народа не было ни тонких шелков, ни «злата» для вышивки. И всё-таки их праздничные одежды всегда были красивы, отсутствие до-

Посмотрите, как красивы национальные костюмы эстонок!

рогих материалов возмещалось трудолюбием и неистощимой фантазией.

Народный костюм — одно из характерных произведений народного искусства.

В Эстонии народная одежда на редкость разнообразна. Далеко друг от друга раскинулись эстонские хутора и селения, в каждом — свой костюм, свои песни и танцы.

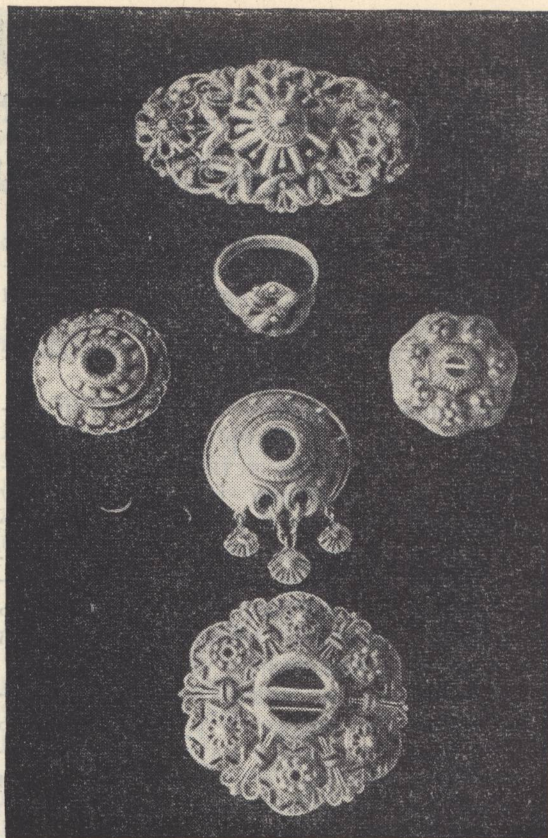
И не удивительно, что есть в Эстонии люди, посвятившие всю свою жизнь изучению народной одежды. С одной из таких специалисток — Екатериной Людвиговной Нигуль — мы познакомились в Таллине. Вот уже двадцать лет изучает она народный эстонский костюм.

Екатерина Людвиговна не художник по образованию и не искусствовед. Она выросла в простой эстонской семье, и мать её и бабка надевали по праздникам «селик»—длинную полосатую юбку из плотного домотканного холста, накидывали поверх вышитой рубахи характерную для эстонского костюма свободную короткую кофточку, натягивали на ноги узорчатые «сукод» — шерстяные чулки.

С детства полюбила Екатерина Нигуль красоту народной одежды; ещё девочкой старательно зарисовывала она каждую новую деталь, которую случалось ей увидеть.

Позднее ей удалось много поездить по Эстонии, и она не могла досыта налюбоваться разнообразием покроя и вышивки: красно-чёрными юбками и вышитыми блузками девушек из селения Коиг, зелёными и розовыми костюмами жительниц острова Муху, одеждами рыбачек с острова Сааремаа, которые, должно быть, соперничая с морской пенистой волной, щеголяют белизной рубашек и яркой синевой корсажей.

А какое разнообразие «танну» — головных уборов — ей удалось повидать! Здесь были и колпачки, и чепчики, и шапочки, похожие на петушиные гребешки, и головные уборы, напоминающие русские кокошники. А на юге республики эстонские женщины ходят в платках, и одежда их очень похожа на русскую.

Круглые металлические броши издавна были любимыми украшениями эстонок. Резьба и чеканные узоры брошей необычайно богаты и разнообразны.

Особенно хороши в Эстонии убранства невест. Ведь в этот день девушка надевает всё лучшее из того, что соткала, связала, вышила. Всеми цветами радуги переливаются её чулки,— в некоторых местностях даже юбки шьют покороче: не прикрывать же такую красоту! Сверкающей бронёй блестят на груди металлические украшения, узорный пояс охватывает стан. Глядишь на прекрасный наряд невесты — и кажется, что именно его-то и надевала Линда в день своего обручения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЕВИПОЭГА

Старинные традиции живут в народном творчестве Советской Эстонии. Но теперь народное искусство обогатилось новыми темами и совсем новыми формами.

Заглянем в таллинские художественные мастерские, где работают лучшие специалисты по тиснению кожи. За длинными столами рядом с молодыми людьми, получившими художественное образова-

ние, работают седоголовые мастера, перенявшие своё искусство от отцов и дедов, тех, кто делал старинную кожаную плетёную обувь — «пастлад», — узорчатые уздечки и сёдла. Уверенно налегает мастер на свой инструмент — небольшой ножичек, и на поверхности кожи чёрточка за чёрточкой возникает сложный орнамент или даже целая композиция — картина. Вот альпинист, гордо опирающийся на свой альпеншток, вот рабочие идут на штурм Зимнего дворца, вот стройные башни Кремля.

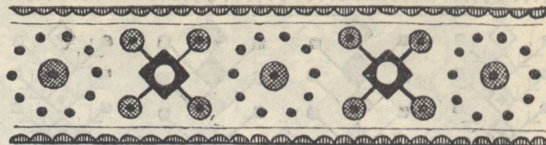
Тиснение на коже — небыстрый и нелёгкий труд, но мастер работает с любовью и увлечением истинного художника. Недаром славятся по всему Союзу эстонские кожаные изделия — книжные переплёты, шкатулки, сумки, портсигары.

Попрежнему процветает в Эстонии работа по металлу. Некогда ею занимались искусные кузнецы, умевшие ковать и крепкий меч и изящные украшения.

Потомки их унаследовали от дедов верность глаза и твёрдость руки, но теперь на помощь им пришла наука: физика, химия. Чрезвычайным разнообразием форм и рисунков отличаются посеребрённые по новому, современному способу эстонские брошки. Однако прообразом их неизменно остаётся традиционная круглая «сылг», которую носили эстонские женщины в старину.

Появился в Советской Эстонии и новый вид народного искусства — резьба по стеклу, необычайно тонкая и красивая.

И так же, как встарь, широко распро-

странены в республике резьба по дереву, керамика, вязанье, вышиванье, ткацкое мастерство, плетение кружев.

Попрежнему разнообразны народные костюмы. Незабываемое зрелище представляет толпа, наводняющая Таллин в день традиционного праздника песни. В этот день сюда со всех концов Эстонии — из промышленной Нарвы и островов, из древнего Тарту и нового, выросшего среди болот посёлка Тootси — едут народные певцы, танцоры, музыканты, сказители...

Яркими красками народных костюмов расцветает Певческое поле в зелёном парке Кадриорг...

Люди слушают народную сказительницу Александру Лойво. Она поёт о Калевипоэге. Сотни лет томился он в плену. Но смелые люди сбили с него цепи, и сразу же всё изменилось.

...Сделались лугами топи,
Пустошь — пастбищем для стада,—

поёт сказительница, и слушатели отлично понимают, что сказительница поёт об их сегодняшней счастливой жизни.

Преобразилась эстонская земля, и на ней ярко и благоуханно распускается «цветок счастья» — народное искусство.

Ю. Новикова

Необыкновенная фабрика

Э. Андриевская

Разведчики и заготовители

Эта необыкновенная фабрика разместилась в Москве, на Богородском шоссе. Но часть цехов её разбросана по разным городам нашей страны. Оттуда, из заготовительных цехов, в адрес фабрики идут посылки с сырьём и полуфабрикатами.

Раскроешь такую посылку,— там лежат засушенные ветки деревьев, или коробочки хлопка, или бабочки на ватных матрасиках. А на некоторых ящиках рядом с адресом можно вдруг увидеть неожиданную приписку: «Внимание, живой груз!» Вот так полуфабрикаты!

Что же это за фабрика и какую продукцию она выпускает?

Фабрика называется «Природа и школа».

Всякая фабрика работает по плану. У фабрики «Природа и школа» тоже есть план. Точно известно, сколько десятков тысяч гербариев и коллекций нужно сделать в этом году.

Но как же набрать такое множество бабочек и жуков?

Каждый год фабрика снаряжает научные экспедиции в самые отдалённые области нашей страны.

Вот, например, отправилась экспедиция в Таджикистан, в Гиссарскую долину. Много километров исходили и изъездили участники этой экспедиции. Они взбирались высоко в горы, спускались в низины. Внимательно приглядывались они ко всему, что попадалось в пути. Тут обнаружили личинки жука-нарывника, там отметили заросли дикого миндаля, там разыскали редкое насекомое — палочника.

Представьте себе: лежит на ветке сухая палочка, ну прямо отломленный сучок. И вдруг зашевелился сучок и стал подниматься вверх. Дотронься до него — и насекомое сразу застынет, станет снова похожим на палочку.

Хорошо бы иметь такое насекомое в школьной коллекции!

Теперь в Таджикистане открыт новый заготовительный цех. Таких цехов у фабрик уже десять. На Украине, в Молдавии, Мурманске, Майкопе, в Крыму и на Урале специалисты-биологи кропотливо заготовляют материал для будущих коллекций и гербариев.

У каждого заготовительного цеха есть свои разведчики. Они точно знают, где и когда зацветут цветы, которые нужны для гербария, в какое время дня и в какую погоду лучше добывать ядовитых сколопендр, где надо искать личинки майского жука, куда прячется паук-тарантул.

Но заготовители думают не только о сегодняшнем дне. Они помнят и о том, что в следующем году и через два года и ещё через много лет нужно будет тоже заготавливать для коллекций сырьё.

Вот идёт разведчик лесом, поглядывает, не пришло ли время заготовлять ветки берёзы, не пора ли ловить кузнечиков, и вдруг видит свежую сосновую вырубку. Он сейчас же делает пометку в своём блокноте. Раз деревья вырублены, нельзя уже посылать сюда бригаду за сосновым шелкопрядом. А про вырубку он обязательно расскажет начальнику цеха. В будущем году сюда пришлют собирать жука — большого соснового долгоносика. Он-то уж наверняка поселится здесь, потому что откладывает яйца на сосновых пнях.

Друзья

Из Мурманского порта отправляются в море рыболовецкие суда — траулеры «Акула», «Сом», «Касатка», «Треска». В трюмы загружено топливо, питьевая вода и продукты для экипажа. Всё готово к отплытию.

Но что за странный груз принимают моряки на борт? Высокие стеклянные, наглухо закрытые банки, наполненные прозрачной жидкостью. Заботливо ставят моряки эти

банки в специальные сетки, чтобы не разбились они в море во время качки.

С первым же уловом рыбы, когда трал поднимут на поверхность, в нём обязательно найдут всякую морскую живность: морских ежей, раков-отшельников, осьминогов и каракатиц. Вот тут-то и пригодятся загадочные банки, которые моряки взяли с собой из Мурманска. Выловленных животных помещают в банки с раствором формалина.

К прибытию траулеров в порт вместе с родными и близкими, встречающими рыбаков, на пристань обязательно придут и работники заготовительного цеха фабрики «Природа и школа». Они придут встречать своих друзей-моряков и принимать от них драгоценный улов.

Однажды на фабрику прибыла короткая тревожная телеграмма из Одессы: «Нет медуз!»

— Что теперь делать? Как же наши коллекции? — забеспокоились работники цеха зоопрепаратов.

Разумеется, медузы не исчезли. Просто крупные медузы, которых часто можно видеть у берега, не годятся для коллекций, а мелкие — молодь, те самые, за которыми охотятся заготовители фабрики,— никогда не появляются в тёплых слоях воды. Они плавают на глубине, и их прибивает к берегу только в прохладную погоду.

И, как назло, весь август стояла невыносимая жара, ветер дул с моря, вода сильно нагрелась на солнце. Мелкие медузы не показывались в лиманах. А время уходило. Вот тогда-то и пришла на фабрику телеграмма.

Но тревога оказалась напрасной. И в Одессе нашлись друзья: школьники села Малой долины. Ребята наблюдали за лиманами, и, как только началось похолодание и первые медузы появились у поверхности воды, бригада пионеров дружно занялась ловлей молодых медуз для фабрики «Природа и школа». Скоро цех зоопрепаратов получил из Одессы первую партию медуз.

Цех энтомологических коллекций

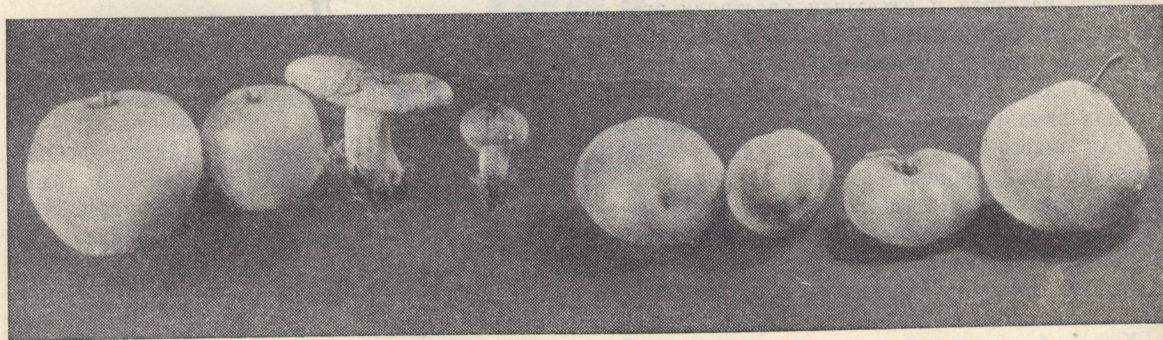
Каждая посылка, присланная на фабрику, попадает сначала в цех первичной обработки. Здесь посылки сортируют. Растения передают в ботанический цех, морских животных — в цех влажных зоопрепаратов, полезные ископаемые — в минералогический цех, а насекомых — в энтомологический.

В этом цехе насекомых-«новичков» первым делом отправляют в баню. Да, да, именно в баню. В дороге они подсохли: возьмёшься пинцетом за крылышко бабочки или попробуешь изменить положение ножки у кузнечика — и ножка и крылышко могут обломиться. Оставлять же ножку подогнутой или крылья бабочки сложенными тоже нельзя. Насекомые, даже самые мельчайшие мушки, должны лежать в коробке с коллекцией так, чтобы можно было хорошо рассмотреть все шесть ножек, крылья и усики, даже если они длиной всего в 1—2 миллиметра.

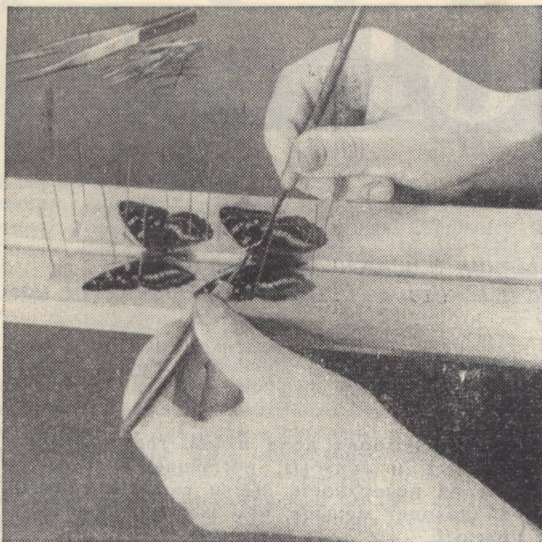
Баней называется небольшая стеклянная коробка с крышкой. Дно коробки засыпают песком, смоченным водой, а поверх стелют ватную прослойку — матрасик. На этот матрасик осторожно укладывают бабочек, стрекоз, жуков, прикрывают крышкой и оставляют там на сутки.

От сырого песка воздух в коробке становится влажным. И поэтому членики насекомых делаются мягкими и подвижными. Они уже не обламываются, когда работницы препаровальными иглами, похожими на вязальные крючки, придают крыльям и лапкам насекомых нужное положение.

Крылья разглаживают на деревянных расправилках. Расправилка состоит из двух дощечек,

Так искусно сделаны эти грибы и фрукты, что их трудно отличить от настоящих.

Крылья бабочек разглаживают на деревянных расправилках.

между которыми тянется желобок. В желобке помещают тельце бабочки или стрекозы, а крылья расправляют на дощечках и закрепляют длинными полосками целлофана.

Потом насекомых вместе с расправилкой ставят в сушильные шкафы на две недели, где они обвеваются тёплым воздухом.

История одного яблока

Вот лежит красивое крупное яблоко, мичуринский сорт «бельфлёр-китайка». Но вы не пытайтесь его попробовать. Яблоко не настоящее. Это муляж — модель яблока, изготовленная в муляжном цехе фабрики.

Как же делается муляж?

Горячей смесью парафина, стеарина и воска заполняют гипсовую форму, а когда смесь застынет, её осторожно извлекают из формы и накалывают на острые металлические спицы.

Войдёшь в муляжный цех — и сразу тебе бросятся в глаза белые, будто заснеженные, помидоры, груши, яблоки. К ним ещё не успела прикоснуться кисточка художника. Художник придаст муляжам нужный тон, наведёт на яблоки румянец, окрасит красно-оранжевой краской помидоры, сделает бархатно-коричневыми шляпки грибов — и муляжи готовы. Они сделаны так искусно, что их почти не отличишь от настоящих плодов.

Коллекция рассказывает

На столах разбросаны куски ткани с пёстрым, весёлым рисунком. Вооружившись ножницами, работница ловко режет материю.

Может быть, здесь пошивочная мастерская? Но зачем же тогда понадобилось разрезать ткань на такие мелкие лоскутки?

Нет, здесь не шьют. Квадратик материи наклеивают на дно картонной коробки. В каждой коробке — коллекция, которая расскажет вам историю кусочка хлопчатобумажной ткани. А история эта начинается издалека: с того самого времени, когда в одном южном совхозе посеяли маленькое семечко хлопчатника вместе со многими другими семенами. Из семечка вырос куст хлопчатника, отцвели его цветы, раскрылась коробочка. Тогда собрали хлопок, отвезли его на фабрику. Там его очистили, прочесали; машины напряли пряжу, изготовили нитки, а из ниток-то и выткали ткань, от которой отрезан наш лоскуток.

Обо всём этом рассказывает коллекция.

А знаешь ли ты, из чего добывают пластмассу и парафин? Что можно получить из угля и торфа? Об этом расскажут тебе коллекции, сделанные технологическим цехом.

Другие коллекции познакомят тебя с теми растениями и полезными ископаемыми, которые используются в нашей промышленности.

* * *

Этикетка наклеена. Коллекция упакована и готова к отправке. Со склада её повезут на станцию в объёмистом ящике. Бережно погрузят этот ящик в почтовый вагон, и отправится он в город, где ты живёшь.

Через много рук прошла эта коллекция — от заготовителей до упаковщиков. Много людей вложили в неё свой большой труд, с любовью готовили они её для тебя и твоих товарищей.

И, может быть, сегодня на уроке учитель покажет всему классу эту аккуратную и теперь уже немножко знакомую тебе коробочку.

Ты рассмотришь жука, стрекозу, бабочку, прикрытых стеклянной крышкой, или увидишь в ячейках коробки минералы, которых не видал прежде: прозрачный горный хрусталь, зелёный малахит, кусочки боксита, бурого железняка. И тебе станет гораздо понятнее то, о чём рассказал учитель.

Почему и Отчего

Дорогая редакция журнала «Пионер»!

Отчего при восходе и закате солнце бывает оранжевое или даже совсем красное?

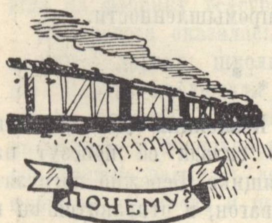
Толя Филенко, Зина Падалка.
Город Цюрупинск.

В самом деле: почему же солнце бывает красным, когда оно низко над горизонтом? Это очень интересно, но давайте, ребята, разберём сначала другой, не менее интересный вопрос: какого вообще цвета солнечные лучи? Действительно ли они такие, какими мы их видим? Физики, изучая природу и свойства света, уже давно открыли, что от солнца исходит множество различных лучей, большая часть которых совсем невидима. Видимые лучи тоже неодинаковы, они различных цветов: красные, оранжевые, жёлтые, зелёные, голубые, синие и фиолетовые.

Наше зрение устроено так, что эту смесь разноцветных лучей мы воспринимаем как белый свет. Правда, мы видим его чуть желтоватым. Объясняется это тем, что земной шар окружён атмосферой и в толстом слое атмосферного воздуха некоторая доля лучей, главным образом синих и голубых, поглощается. Поэтому к нам на поверхность земли синих и голубых лучей доходит меньше, чем жёлтых, оранжевых и красных.

Чем ближе к земле, тем плотнее воздух, тем больше в нём водяных паров и тем больше поглощается лучей. Вот мы и подошли к вашему вопросу. Утром и вечером, когда нам видно солнце низко над горизонтом, его лучи скользят вдоль земной поверхности, где воздух всего плотнее. Путь лучей через плотные слои воздуха в это время длиннее, чем днём. В результате синих и голубых лучей задерживается ещё больше, и к нам приходят почти одни красные и оранжевые. Вот мы и видим красное или оранжевое солнце.

Е. Владимирова

Дорогая редакция!

Почему это, когда поезд идёт по лопнувшему рельсу, обязательно бывает крушение.

Лида Лобанова, Неля Перелыгина.
Ст. Фёдоровка, Лемешкинского района, Балашовской области.

Знаете ли вы, друзья, какое давление испытывает рельс железнодорожного пути, когда по нему проходит поезд? Каждая ось вагонов давит на рельсы с силой примерно в двадцать тонн, в двадцать тысяч килограммов!

Теперь представьте себе, что мчится по рельсам тяжёлый товарный состав, в котором около ста вагонов. Мчится он со скоростью семидесяти километров в час. Если где-нибудь на рельсе появилась трещина, хотя бы шириной в волос, это грозит крушением. Не выдержит нагрузки повреждённый рельс, выколется у него часть головки и образуется выемка. При огромной скорости и тяжести поезда это всё равно что глубокая рытвина. На ней обязательно соскользнёт колесо какого-нибудь вагона. Огромный разгон поезда — то, что в физике называется инерцией — не даст составу остановиться, и он пойдёт под откос.

Трещина на рельсах может образоваться от разных причин. Например, от усталости металла. Да, не удивляйтесь, даже металл устаёт, изменяет своё строение. Уставшая сталь теряет упругость, становится хрупкой.

Но советские железнодорожники зорко следят за сохранностью рельсов. День и ночь путевые обходчики проверяют рельсы на своих участках. А наши инженеры построили точный и чуткий прибор, дефектоскоп. Катится тележка дефектоскопа по рельсу, и прибор сразу даёт сигнал, если встретится трещина, даже такая крохотная, что человеческому глазу её без микроскопа не разглядеть. Дефектную рельсу тотчас же, немедленно заменяют.

И. А. Копылов,
заведующий лабораторией пути Московского ордена Ленина института инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина.

НАШИ ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ

С книгой вы подружились, когда были ещё совсем маленькими. Каждый прочитанный рассказ, повесть, стихи вызывают у вас новые мысли, чувства и впечатления, о многом рассказывают. Но, конечно, у всех вас есть книги особенно любимые. Письма ребят о их любимых книгах мы печатаем здесь. Письма эти были присланы в Дом детской книги. Напишите и вы, ребята, о книгах, которые вас больше всего затронули и взволновали, напишите о своих любимых героях и о том, почему они вам близки и дороги.

Книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» произвела на меня очень большое впечатление. Я прочитала её два раза и согласилась бы читать ещё несколько раз. Особенно понравился мне Тимур. Это самый справедливый, заботливый и честный человек, он проявлял мужество и силу воли с ранних лет. И как мне стало обидно в том месте, где женина сестра Оля назвала Тимура хулиганом! Конечно, это было по ошибке. Я думаю, когда она поближе узнала Тимура, ей самой, верно, стало неловко.

Юнкома Евсюкова,
Дульдургинский район, Читинской области.

* * *

Сегодня я кончила читать «Молодую гвардию» А. Фадеева. Уже который раз перечитываю я эту книгу!

Молодогвардейцев я полюбила сразу же, как только впервые узнала о них из романа А. Фадеева. Особенно дорог мне мужественный Олег Кошевой. И каждый раз, перечитывая «Молодую гвардию», я задумываюсь: почему он, обыкновенный юноша, стал таким смелым, бесстрашным?.. Должно быть, это потому, что он рос в нашей стране, был воспитан в коммунистическом духе и очень любил Родину.

Думая об Олеге, я особенно чувствую свои недостатки. Я твёрдо решила избавиться от них.

Надя Зачайкевич,
г. Умань, Киевской области.

* * *

Книга А. Фадеева делает людей смелыми, сильными, решительными. Во мне она зажгла какой-то огонёк.

Нэля Перфильева,
г. Иркутск.

* * *

В этом году я готовилась к вступлению в комсомол и читала книги о лучших комсомольцах. Но особенно сильное впечатление произвели на меня герои Н. Островского Павел Корчагин и Андрей Птаха. Таким членом комсомола мне хотелось бы стать!

Галя Уварова,
г. Ворошиловград.

* * *

Я очень люблю книгу С. Маршака «Сказки, песни, загадки». Она просто замечательная. Она веселит шутками, радует и учит уважать умных и добрых, а злых и жадных ненавидеть.

Мне нравятся все стихи и песни, которые написаны С. Я. Маршаком.

Светлана Жданова,
с. Низовка, Красовского района, Саратовской области.

* * *

Я прочитал две книги повести В. Осеевой «Васёк Трубачёв и его товарищи». Мне особенно понравилось то, что события в них раскрываются по порядку: мы узнаём жизнь одних и тех же ребят в разное время. Мечтаю прочитать третью книгу!

Виктор Скороходов,
д. Уралово, Курской области.

* * *

Повесть А. Кононова «Верное сердце» я прочитал с таким же азартом, с каким её герой Гриша читал «Тараса Бульбу». Меня заинтересовала биография писателя А. Кононова. Мне кажется, что нельзя так хорошо показать жизнь реалистов, не побывав в реальном училище.

Я убеждён, что жизнь в реальном училище не могла быть иной, чем показано в этой книге. Это не моя доверчивость к писателю, а просто чувствуется, что описание правдиво.

Особенно мне понравился Гриша Шумов. Он не умеет кланяться, врать, выдавать товарища... Ему тяжело смотреть на людей,

у которых сгорел дом. Ему хочется помогать людям. И он с детства помогал им, сам того не подозревая: помог Ивану-солдату связаться с Комлевым, передавал листовки. Видно, что он и сам будет таким же, как Комлев, как Оттомар Редам. Гриша — будущий революционер. Это признают все: даже ротмистр, который допрашивал его, по-своему высказал это.

До Гриши Шумова у меня не было любимого героя.

Женя Киселёв,
г. Советск,
Кировской области.

* * *

В повести-сказке М. Пришвина «Кладовая солнца» мне понравилось описание детей-сирот, как они дружно жили и помогали колхозу. Мне понравилось отношение соседей к детям. Хорошая у них дружба!

Очень хорошо также описан мальчик Митроша, который на одиннадцатом году своей жизни убил хитрого волка, а ведь его никто из охотников не мог убить.

Зина Бубенина,
г. Рубцовск,
Алтайского края.

* * *

В третий раз я прочитала роман В. Каверина «Два капитана». Какая это замечательная книга! С какой яркостью показан в ней облик советского человека! Это моя настольная книга. Мне хочется воспитать у себя такую же силу воли, как у Сани Григорьева. Слова его клятвы: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» — я написала на первой странице своего дневника. И они стали моим девизом. Недавно меня назначили отрядной вожатой, я горжусь поручением. Своим пионерам я рассказала о Сане Григорьеве, он им тоже нравится.

Эмма Томм,
Усть-Уйский район,
Курганской области.

* * *

Я прочитал повесть И. Ликстанова «Малышок». Очень эта книга

мне понравилась! Я вместе с Костей Малышевым переживал то, что пережил он. Когда он радовался, я радовался. А когда с ним случалось несчастье, я чуть не плакал. Особенно, когда директор завода не захотел просить у М. И. Калинина о награждении «Малышка» медалью, здесь я не выдержал и заплакал. И когда Мингарей Бегиров вызвал Костю на соревнование и Костя смотрел на медаль Бегирова, я тоже очень волновался. Я так понимал, что переживал в эти минуты Костя!

Валентин Набойченко,
ст. Величковская,
Краснодарского края.

* * *

В нашем классе обсуждалась повесть В. Катаева «Сын полка». Нам очень понравились образы взрослых в этой повести. Ведь даже там, где шли бои, советские люди окружили мальчика Ваню Солнцева теплом и заботой. Разведчики Быденко, Егоров и капитан Енакиев заменили Ване родителей. Фашисты отняли у Вани детство, но он не пропал. Советские люди вывели мальчика на широкую дорогу.

Сайгибат Маллаева,
с. Санги, Кайтагского района,
Дагестанской АССР.

* * *

Недавно я прочёл книгу М. Ильина «Человек и стихия». Особенно понравились мне те главы, где рассказано, как человек борется со стихией. Интересны те места, где говорится об изучении Петром Первым Каспийского моря, о приборах, которые измеряют дно морей и океанов, о греках, которые первыми задумались над тем, почему на севере холодно, а на юге тепло.

Женя Слуцкин,
с. Раменское,
Московской области.

* * *

В нашем 8-м классе «Б» роман М. Прилежаевой «Над Волгой» с увлечением прочли все комсомольцы. Ведь в романе рассказывается об учениках 8-го класса!.. Герой книги Володя Новиков сначала не нравился мне, а к концу книги понравился.

А таких холодных людей, как Брагин, я ненавижу.

Г. Корочанская,
рудник Ташковка,
Ворошиловградской области.

* * *

«Повесть о настоящем человеке», которую написал писатель Б. Полевой, я читала с восторгом и радостью. По-моему, эта книга должна быть дорога каждому советскому человеку. Как я радовалась, когда Мересьева в лесу разыскали мальчики!

Люда Босякова,
Тульская область.

* * *

Я сильно полюбил книги С. Григорьева «Малахов курган» и «Победа моря». Адмиралом Макаровым я заинтересовался после того, как посмотрел пьесу «Порт-Артур». Тогда ребята посоветовали мне прочитать «Победу моря», и я узнал из этой книги много интересного.

О. Коряк,
г. Запорожье.

* * *

Я узнал из книги В. Бианки «Лесная газета» много интересного. Узнал, что новый год начинается 21 марта, что некоторые птицы приходят к нам пешком, что есть такие собаки, которые вытаскивают зверя прямо из нор, и множество других новых и интересных вещей про зверей и птиц.

Саша Воробьёв,
г. Москва.

* * *

Книга Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына» останется у меня в памяти до самой гробовой доски. Мне она особенно понятна, потому что мы также страдали во время войны. Мы жили в городе Ржеве. Фашисты сожгли у нас школу, убили четырёх наших комсомольцев и двух учительниц.

Тамара Симина,
д. Борисово,
Калининской области.

* * *

Книгу В. Ананяна «На берегу Севана» я прочитал с удовольствием. В ней рассказывается о юных натуралистах Армении, интересно описаны приключения ребят, их радости и невзгоды. Правда, некоторые места кажутся немного преувеличенными: например, случай с кладом, который юные натуралисты нашли в пещерах. Что-то уж слишком много нашли они драгоценностей! Но в общем книга очень хорошая и интересная.

Евгений Дудинов,
г. Москва.

* * *

В книге Юрия Сотника «Невиданная птица» мне больше всего понравились рассказ «Архимед Вовки Грушина» и повесть «Про наши дела». Я читал их вслух брату, и в самые захватывающие минуты мы прямо не дышали.

Слава Филатов,
г. Ташкент.

* * *

Прочитав трилогию В. Беляева «Старая крепость», я почувствовала ещё большую вражду к извергам, которые хотят войны, — ведь из-за войны погибли такие прекрасные коммунисты и комсомольцы. Мне очень жаль Юзика Стародомского и Сашу Бобыря, и я ненавижу Котьку Григоренко, который стал предателем...

Валя Мидцева,
с. Черново, Ивантеевского района,
Саратовской области.

* * *

Я учусь в 4-м классе на «четыре» и на «пять». Я прочитала книгу «Стихи детям» А. Барто. Она мне очень понравилась. Особенно мне понравился «Звенигород». В нём показано, какие дружные наши ребята. Ещё очень хорошие стихи в этой книге «В школу». В них рассказано о мальчике Пете, который пойдёт первый раз в школу. Он так хотел в школу, что даже просыпался ночью. Я тоже, когда первый раз шла в школу, просыпалась ночью.

Валя Яценко,
г. Ворошилов,
Приморского края.

* * *

Недавно я прочитал книгу А. Ферсмана «Занимательная минералогия». Из неё я многое узнал. Раньше я не думал, что минералогия может быть занимательной, но когда прочитал эту книгу, то убедился, что это так.

До этого я очень мало знал о минералах. Например, я не имел никакого представления о радии или о калии. Из этой книги я узнал, что радий обладает замечательными свойствами: его лучами лечат раковые опухоли. Или, например, такой металл — галлий, о нём я тоже никогда не слыхал. На вид он совершенно твёрдый, но стоит его взять в руку, как он расплавится и превратится в сверкающую жидкость. Тепла руки достаточно, чтобы расплавить этот металл!

И ещё о многих минералах я узнал из этой полезной книги. Советую и вам прочитать эту книгу, ребята!

Александр Чудин,
г. Москва.

* * *

Я очень люблю читать о Севере. В этом году я прочитал книги «На Севере дальнем» Н. Шундика, «Чукотка» и «Алитет уходит в горы» Т. Сёмушкина. Во всех трёх книгах очень ярко и увлекательно рассказано о прошлом и настоящем нашего Севера, о его природе и людях.

Хорошо, чтобы побольше было таких книг.

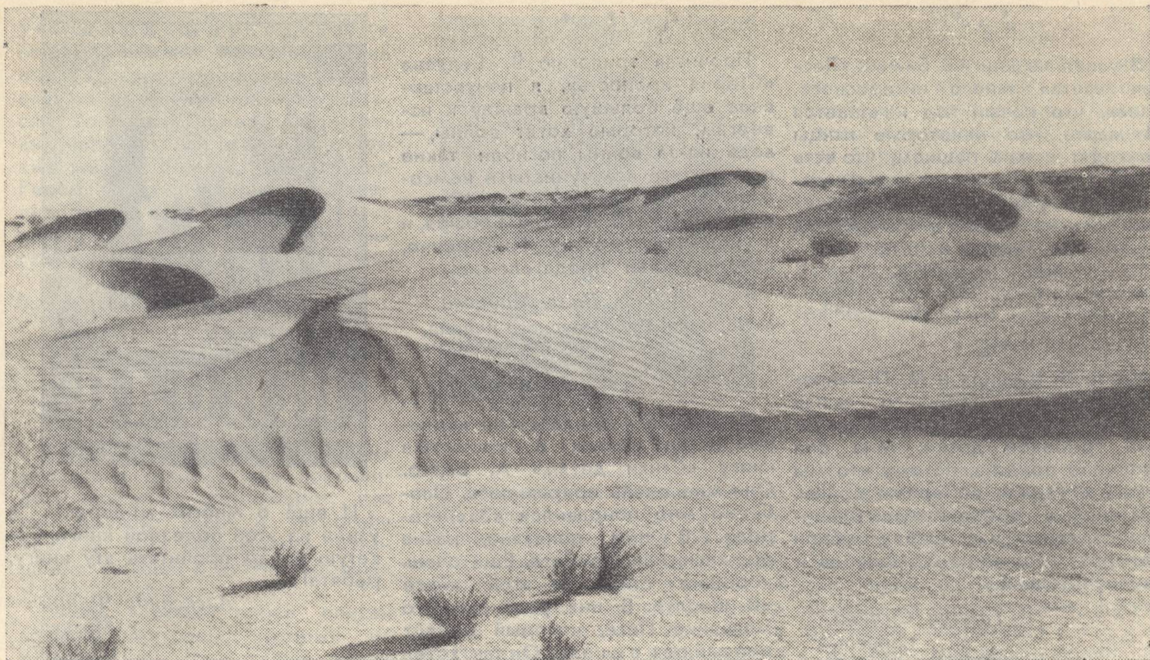
Алексей Беленков,
г. Москва.

* * *

Мы очень любим стихи Сергея Михалкова. Они легко читаются, быстро заучиваются, прочно запоминаются. Недавно мы провели в своей дружине пионерский сбор на тему «Детский писатель Сергей Михалков». На этом сборе мы прочитали много стихов поэта.

Пионеры С. Герасимова, Н. Антонова, В. Кудряшов,
Узловский район,
Московской области.

ПЕСКИ

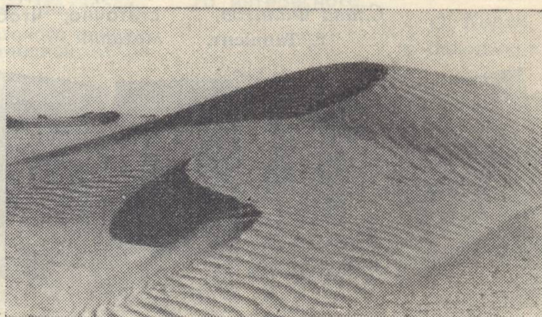
Посмотрите, какими волнами лежат пески пустыни. Это барханы.

Поверхность моря в непрерывном движении, ваш глаз не успевает следить за ритмичной пляской волн. А пески? Кажется, они неподвижны. Но это только кажется. Даже самый лёгкий ветерок срывает с гребня песчинки и сбрасывает их вниз, на противоположный склон. А когда ветер посильнее, на гребнях барханов курятся песчаные облачка, словно снег в метель над сугробом. Да, если разобраться, это скорее песчаные сугробы, а не волны. Всмотритесь повнимательней в эти фотографии, сделанные в Кара-Кумах: видите, какой пологий один из склонов бархана и как круто спускается от гребня другой его склон? Как вы думаете, отчего с этой стороны гребня словно пещерка выкопана? И кто её выкопал?

Ветер! Ведь ветер — это движущийся воздух. Если бы вдруг стали видимы воздушные струи, обтекающие бархан, оказалось бы, что на пологом склоне они ровно поднимаются вдоль поверхности и гонят стаи песчинок вверх. А над вершиной круто сворачивают книзу и назад, ударяют в подветренный склон, выбивают отсюда песчинки и «выкапывают» то углубление, над которым нависает гребень. Здесь, за гребнем,— затишье. Песчинки падают вниз, и там склон снова становится пологим.

Медленно перегоняет ветер песчинки, и медленно движутся барханы. Не за минуты и часы, а за сутки и недели становится заметным их перемещение. Если бы остановить это движение барханов, на них постепенно образовался бы растительный покров, и не стало бы пустыни. Но движение песков мешает закрепиться растениям. Не справиться нашим травам и кустарникам с мириадами непоседливых раскалённых песчинок. Получается словно заколдованный круг. Чтобы поселились в пустыне растения, надо остановить пески, а чтобы остановились пески, надо, чтобы на них поселились растения.

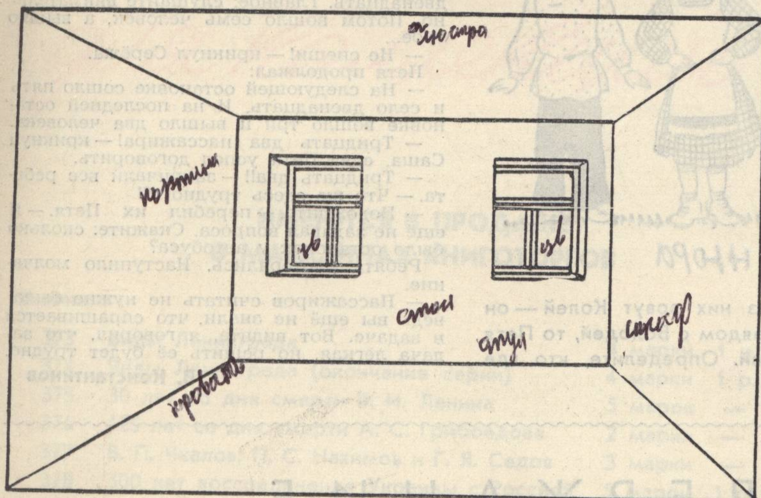
Природа не может сама разорвать этот круг, и пустыня останется пустыней, если не вмешается человек. Советские учёные уже давно делают опыты по закреплению песков. Они засевают барханы самыми неприхотливыми цепкими травами и кустарниками. С поддержкой могучего союзника — человека эти зелёные поселенцы укрепляются на песках, своими корнями связывают их, своими стеблями мешают ветру гнать песчинки. На остановленных барханах понемногу образуется почва, а в почве задерживается влага. Всё больше разрастается зелень, медленно, шаг за шагом отвоёвывая у пустыни её владения.

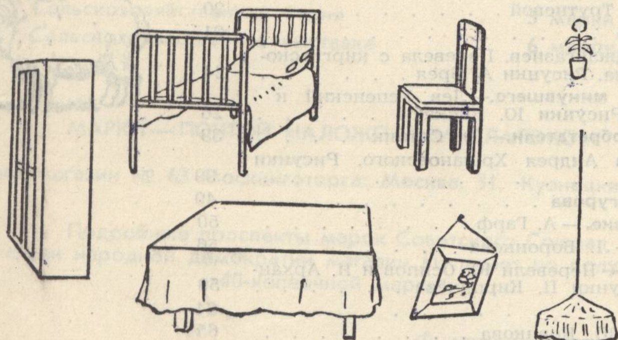

В ЧАСЫ ДОСУГА

ЗАДАЧА ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ

На этой картинке нарисована пустая комната. Вся мебель из комнаты вынесена.

Вот эта мебель. Попробуйте расставить её в пустой комнате. Но помните, что мебель нарисована в определённом положении; следовательно, для каждого предмета в комнате должно быть найдено своё место, иначе перспектива будет нарушена.

Эту задачу можно решить мысленно. Если это покажется трудным, перерисуйте все предметы на прозрачную бумагу, вырежьте их и попробуйте разложить на рисунке, изображающем комнату.

В. Константинов

НЕОЖИДАННАЯ СУММА

На небольшом листке бумаги крупно напишите число 11, поставив одну единицу не очень близко к другой.

Покажите своим товарищам этот листок и предложите разделить написанное на нём число на такие две части, которые при сложении дали бы сумму в 5,5 раза меньше одиннадцати.

Едва ли кто-нибудь из ребят быстро решит эту шуточную задачу.

Минутку подождав ответа, сложите листок так, чтобы линия сгиба прошла между единицами, и затем разрежьте бумагу.

Взглянув на числа, написанные на двух отдельных частях листка, каждый, конечно, скажет, что при сложении одной единицы с другой получится 2, то есть в 5,5 раза меньше одиннадцати.

Задайте ребятам другой вопрос: в чём заключается ошибка, благодаря которой как будто удалось получить результат, соответствующий условию задачи?

Раньше, конечно, вы сами должны найти ответ на этот вопрос.

И. Чкаников

ЧАЙНИКИ

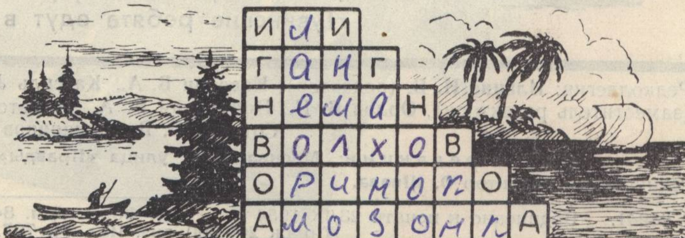

Оба эти необыкновенные чайника наполнены до отказа водой. Стоят они на плите. Какой чайник закипит раньше?

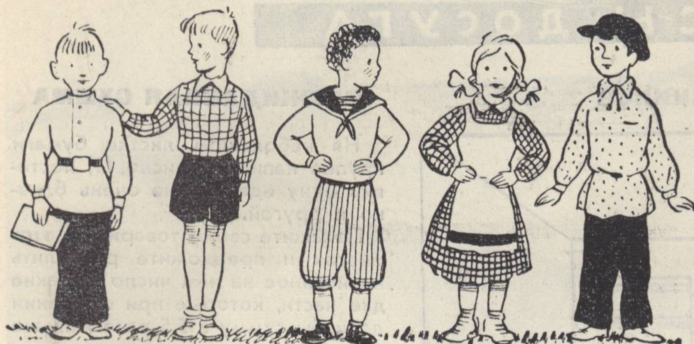
КАКИЕ ЭТО РЕКИ?

В пустые клеточки впишите недостающие буквы и прочтите названия двух рек Азии, двух рек Европы и двух рек Америки, которые, как видите, начинаются и оканчиваются одной и той же буквой. Какие это реки?

А. Левшин

КАК ИХ ЗОВУТ?

Вот пятеро товарищей. Одного из них зовут Колей — он стоит с краю. Если бы Нюра стояла рядом с Володей, то Петя очутился бы рядом со своим тёзкой. Определите, кто где стоит.

ЗАДАЧА — ШУТКА

Петя Сорокин задал своим приятелям одну задачу. Эту задачу — шутку можете предложить своим друзьям и вы, ребята.

— Задача лёгкая, но решить её всё-таки трудно, — сказал Петя. — Только слушайте меня внимательно.

Ребята замолчали, и Петя начал:

— Автобус вышел с конечной остановки. На первой остановке в него вошло восемь пассажиров, на следующей — двенадцать. Главное: слушайте внимательно. Потом вошло семь человек, а вышло трое...

— Не спеши! — крикнул Серёжа.

Петя продолжал:

— На следующей остановке сошло пять и село двенадцать. И на последней остановке вошло три и вышло два человека.

— Тридцать два пассажира! — крикнул Саша, едва Петя успел договорить.

— Тридцать два!! — закричали все ребята. — Что же здесь трудного?!

— Подождите, — перебил их Петя. — Я ещё не задавал вопроса. Скажите: сколько было остановок у автобуса?

Ребята растерялись. Наступило молчание.

— Пассажиров считать не нужно было, ведь вы ещё не знали, что спрашивается в задаче. Вот видите, я говорил, что задача лёгкая, но решить её будет трудно.

В. Константинов

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:

Рисунок М. Бутровой

«Тувинские ребята едут в школу».

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **О. Швова.** **Рукописи не возвращаются.**

А 06941. Подписано к печати 23/IX 1954 г. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 200 000 экз. Изд. № 797. Зак. 2628.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Марки для коллекций

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ

№ пакета			
373	Виды Ленинграда	4 марки	1 р. 20 к.
374	Виды Ленинграда (окончание серии)	4 марки	1 р. 20 к.
375	30 лет со дня смерти В. И. Ленина	5 марок	— 60 к.
376	125 лет со дня смерти А. С. Грибоедова	2 марки	— 40 к.
377	В. П. Чкалов, П. С. Нахимов и Г. Я. Седов	3 марки	— 65 к.
378	300 лет воссоединения Украины с Россией	5 марок	1 р. 20 к.
379	300 лет воссоединения Украины с Россией (окончание серии)	5 марок	1 р. 08 к.
380	Виды спорта	8 марок	1 р. 50 к.
381	Сельскохозяйственная серия	3 марки	— 36 к.
382	Сельскохозяйственная выставка	6 марок	1 р. —

МАРКИ — ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

высылает магазин № 63 Москниготорга: Москва, 31, Кузнецкий мост, 20.

Подробные проспекты марок Советского Союза и стран народной демократии магазин высылает по получении 40-копеечной марки

Филателистическая контора

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФЛАГИ
СОЮЗНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Государственный флаг Союза ССР.

1

2 3 4

5 6 7

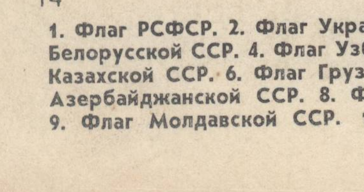
8 9 10

11 12 13

14 15 16

1. Флаг РСФСР. 2. Флаг Украинской ССР. 3. Флаг Белорусской ССР. 4. Флаг Узбекской ССР. 5. Флаг Казахской ССР. 6. Флаг Грузинской ССР. 7. Флаг Азербайджанской ССР. 8. Флаг Литовской ССР. 9. Флаг Молдавской ССР. 10. Флаг Латвийской ССР. 11. Флаг Киргизской ССР. 12. Флаг Таджикской ССР. 13. Флаг Армянской ССР. 14. Флаг Туркменской ССР. 15. Флаг Эстонской ССР. 16. Флаг Карело-Финской ССР.